

CONTENTS

The Status of Professional Vocabulary in the Language System	
	Vinogradov Daniil Vadimovich 11
Semantic Content of the Tokens Risk, Risky and High Risk in Modern Russian	
	Ivanova Nelya Stefanova 35
«Poppy Field» by Ermolai Lopakhin and «Poppy Fields» by European Impressionists (based on the Play of A. P. Chekhov «The Cherry Orchard»)	
	Nikolaeva Svetlana Yurievna 51
Spiritual Realism as a Literary Category	Redkin Valery Alexandrovich 69
Linguistic and Cognitive Tactics of Representing Religious Ideas in Leo Tolstoy's Journalistic and Artistic Works	Tokarev Grigoriy Valeriyevich / Yahyapour Marzieh 87
Migration Linguistics: Theoretical and Methodological Approaches to the Formation of the Direction	Shustova Svetlana Viktorovna 107
Activity Approach in Teaching "Russian Language and Culture of Speech" in Higher School	Mikhailova Galina Anatolyevna 127
A Study of Novel as Genre in Terms of Genre Modification in the Late 19th and Early 20th Century	Motamednia Masoumeh 145
Oriental Pages of the Early Poetry of V.V. Nabokov	Safiulina Rano Mirsachanovna 165
Plastic Origin in Literature: Fyodor Dostoevsky's Novel «Demons»	
	Stepanyan Elena Vladimirovna 187
Hermeneutics, Linguistics of the Text and Extraction of Information, Relevant for the Reader, from the Poetic Text	Manyakhin Alexey Vladimirovich 203
Comparative Analysis of the Forms of Subjunctive Mood in Russian and Persian Languages	Shafaghi Maryam / Goryachkovskaya Tatiana Dmitrievna 221
.....	
Persian Abstracts	7

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliar11@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

Статус профессиональной лексики в системе языка	Виноградов Даниил Вадимович	11
Семантический потенциал лексем <i>рисковый, рискованной и рискованный</i> в современном русском языке	Иванова Неля Стефановна	35
«Маковое поле» Ермолая Лопухина и «маковые поля» европейских импрессионистов (по пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад»)	Николаева Светлана Юрьевна	51
Духовный реализм как литературоведческая категория	Редькин Валерий Александрович	69
Лингвкогнитивные тактики репрезентации религиозных представлений в публицистических и художественных произведениях Л.Н. Толстого	Токарев Григорий Валериевич / Яхьяпур Марзие	87
Миграционная лингвистика: теоретико-методологические подходы к формированию направления	Шустова Светлана Викторовна	107
Деятельностный подход в преподавании дисциплины «Русский язык и культура речи» в вузе	Михайлова Галина Анатольевна	127
Новелла как жанр в связи с жанровыми модификациями в литературе конца XIX – начала XX века	Мотамедния Масуме	145
Ориентальные страницы ранней поэзии В.В. Набокова	Сафиулина Рано Мирзахановна	165
Пластическое начало в словесности. Роман Достоевского «Бесы»	Степанян Елена Владимировна	187
Герменевтика, лингвистика текста и извлечение актуальной для читателя информации из поэтического текста	Маняхин Алексей Владимирович	203
Компаративный анализ форм сослагательного наклонения в русском и персидском языках	Шафаги Марьям / Горячкова Татьяна Дмитриевна	221
.....		
Краткие содержания		7

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы
Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение журнала в РИНЦ."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication of the journal in the RINC."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

The Status of Professional Vocabulary in the Language System

Vinogradov Daniil Vadimovich¹

Professor of the University of Foreign Studies Hanguk,
Seoul, Korea.

(date of receiving: January, 2020; date of acceptance: May, 2020)

Abstract

Although in various classifications of social dialects the professional language (professional lexical system) is singled out sufficiently clearly, but its internal heterogeneity and terminological identification have long been the most complex theoretical problems. The professional vocabulary has received in the Russian linguistic tradition a lot of different names: argot professional vocabulary, professional argo, professional argotisms (B.A.Larin, D.S.Likhachov), professional jargons, professional jargon words (V.M.Zhirmunsky, L.P.Krysin), professional terms, professional terminology (B.L.Bogorodsky, O.N.Trubachev), not standard professional vocabulary, industry jargon words (M.A.Grachev), etc. In order to eliminate terminological inaccuracy and reveal the basic properties of the professional vocabulary is classified in the article according to the following criteria: nomination methods, normative, functional-style characteristics, emotional-expressive characteristics, dictionary fixation. The proposed classification allows us to identify three groups of vocabulary — terminology, professional vocabulary and professional jargon — each of which has its own characteristics. It seems that the identified criteria and characteristics of a professional language can be considered as basic.

Keywords: Russian Language, Professional Vocabulary, Sociolect (Social Dialect), Terminology, Jargon.

1. E-mail: daniil_vinogradov@icloud.com

Статус профессиональной лексики в системе языка

Виноградов Даниил Вадимович¹

Профессор, Университет иностранных языков Хангук,
Сеул, Корея.

(дата получения: январь 2020 г.; дата принятия: май 2020 г.)

Аннотация

Если в различных классификациях социальных диалектов профессиональный язык (профессиональная лексическая система) вычленяется достаточно четко, то его внутренняя неоднородность и терминологическая идентификация давно являются сложнейшими теоретическими проблемами. Лексика профессиональной речи получила в отечественной традиции множество различных наименований: *арготическая профессиональная лексика, профессиональное аргю, профессиональные арготизмы* (Б.А. Ларин, Д.С. Лихачев), *профессиональные жаргоны, профессиональные жаргонизмы* (В.М. Жирмунский, Л.П. Крысин), *профессиональные термины, профессиональная терминология* (Б.Л. Богородский, О.Н. Трубачев), *профессиональное просторечие, производственные жаргонизмы* (М.А. Грачев) и др. С целью устранения терминологической неточности и выявления базовых свойств лексика профессиональной речи классифицируется в статье по следующим признакам: способы номинации, нормативность, функционально-стилевые характеристики, эмоционально-экспрессивная характеристика, словарная фиксация. Предложенная классификация позволяет выявить три группы лексики – терминология, собственно профессиональная лексика и профессиональный жаргон – каждая из которых обладает собственными характеристиками. Представляется, что выявленные критерии и характеристики структурных единиц профессионального языка могут рассматриваться как базовые.

Ключевые слова: Русский Язык, Профессиональная Лексика, Социальный Диалект, Терминология, Жаргон.

1. E-mail: daniil_vinogradov@icloud.com

Введение

Несмотря на общепризнанность в отечественной лингвистике в течение длительного времени такого объекта описания и изучения, как профессиональный язык (профессиональная лексическая система), его внутренняя неоднородность и терминологическая идентификация является важной теоретической проблемой и в настоящее время.

Теоретические принципы, заложенные в 1930-е признанными классиками данного направления русистики Б.А. Лариным (Ларин 1977) и В.М. Жирмунским (Жирмунский 1936) получили дальнейшее осмысление в трудах А.В. Суперанской (Суперанская, Подольская, Васильева 1989), в работах Л.П. Крысина (Крысин 2004, 2013) и В.И. Беликова (Беликов, Крысин 2001). Особое значение в фокусе нашего исследования обретает изучение жаргонных и аргогических систем, осуществленное В.Д. Бондалетовым (Бондалетов 1987) и М.А. Грачевым (Грачев 2011).

В нашей статье сделана попытка рассмотреть не только различные гипотезы отечественных лингвистов о природе профессионального языка (профессиональной лексической системы), но и предложить ясные критерии выявления структурных единиц профессионального языка, которые могут рассматриваться как базовые при проведении новых исследований в данной области.

Основная часть

Профессиональная лексика, являясь принадлежностью социально-профессиональных групп, относится к социально-детерминированным формам речи. Любая социально-детерминированная форма речи традиционно относится к системе социальных диалектов (см., например, (Степанов 1975, 198)), реализуя функцию последних как средства общения «лиц, входящих в определенную социальную или профессиональную группировку», призванных

«объединять членов в одну корпорацию, имеющую свои интересы – профессиональные, социально-сословные, возрастные, культурно-исторические и т. п.» (Бондалетов 1987. 68). Под социальными диалектами понимается «язык определенных социальных групп. Таковы отличающиеся от общенародного языка только лексикой профессиональные языки охотников, рыболовов... и др.; групповые, или корпоративные, жаргоны или сленги учащихся, студентов, спортсменов и других, гл. обр. молодежных, коллективов; тайные языки, арго деклассированных элементов, ремесленников-отходников, торговцев. Таковы также варианты общенародного языка, характерные для определенных экономических, кастовых, религиозных групп населения» (ЛЭС 1990. 133).

В классификациях социальных диалектов *профессиональные языки* обычно занимают достаточно определенное место. В 1960-е годы В.Д. Бондалетовым была предложена классификация социальных диалектов в зависимости от их природы, назначения, языковых признаков и условий функционирования. С некоторыми уточнениями она была воспроизведена в его книге «Социальная лингвистика» (1987 г.). В.Д. Бондалетов называет 4 типа явлений, относимых им к социальным диалектам.

1. Первый тип явлений представляет собой *собственно профессиональные «языки»* (точнее – *лексические системы*), например, рыболовов, охотников, гончаров, деревообделочников, сапожников и др. *Профессиональные «языки»* – это дополнительные к основной форме существования языка (литературному языку, территориальному диалекту) *лексические системы*, свойственные представителям определенного занятия, промысла, профессии или отрасли производства. Существуют тысячи профессий, и у каждой свой «язык» (точнее, лексическая система). Количество «*профессионализмов*» зависит от степени развитости и специализации соответствующего производства. В качестве примера профессионализмов В.Д. Бондалетов приводит такие

единицы, как: *кок* (повар) в речи моряков, *на-гора* – шахтеров, *правило* (хвост лисицы) – охотников, *матка*, *трутень*, *рабочая пчела* – пчеловодов.

Профессиональные «языки» – не языки в полном смысле этого слова, их собственно языковая часть ограничивается специализированной лексикой и частично словообразованием, не распространяясь на фонетику и грамматику.

2. Вторую группу составляют групповые, или корпоративные, жаргоны, например, учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодежных коллективов. *Групповые жаргоны* в отличие от профессиональных социолектов порождены не потребностью в назывании новых понятий, а стремлением дать общеизвестным понятиям свое обозначение, отличающееся новизной и экспрессией. Лексика жаргона – это параллельный ряд слов и выражений, синонимичных первичному, нежаргонному ряду. Поскольку жаргонизмами обозначают в основном уже известное (предмет, качество, состояние), то здесь мы имеем дело с синонимами не понятийными, а почти исключительно экспрессивно-оценочными.

3. Третью группу явлений составляют условные языки (арго) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп. *Условные языки (арго)* – лексические системы, предназначенные для выполнения преимущественно конспиративной функции. Потребность в использовании тайного, непонятного для непосвященных языка возникает у социальных групп, стремящихся сознательно изолировать себя от основной части общества. В России условные языки (арго) имели распространение среди тех, кто занимался отходными промыслами: ремесленников (портных, шорников, каменщиков и т. д.), сезонных рабочих и др.

4. К четвертой группе явлений В.Д. Бондалетов относит жаргон (арго) деклассированных (Бондалетов 1987. 69).

Ст. Стойков, на материале болгарского языка, предлагает следующую классификацию социальных диалектов: 1) профессиональные говоры и

2) жаргоны; которые подразделяются на 1) тайные говоры, 2) групповые говоры, 3) классовые говоры (Стойков. 1957).

В классификации А.А. Леонтьева и др. в работе «Речь в криминалистике и судебной психологии» основные свойства профессиональных языков представлены еще более четко: 1) профессиональные языки (номинация только предметов и явлений профессиональной сферы), 2) жаргоны (номинация актуальных понятий), 3) условные языки (арго) (номинация как профессиональных, так и общеизвестных понятий) (Леонтьев, Шахнарович, Батов. 1977).

Таким образом, этот тип социальных диалектов определяется практически однозначно и имеет ряд принципиальных свойств: все исследователи подчеркивают, что профессиональные языки – это собственно профессиональные лексические системы, в которых номинируются *только предметы и явления профессиональной сферы*, соответственно *профессиональная лексика* представляет собой наименования собственно профессиональной сферы деятельности.

Несмотря на общую лингвистическую четкость данного объекта, он в различные периоды имел различные терминологические интерпретации, на которых необходимо остановиться подробнее.

Профессиональная лексика, профессиональная лексическая система до сих пор существует в совокупности следующих терминологических дублетов: *профессиональный говор, профессиональный язык, профессиональное арго, профессиональный жаргон*.

Характерно, что понятие «язык» (в имеющем терминологический характер словосочетании «профессиональный язык», употребляемом в научном обиходе вплоть до настоящего времени, – правда, с оговорками) имеет историческое соответствие непосредственно с предметом нашего исследования.

В XIX веке в русской лингвистике и в общем употреблении для обозначения профессиональных лексических систем нередко использовались

словосочетания, включающие определение «язык»: «язык петербургских мазуриков» (воровская речь), «язык офеней» и т. д., получавшие, благодаря частому использованию, устойчивый терминологический характер. Примечательно, что данные «языки» часто воспринимались как закрытые, «тайные» системы, которым приписывалась ярко выраженная конспиративная функция (В.И. Даль, И.И. Срезневский и мн. др.).

Так, в 1936 году В.М. Жирмунский писал: «В сущности термин “профессиональный говор”, а тем более “профессиональный язык”, принятый в буржуазной лингвистике, основан на неправильном словоупотреблении: в исследованиях, посвященных “языку плотников”, “языку моряков” и т. п., *речь идет только о некоторой специальной сфере профессиональной лексики внутри того или иного классового диалекта*» (Жирмунский 1936. 105).

Широкое понимание термина аргос в первой половине XX века привело к появлению терминологического сочетания *профессиональное аргос* (Б.А. Ларин, Д.С. Лихачев).

Исследование социальных диалектов, возобновившееся в 60-е годы XX века после почти 30-летнего перерыва, вывело вопрос терминологии на новый уровень. Л.И. Скворцов в 1966 г. писал: «Частные понятия, такие как жаргон, аргос, специальный язык, сленг и т. п., не имеют ... необходимой терминологической строгости определения. Они нередко употребляются без разбора, подменяют друг друга или получают неоднозначные, порой взаимоисключающие толкования» (Скворцов 1966. 5).

В современном языкознании терминологическая вариативность еще более увеличивается.

Профессиональная лексика в терминологии конца XX – начала XXI вв. может интерпретироваться как *профессиональный подъязык* (Суперанская 1989, Крысин 1989). Л.П. Крысин к *специальным подъязыкам* относит: территориальные диалекты, просторечие, профессиональные жаргоны, социальные жаргоны (Крысин 1989, 2004).

Профессиональная лексика также подпадает и под определение *социолекта*: «Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т. п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка. Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи – в виде слов, словосочетаний» (Беликов, Крысин 2001. 47).

С учетом проблем дальнейшего анализа собранного материала подчеркнем еще один важный тезис. Важнейшей особенностью любой социально-детерминированной формы речи является то, что она существует в лексиконе социальной группы наряду с литературными формами речи, а также наряду с другими социально и территориально детерминированными речевыми формами. Социальные диалекты возникают в ответ на различные профессиональные и групповые потребности отдельных коллективов, они всегда сосуществуют в речевой практике говорящих с другими формами существования языка, которые всегда выступают как первичные, основные (литературный язык, территориальные диалекты, просторечие), социальные же диалекты – как дополнение к ним. Это обусловлено в первую очередь тем, что любой человек (как и совокупность людей – социальная группа) «сопринадлежит одновременно нескольким разным по охвату коллективам» (Ларин 1977. 178).

Таким образом, рассматривая одну профессиональную лексическую систему, мы неизменно имеем дело с фактами ее взаимодействия как с литературным языком, территориальными диалектами, так и с другими формами собственно социальных диалектов (жаргонами, аргю).

Таким образом, профессиональная лексика является такой формой социальных диалектов, которая в классификациях социальных диалектов интерпретируется однозначно как *профессиональный язык*, и представляет в

своей основе собственно *профессиональную лексическую систему*, в которой номинируются только предметы и действия профессиональной сферы.

Несмотря на то, что в различных классификациях социальных диалектов профессиональный язык (профессиональная лексическая система) вычленяется достаточно четко, то его внутренняя неоднородность и терминологическая идентификация давно является сложнейшей теоретической проблемой.

Так, *лексика профессиональной речи* на протяжении истории ее изучения называлась и называется в различных исследованиях по-разному: *терминология, технические слова* (Д.К. Зеленин), *арготическая профессиональная лексика, профессиональное арго, профессиональные арготизмы* (Б.А. Ларин, Д.С. Лихачев), *профессиональные жаргоны, профессиональные жаргонизмы* (В.М. Жирмунский, Л.П. Крысин), *профессиональные термины, профессиональная терминология* (Б.Л. Богородский, О.Н. Трубачев), *профессиональный подъязык* (О.В. Борхвальдт), *профессиональное просторечие, производственные жаргонизмы* (М.А. Грачев), *профессионализмы* (Н.М. Шанский, О.С. Ахманова и др.), *специальная лексика* (В.М. Лейчик, С.Д. Шелов) и т.п. Из современных работ добавим также *профессиональное арго, профессиональный сленг, профессиональный диалект, специальный язык, профессионально-диалектное просторечие*.

Внутреннюю противоречивость рассматриваемой формы социальных диалектов объяснил Л.П. Крысин: «...профессиональные жаргоны подобны стилям литературного языка: их использование зависит от условий общения (ситуации, цели, темы, адресата и т.п.). Однако, в отличие от стилей, каждый профессиональный жаргон имеет строго определенную и притом ограниченную среду, в которой он используется и за пределами которой он непонятен. Профессиональный жаргон, таким образом, как бы совмещает в

себе коммуникативные признаки стиля и социальные признаки корпоративного (группового) жаргона» (Крысин 2004. 6).

Являясь средством профессионального общения, профессиональный язык (профессиональная лексическая система) содержит, как минимум, и специальные профессиональные *термины*, и разговорные слова, понятные только представителям данной профессии (профессионализмы). И профессионализмы, и термины входят в состав профессиональной (отраслевой, специальной) лексики, являющейся частью общей лексической системы языка.

В общей массе слов, употребление которых свойственно людям тех или иных профессий, имеющих сферой своего использования какую-либо отрасль техники или науки, Л.П. Крысин различает лексику *специальную* и *профессиональную*, понимая под первой «официально принятые и регулярно употребляемые специальные термины», а под второй — «свойственные многим профессиям экспрессивно переосмысленные, переименованные слова и выражения, взятые из общего оборота» (Крысин 2013. 144–145).

Признавая за термином ряд особенностей, отличающих его от общеупотребительного слова (нахождение термина в системе других терминов, относящихся к данной отрасли знания и образующих терминологическое поле, моносемичность и наличие дефиниции, а также стилистическую нейтральность), более или менее подробно Л.П. Крысин останавливается только на последней характеристике, оговаривая то, что профессионализм как единица профессиональной лексики часто стилистически окрашен и обладает определенной экспрессией.

Важнейшими характеристиками терминов являются «системность, наличие дефиниции (для большинства терминов), тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, а также отсутствие экспрессии и стилистическая нейтральность» (ЛЭС 1990: 508–509). Кроме того,

неоспоримыми характеристиками терминов являются их социально обязательный характер, а также связь с научными концепциями, отмечаемая исследователями в качестве «основной черты, отличающей термины от слов всех других типов» (Суперанская 1989. 7–8). Тезис о том, что «термин (для лингвиста. – Д. В.) – это имя понятия, а дефиниция – развернутое толкование этого имени» (Суперанская 1989. 11), приводит к следующему утверждению: «Под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции» (Канделаки 1977. 7).

Однако представители той или иной профессии оперируют в своей речи не только терминами, но и профессионализмами, которые, как и термины, представляют собой слова и выражения, обозначающие понятия специальной сферы деятельности. Профессионализмы, как и термины, могут проникать в общенародный язык, преимущественно в устную речь, становясь известными той части населения, которая непосредственно со сферой деятельности, «породившей» то или иное слово, не сталкивается (например, *задраить* – ‘плотно закрыть’ (из речи моряков), *вырубить* ‘выключить’ (из речи электротехников).

В разговорный язык профессионализмы (элементы профессионального просторечия) проникают благодаря своей эмоциональной выразительности, отвечая постоянной потребности носителей языка в обновлении лексического, особенно экспрессивного, инвентаря, а также потребности в языковой игре. Благодаря своей выразительности, которую можно считать одним из конститутивных свойств профессионализмов, а также порой встречающейся близости значений, профессионализмы могут выступать как просторечные, эмоционально окрашенные эквиваленты терминов (*программер*, *компьютерщик* и *программист*, *сисадмин* и *системный администратор*, *вертушка* и *вертолет*).

В отечественной лингвистике широко распространена и терминология, представленная в ряде работ Л.П. Крысина. Как отмечает исследователь, к разновидностям общенародного языка, кроме территориальных и социальных диалектов, относятся и жаргоны, в том числе – профессиональные, также присущие более или менее ограниченным группам людей, имеющие, таким образом, ограниченную сферу употребления.

Профессиональный жаргон используется только среди людей определенной профессии, «да и то, как правило, при их общении на деловые, производственные темы. В иных же ситуациях, при общении с людьми, не владеющими данной профессией, а особенно при использовании письменной формы языка, человек обычно прибегает к помощи литературных языковых средств...» (Крысин 2007. 8–9).

Профессиональный жаргон присущ людям, которых объединяет общая профессия, и используется главным образом при общении на производственные темы (*брюхо* – ‘нижняя часть фюзеляжа’ в жаргоне летчиков, *мотыль* – ‘моторист’ у моряков). Иная терминологическая трактовка данного понятия не мешает сущностному и наиболее распространенному его именованию и как профессионализм, профессиональная лексика.

Таким образом, на терминологическую вариативность наименования самого объекта (профессиональный язык) накладывается проблема его внутренней структурной неоднородности, что приводит к употреблению таких наименований, как *термины* и *профессионализмы*.

Однако и содержание данных понятий в отношении к структурным единицам профессионального языка не вполне однозначно.

Остановимся на нескольких обобщающих работах, посвященных этой проблеме, которые претендуют на ее решение, хотя бы и относительное.

С.Д. Шелов дал системный обзор всех существующих терминологических концепций и обобщил основные интерпретации профессиональной лексики, которые позднее расширил в работе (Шелов, Лейчик 2012). Ученый, рассматривая обобщенно лексику профессиональной сферы употребления как специальную, четко выделяет в ее составе: *профессиональную лексику* и *терминологическую*, и выявляет следующие терминологические концепции их соотношения в отечественной лингвистике:

1) отождествление профессиональной лексики и терминологии (В.М. Жирмунский, А.А. Реформатский, Н.М. Шанский, О.С. Ахманова);

2) различие профессиональной лексики и терминологии а) по хронологическому принципу (М.Д. Степанова, И.И. Чернышева, В.Н. Портяникова, F.Kluge): профессиональная лексика архаична, терминология – специальная лексика современной науки и техники; б) по номинативному принципу (А.В. Калинин, Б.И. Косовский): «большая точность терминологической лексики — меньшая точность профессиональной лексики» (Шелов 1984. 79);

3) частичное совпадение и частичное разделение профессиональной лексики и терминологии, что неизбежно ведет к дифференциации профессиональной лексики, одной из частей которой оказываются собственно *профессионализмы*, которые не являются терминами (А.В. Калинин, Н.Н. Медведева, В.Н. Прохорова, С.И. Сердобинцева, Н.И. Фомина, С.Д. Шелов,).

С конца XX в. в структуру профессиональных лексических систем ряд исследователей включают не 2, а 3 и иногда 4 группы языковых явлений (Е.И. Голованова, М.А. Грачев, Е.И. Квашнина, В.Н. Прохорова).

Системную классификацию профессиональной лексики провела Е.И. Голованова, которая на основании учета функционально-стилистических и эмоционально-экспрессивных характеристик выделила

- терминология и номенклатура (книжные слова),
- устный профессиональный язык, профессионализмы (разговорные слова),
- профессиональные жаргонизмы (просторечие) (Голованова 2008)¹.

Той же классификации придерживается М.А. Грачев, включая и иные критерии дифференциации профессиональной лексики (Грачев 2011).

Обобщим сделанные исследователями выводы в следующей таблице:

Предлагаемые критерии	Термины/ номенклатура	Профессиональная лексика, профессионализмы	Профессиональные, производственные жаргонизмы
Способы номинации	первичная номинация	первичная/вторичная номинации профессиональных понятий	вторичная (по отношению к терминам и профессионализмам) номинация
Нормативные характеристики	нормированы	ненормированы	ненормированы
Функционально-стилевые характеристики	книжные слова (письменная и устная форма)	разговорные слова (устная форма)	просторечие (устная форма)
Эмоционально-экспрессивная характеристика	высокая, нейтральная лексика (отсутствует коннотация)	нейтральная лексика (отсутствует или возможна коннотация)	сниженная лексика (обязательна коннотация)
Фиксация в словарях	нормативные словари, терминологические словари	не фиксируются в толковых и нормативных словарях, словари профессионализмов, жаргонизмов	не фиксируются в толковых и нормативных словарях, жаргонные, диалектные словари

Рассматривая дифференциальные признаки трехступенчатой классификации, можно заметить, что *профессиональное просторечие* обладает меньшим набором дифференциальных признаков, чем термины и профессионализмы.

1. Трудно согласиться с проводимой в (Шелов, Лейчик 2012) классификацией профессиональной лексики, в которой авторы, в частности, различают профессиональные жаргонизмы и профессиональное просторечие, однако четких дифференциальных признаков разграничения последних не обнаруживается.

Представляется, что теоретически и логически выявленные критерии и характеристики структурных единиц профессионального языка могут в целом рассматриваться как базовые.

Считаем необходимым отдельно остановиться на таком важном вопросе, как рассмотрение профессиональных лексических систем в историческом аспекте. Традиционно лексика различных промыслов или профессиональная лексика в различные исторические периоды рассматривается в рамках русской диалектологии и исторической лексикологии. Значительная часть работ по профессиональным лексическим системам выполняется в аспекте традиционной исторической лексикологии: история слов, определение их генезиса, функционирования; классификация материала осуществляется по тематическим, лексико-семантическим группам или тематическим микрополям, – тем самым дается общая характеристика состава лексической системы данной профессии, ее исторической динамики, процессов номинации в ней и т.п.

Однако со второй половины XX в. стали появляться работы, посвященные специфике формирования профессиональных лексических систем в исторической перспективе (В.Н. Прохорова, Л.П. Рупосова, О.Н. Трубачев и др.), в связи с чем лексика той или иной профессиональной группы на историческом фоне начала рассматриваться в аспекте исторического терминоведения, результатом чего стали новые парадигмы теоретического осмысления и классификации ее единиц.

Так, большинство ученых в отношении профессиональной лексики, возникающей в древнерусский и старорусский период, сходятся в аспекте ее номинативно-денотативного своеобразия. В отличие от современных терминосистем для древних профессиональных очевидна *детерминированность общенародным языком* (В. Н. Прохорова, Ф. П. Сороколетов, Ю. И. Чайкина, Н. А. Щеглова и др). Поэтому неслучайно,

что в ранних профессиональных системах так много составных наименований и мало заимствований (О. В. Борисова, Ф. П. Сороколетов). Именно поэтому в ряде различных профессиональных терминосистем используются одни и те же наименования, которые исследователи назвали «сквозными профессионализмами» (Чайкина, Зорина 1982).

Древним «терминам» (или «профессионализмам») свойственна «произвольность» (Ф.П. Сороколетов), нестрогая понятийная наполненность (Г.П. Снетова), свободное содержание (Н.А. Щеглова). Такую донаучную, «наивную» «терминологию», например, Н.А. Щеглова предложила считать «предметной» (Щеглова 1964. 9).

Основными свойствами «терминов» в ранних профессиональных системах можно считать:

- многозначность;
- неточность, недифинированность, неопределенность значения;
- наличие дублетности и широкой синонимии;
- несистемная гиперонимия (например, наличие значительного числа гипонимов при отсутствии гиперонима) и т.п. (Б.Л. Богородский, Ф.П. Сороколетов).

О.Н. Трубачев по целевым установкам профессиональной номинации в исторической перспективе выделил *статуальные* и *генуинные* терминологические наименования. Статуальные являются вторичными номинациями: имеющиеся в языке слова лишь используются в данной профессиональной системе. Генуинные наименования – номинации, изначально возникающие как условные термины в данной профессиональной сфере (Трубачев 1966. 64–65).

Важность «диахронической» природы профессионализмов в аспекте их возможного разграничения с терминологией подчеркивается Шеловым и Лейчиком: «Социальные характеристики слов, обозначающие

профессиональные понятия, в период, предшествующий образованию национальных государств и формированию национальных языков, и слов той же группы в период развитых национальных языков не могут не быть глубоко различны» (Шелов, Лейчик 2012. 35).

В современном историческом терминоведении динамический характер формирования терминосистем пропорционально передается в следующих наименованиях:

Прототермины – это специальные наименования, которые называют «представления о каком-либо объекте, явлении, процессе, а также их свойстве и качестве», возникают в донаучный период, не имеют связи с научным понятием, недифференцированы, имеют случайную мотивированность и тесно связаны с общенародным языком, стилистически нейтральны, имеют относительно устойчивое лексическое значение (Борхвальдт 2000. 25).

В донациональный период незначительно отличаются друг от друга терминоиды и предтермины.

Терминоиды – это специальные лексические единицы, которые используются для называния формирующихся, неустоявшихся понятий; они появляются в период зарождения научных знаний и не имеют четких дефиниций.

Предтермины – это специальные наименования для обозначения научных понятий молодых наук (Борхвальдт 2000. 26–27).

Принципиально следует отличать от данных этапов формирование собственно терминов – наименований научных или номенклатурных понятий.

Профессионализмы – лексические единицы, называющие предметы, процессы и пр., использующиеся в различных промыслах и ремеслах только в устной форме и в неофициальной обстановке; как правило, локально ограниченные, могут быть как стилистически нейтральными, так и эмоционально-окрашенными.

Современные термины могут формироваться на базе всех указанных типов терминологических наименований. Однако, по мнению Л.П. Рупосовой, в историческом плане профессиональная лексика вычленяется «более определенно» (Рупосова 1994). Приведем основные обобщения исследователя:

– «профессионализм выступает как номен и не имеет присущих термину родо-видовых отношений, хотя может обладать развитыми видо-подвидовыми отношениями»;

– «денотативная сущность профессионализма является его основным признаком, а это ведет к открытости классов профессионализмов, где отношения “предмет” – “имя”, “явление” – “имя” удовлетворяют потребности специалистов без построения классификационных схем»;

– «соотношение с понятием у профессионализма ослаблено по сравнению с термином; в отличие от термина профессионализм не нормирован; в число профессионализмов достаточно свободно входят диалектизмы»;

– «профессионализм имеет более глубокие связи с общим языком»;

– «профессионализм может обладать экспрессивностью; профессионализмы в своем большинстве быстро входят в массовое употребление, а термины остаются известными только специалистам»;

– «профессионализм может иметь “игровой характер”»;

– «для профессиональной лексики типична мотивированность языковой формы»;

– «профессионализмы могут предшествовать становлению терминологии соответствующей области» (Рупосова 1994. 8–9).

Заключение

Несмотря на изучение профессиональной лексики отечественными лингвистами в течение длительного времени, внутренняя неоднородность и даже терминологическая идентификация объекта изучения до сих пор остаются сложнейшими теоретическими проблемами.

Использование предложенной нами классификации профессиональной лексики позволяет выявить три группы лексики – терминология, собственно профессиональная лексика и профессиональный жаргон – каждая из которых обладает собственными характеристиками. Представляется, что предложенная в статье классификация, основанная на четких критериях и характеристиках структурных единиц профессионального языка, позволит в дальнейшем упростить исследователям анализ профессиональных лексических систем.

Литература

- 1- Беликов В. И., Крысин Л. П. (2001). *Социоллингвистика*. –М.: РГГУ.
- 2- Бондалетов В. Д. (1987). *Типология и генезис русских арго: учеб. пособие к спецкурсу / Рязан. гос. пед. ин-т им. С. А. Есенина*. Рязань: Рязан. ГПИ.
- 3- Борхвальдт О. В. (2000). *Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении*. Красноярск: РИО КГПУ.
- 4- Голованова Е. И. (2008). *Когнитивное терминоведение*. Челябинск: Изд-во «Энциклопедия».
- 5- Грачев М. А. (2011). *Составные части лексической системы профессиональных языков: к проблеме разграничения терминов, профессионализмов и производственных жаргонизмов // Социальные варианты языка-VII: Материалы международной научной конференции 14–15 апреля 2011*. Нижний Новгород / отв. ред. М. А. Грачев. Нижний Новгород: Изд-во НГУ. С. 62–65.
- 6- Жирмунский В. М. (1936). *Национальный язык и социальные диалекты / Ленинград. научно-исслед. ин-т языковедения ЛИНФИ*. –Л.: Изд-во «Худ. лит.»
- 7- *Лингвистический энциклопедический словарь* (1990) / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Изд-во «Сов. энциклопедия».
- 8- Кандалаки Т. Л. (1977). *Семантика и мотивированность терминов / АН СССР, Комитет научно-технич. терминологии*. –М.: Изд-во «Наука».
- 9- Крысин Л.П. (1989). *О речевом поведении человека в малых социальных обществах (постановка вопроса) // Язык и личность: сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз; Отв. ред. Д. Н. Шмелев*. –М.: Изд-во «Наука». С. 78–86.
- 10- Крысин Л.П. (2004, 2013). *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социоллингвистике. Современный русский язык*. М.: Языки славянской культуры. –М.: Издат. центр «Академия».

- 11- Ларин Б. А. (1977). *О лингвистическом изучении города* // Ларин Б. А. *История русского языка и общее языкознание*. –М.: Изд-во «Просвещение». С. 175–189.
- 12- Рупосова Л. П. (1994). *Профессиональная лексика и терминология в историческом аспекте* // *Проблемы исторической терминологии: межвуз. темат. сб. науч. тр. / Мин-во РФ, Красноярск. пед. гос. ун-т; [Редкол.: О. В. Борхвальдт (отв. ред.)]*. Красноярск: Изд-во КПКГУ. С. 3–9.
- 13- Скворцов Л. И. (1966). *Жаргонная лексика в языке художественной литературы* // *Вопросы культуры речи. Вып. 7: сб. статей*. –М.: Изд-во «Наука». С. 142–163.
- 14- Степанов Ю. С. (1975). *Основы общего языкознания*. 2-е изд., перераб. –М.: Изд-во «Просвещение».
- 15- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. (1989). *Общая терминология: Вопросы теории*. –М.: Изд-во «Наука».
- 16- Трубачев О. Н. (1966). *Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции)*. М.: Изд-во «Наука».
- 17- Шелов С.Д. (1984). *Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики)*// *Вопросы языкознания*. №5. С. 76–87.
- 18- Шелов С.Д., Лейчик В.М. (2012). *Терминология и профессиональная лексика: состав и функции: учеб. пособие*. –СПб.: Филологич. фак-т СПбГУ.
- 19- Щеглова Н. А. (1964). *Терминологическая лексика оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв. (По материалам памятников письменности Тульского края): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01*. М.

Bibliography

- 1- Belikov V. I., Krysin L. P.(2001). *Sociolinguistika*. –М.: RGGU.
- 2- Bondaletov V. D. (1987). *Tipologija i genezis russkih argo: ucheb. posobie k speckursu / Rjazan. gos. ped. in-t im. S. A. Esenina*. Rjazan': Rjazan. GPI.
- 3- Borhval'dt O. V. (2000). *Leksika russkoj zolotopromyshlennosti v istoricheskom osveshhenii*. Krasnojarsk: RIO KGPU.
- 4- Golovanova E. I. (2008). *Kognitivnoe terminovedenie*. Cheljabinsk: Izd-vo «Jenciklopedija».

- 5- Grachev M. A. (2011). *Sostavnye chasti leksicheskoi sistemy professional'nykh jazykov: k probleme razgranichenija terminov, professionalizmov i proizvodstvennykh zhargonizmov*// *Social'nye varianty jazyka-VII: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 14–15 aprelja 2011*. Nizhnij Novgorod / otv. red. M. A. Grachev. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NGU. S. 62–65.
- 6- Zhirmunskij V. M. (1936). *Nacional'nyj jazyk i social'nye dialekty / Leningrad. nauchno-issled. in-t jazykovedenija LIFLI*. –L.: Izd-vo «Hud. lit.»
- 7- *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* (1990) / Gl. red. V. N. Jarceva. M.: Izd-vo «Sov. jenciklopedija».
- 8- Kandelaki T. L. (1977). *Semantika i motivirovannost' terminov / AN SSSR, Komitet nauchno-tehnich. terminologii*. –M.: Izd-vo «Nauka».
- 9- Krysin L.P. (1989). *O rechevom povedenii cheloveka v mal'nykh social'nykh obshhestvah (postanovka voprosa) // Jazyk i lichnost': sb. st. / AN SSSR, In-t rus. jaz; Otv. red. D. N. Shmelev*. –M.: Izd-vo «Nauka». S. 78–86.
- 10- Krysin L.P. (2004, 2013). *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike. Sovremennyy russkij jazyk*. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury. M.: Izdat. centr «Akademija».
- 11- Larin B. A. (1977). *O lingvisticheskom izuchenii goroda // Larin B. A. Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie*. –M.: Izd-vo «Prosveshhenie». S. 175–189.
- 12- Ruposova L. P. (1994). *Professional'naja leksika i terminologija v istoricheskom aspekte // Problemy istoricheskoj terminologii: mezhvuz. temat. sb. nauch. tr. / Min-vo RF, Krasnojarsk. ped. gos. un-t; [Redkol.: O. V. Borhval'dt (otv. red.)]*. Krasnojarsk: Izd-vo KPGU. S. 3–9.
- 13- Skvorcov L. I. (1966). *Zhargon'naja leksika v jazyke hudozhestvennoj literatury // Voprosy kul'tury rechi. Vyp. 7: sb. statej*. –M.: Izd-vo «Nauka». S. 142–163.
- 14- Stepanov Ju. S. (1975). *Osnovy obshhego jazykoznanija. 2-e izd., pererab.* –M.: Izd-vo «Prosveshhenie».
- 15- Superanskaja A.V., Podol'skaja N.V., Vasil'eva N.V. (1989). *Obshhaja terminologija: Voprosy teorii*. –M.: Izd-vo «Nauka».
- 16- Trubachev O. N. (1966). *Remeslennaja terminologija v slavjanskih jazykah (jetimologija i opyt gruppovoj rekonstrukcii)*. –M.: Izd-vo «Nauka».
- 17- Shelov S.D. (1984). *Terminologija, professional'naja leksika i professionalizmy (k probleme klassifikacii special'noj leksiki)*// *Voprosy jazykoznanija*. №5. S. 76–87.
- 18- Shelov S.D., Lejchik V.M. (2012). *Terminologija i professional'naja leksika: sostav i funkcii: ucheb. posobie*. –SPb.: Filologich. fak-t SpbGU.

- 19- Shhegl'ova N. A. (1964).sh *Terminologicheskaja leksika oruzhejno-zhelezodelatel'nogo proizvodstva XVII–XVIII vv. (Po materialam pamjatnikov pis'mennosti Tul'skogo kraja): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. M.*

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Виноградов Д. В. (2020). The Status of Professional Vocabulary in the Language System. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 11-33.

DOI: 10.29252/iarll.16.11

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/125>

جایگاه واژگان حرفه‌ای و تخصصی در نظام زبان

دانیل وادیموویچ ویناگرادف^۱

استاد دانشگاه زبان‌های خارجی هانکوگ،

سئول، کره.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۲۰)

چکیده

هر چند که در دسته‌بندی‌های گوناگون گویش‌های اجتماعی، زبان حرفه‌ای (نظام واژگان تخصصی) تعریف و ویژگی‌های کاملاً مشخصی دارد، ولی ناهمگونی داخلی این گونه واژگان و قرابت معنایی آنها به‌عنوان اصطلاحات تخصصی، از گذشته به‌عنوان موضوعات پیچیده و حل‌نشده‌ای مطرح است. برای واژگان زبان تخصصی در پژوهش‌های مختلف کشورمان اصطلاحات گوناگونی به‌کار رفته است: واژگان حرفه‌ای آرگو، واژگان آرگو حرفه‌ای، آرگو تیسیم‌های تخصصی (ب.آ. لارین، د.س. لیخاچوف)، ژارگون‌های حرفه‌ای، ژارگون‌تیسیم‌های حرفه‌ای (و.م. ژیرمونسکی، ل.پ. کریسین)، اصطلاحات حرفه‌ای و تخصصی، اصطلاح‌شناسی حرفه‌ای (ب.ل. باگارودسکی، اُن. تروباچوف) زبان عامیانه حرفه‌ای، ژارگون‌تیسیم‌های حوزه صنعت و تولید (م.آ. گراچیف)، و غیره. برای تفکیک دقیق‌تر اصطلاحات و شناسایی ویژگی‌ها و تفاوت‌های اساسی آنها، واژگان حرفه‌ای با توجه به معیارهای زیر در مقاله طبقه‌بندی می‌شود: روش‌های نامگذاری و لغت‌سازی در آنها، قاعده‌مند بودن، ویژگی‌های سبک گفتاری واژگان، ویژگی‌های بار عاطفی واژگان، میزان ثبت واژگان در واژه‌نامه‌ها. این دسته‌بندی پیشنهادی امکان شناسایی سه گروه واژگان را می‌دهد: اصطلاحات، واژگان کاملاً حرفه‌ای و ژارگون حرفه‌ای، که هر یک از این گروه‌ها دارای ویژگی‌های خاص خود هستند. به‌نظر می‌رسد معیارها و ویژگی‌های مشخص شده واحدهای ساختاری یک زبان حرفه‌ای می‌توانند به‌عنوان معیارهای پایه‌ای و اساسی مورد مطالعه قرار گیرند.

واژگان کلیدی: زبان روسی، واژگان حرفه‌ای، گویش اجتماعی، اصطلاحات، ژارگون.

Semantic Content of the Tokens Risk, Risky and High Risk in Modern Russian

Ivanova Nelya Stefanova¹

Professor of Assen Zlatarov University,
Burgas, Bulgaria.

(date of receiving: December, 2019; date of acceptance: April, 2020)

Abstract

The presence of certain stable cultural and national representations, some “mental pictures” similar to ours or different from them, is especially pronounced in the classroom when learning a foreign language. Without direct contact with native speakers, the source of knowledge about their mentality, national character and cultural scenarios of behavior is the studied foreign language. Risk is considered the basic concept of the universal picture of the world. It is analyzed as one of the main components of a person's ideas about the world, about the laws of its existence and survival in it. There is no person who would not risk it. Making any decision is already a risk. The cognitive risk perception scheme is based on the unity of opposite meanings: potential opportunity (threat) — its realization (danger); the need for action — inaction (and the hope of a fluke); positive development (chance, success) — negative development (failure). In the report, we consider the semantic transformations of the risk token and its 3 derivatives in modern Russian.

Keywords: Risk, Conceptualization, Risky, Modern Russian Language.

1. Email: nelya_ivanova@yahoo.com

Семантический потенциал лексем *рисковый*, *рисковой* и *рискованный* в современном русском языке

Иванова Неля Стефанова¹

Профессор, Университет им. Асена Златаров,
Бургас, Болгария.

(дата получения: декабрь 2019 г.; дата принятия: апрель 2020 г.)

Аннотация

Наличие определенных устойчивых культурно-национальных представлений, своеобразных «ментальных картинок», похожих на наши или отличных от них, особенно ярко проявляется в учебной аудитории при изучении иностранного языка. Без непосредственного контакта с носителями языка источником знаний об их менталитете, национальном характере и культурных сценариях поведения является изучаемый иностранный язык. *Риск* считается базовым концептом общечеловеческой картины мира. Он рассматривается как одно из основных составляющих представлений человека о мире, о законах его существования и выживания в нем. Нет человека, который бы не рисковал. Принятие любого решения – это уже риск. Когнитивная схема восприятия риска строится на единстве противоположных смыслов: потенциальная возможность (угроза) – ее реализация (опасность); необходимость действия – бездействие (и надежда на счастливую случайность); положительное развитие (шанс, успех) – негативное развитие (неудача, неуспех). В докладе мы рассматриваем семантические преобразования лексемы *риск* и ее производных *рисковый*, *рисковой* и *рискованный*, которые отражают общие тенденции в современном русском языке.

Ключевые слова: Риск, Концептуализация, Русский Язык, Рисковый, Рискованный.

1. E-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

Введение

Современное языкознание активно разрабатывает тематику о взаимосвязанном пространстве человека, языка, общества, культуры в самых разнообразных форматах, способствующих выявлению когнитивных механизмов восприятия и оценки действительности. В своем исследовании «Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики» А. Вежбицкая вводит понятие «культурного сценария», целью которого автор видит не в описании, как ведут себя все члены данного общества, а «четко сформулировать те нормы, с которыми люди знакомы (на сознательном, полусознательном и подсознательном уровне) и которые являются эталонными фреймами для данного языкового коллектива (вне зависимости от того, следуют им или обходят их члены этого коллектива)». (Вежбицкая 1999. 653) Своеобразная матрица познавательных схем (фреймов), «наиболее распространенных в диахронном (продолжающемся во многих поколениях) сообществе (вместе с символами и мировоззренческими установками)», согласно Н.С. Розову, составляют национальный менталитет. (Розов 2010. 62)

Наличие определенных устойчивых культурно-национальных представлений, похожих на наши или отличных от них, особенно ярко проявляется в учебной аудитории при изучении иностранного языка. Без непосредственного контакта с носителями языка источником знаний об их менталитете, национальном характере и культурных сценариях поведения является изучаемый иностранный язык.

Конечно, когда речь идет о русском и болгарском языках, то квалификация «иностраные языки» кажется преувеличенной ввиду их общих славянских корней. Но этот факт делает анализ еще более оправданным и необходимым. Является ли близкородственность языков основанием для выводов о схожести в восприятии действительности?

В поисках ответа на вопросы о культурно-национальных представлениях, отраженных в языке, многие лингвисты сегодня исследуют процессы

категоризации и концептуализации, изучают концепт как единицу сознания и глобальную единицу мышления человека. В болгарском языкознании в последнее время появилось много трудов, посвященных исследованию разнообразных концептов, таких как *время, пространство и движение* /М. Вьтова/, *возраст* /Д. Митев/, *свобода* /Г. Йорданова/, *служить* /Цв. Георгиева/, *молчание* /Ст. Петкова-Калева/, *истина и ложь* /Д. Илиева/, *счастье, время, правда* /Ю. Чахърова/, *успех* /Н. Иванова/ и мн. др.

Цель настоящей статьи связана с анализом концепта *риск*, который считается одним из базовых концептов общечеловеческой картины мира, связанных с представлениями людей об опасности, с законами их существования и выживания в мире (Ефимова 2008. 138). Конкретным поводом для написания этой статьи являются прилагательные *рисковый*, *рисковой* и *рискованный*. Трудности в их употреблении есть даже у болгар, изучающих русский язык (в учебной аудитории с которыми мы работаем), несмотря на близость языков, тем более для англоязычных носителей, так как этим двум лексемам соответствует в английском только одна – *risky*.

Лексемы *рисковый* и *рискованный* являются производными одного и того же существительного – *риск*, и словари конструируют их семантическое пространство логично по отношению производящей лексемы: ‘относящиеся к риску’.

Но что такое *риск*? И каким образом в производных прилагательных отражается его суть?

Основная часть

Риск – понятие, известное всем людям. Н.Н. Ефимова пишет, что „понимание и предвидение поведения людей в большинстве случаев требует понимания понятия *риск* и его сущности” и это так, потому что риск связан с принятием решений, с определением стратегий поведения (Ефимова 2008.

134). Специальное внимание этим вопросам уделяется в психологии, где ситуации, связанные с риском и его последствиями, называют „драмой необходимости выбора” (Илиев 2004. 12).

Когнитивная схема восприятия риска строится на единстве противоположных смыслов: это потенциальная возможность и ее реализация (*опасность, угроза*); необходимость действия и положительное развитие ситуации (*шанс, успех*) или негативное развитие ситуации (*неудача, неуспех, провал*).

Ситуация риска требует особой активности со стороны субъекта – требует и его предварительной оценки, и его действия. Как указывает В. Илиев, „сущность риска – это своеобразный фильтр, который человек накладывает на информацию о мире и на свои действия в нем, оценивая последствия для себя как угроза или польза. Или, более обобщенно, как альтернатива” (Там же. 30).

В лингвистике дефинирование любого концепта начинается с определения его понятийного ядра, а это означает анализ семантики ключевого слова.

Толковые словари конструируют смысловое пространство лексемы *риск* в русском языке следующим образом:

В русском языке: **Риск** 1. Возможность опасности, неудачи. *Идти на риск. Без всякого риска. С риском для жизни. Группа риска (группа лиц наиболее подверженных риску)*. 2. Действие наудачу в надежде на счастливый исход. *На свой риск. На свой страх и риск действовать, поступать (полностью на свою ответственность)*. *Риск – благородное дело разг., шутол. – можно, стоит рискнуть, попробовать*; **Рисковать** – 1. Действовать, зная об имеющемся риске, опасности. *Не боится р. кто-н.* 2. Кем-чем подвергать кого-что-н. риску (в 1 знач.) *р. Своим здоровьем*. 3. С неопр. Подвергаться риску, ставить себя перед возможной неприятностью. *Рискуем опоздать*. (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.:

Азбуковник, 1999. – 944 с.); для сравнения и в болгарском языке: **Риск** – 1. Възможна опасност. *Излага се на риск*. 2. Действие наслука. *Ще го направя на риск*. 3. Възможна загуба при търговска дейност. *Ще делим риска поравно*. **Рискувам** – св. и несв. прх. и непр. Излагам (се) на риск, предприемам нещо, свързано с риск. *Не смея да рискувам*. *Рискувах живота си*. (Български тълковен речник 2002. 843)

Общими в концептуализации риска в обоих языках, согласно словарным определениям, являются потенциальность его возникновения – ‘возможная опасность’, *възможна опасност* (несомненно этимология самого слова, восходящего к древнегреческому ‘*risikon*’, ‘отвесная скала’, накладывает отпечаток на его осмысление, об этом Ефимова 2008) и действие субъекта в условиях неопределенности – ‘действовать наудачу’, *действие наслука*.

В русских словарных статьях и в проведенной анкете с носителями русского языка больше оценочных определений ситуации риска: *риск – благородное дело; риск оправданный, естественный, логичный, основной, существенный*.

В словарной статье на болгарском языке не присутствуют оценочные элементы ситуации риска – не упомянута возможность положительного исхода ситуации риска. Но в анкетах все опрашиваемые болгарские студенты (100 человек) ответили, что риск для них положительное явление и когда они предпринимали решительные действия в неопределенной ситуации (58%), то получали пользу для себя.

Идиоматичные выражения с лексемой *риск* в болгарском языке отражают прагматическую установку вовлеченного субъекта и акцентируют конкретное измерение пользы: *риск пчели, риск губи; да си разделим риска поравно*. Дефинирование риска в проведенной анкете с информантами связано преимущественно с количественной шкалой *минимален – максимален риск* (85%).

В русском языке устойчивое выражение ‘действовать на свой страх и риск’ отражает рефлексии субъекта по отношению своих самостоятельных решительных действий в условиях неопределенности: примечателен тот факт, что расширяется семантическое пространство концепта *риск*, субъект включает еще один параметр рефлексии – оценку своего душевного переживания.

Анализ публицистических текстов, в которых употреблены предикатные словосочетания с лексемой *риск*, показывает метафорические представления и русских, и болгар о *риске* как о находящемся рядом с субъектом, но скрывающемся, сопутствующем или угрожающем существе или сущности, которые нужно открыть, атаковать, побеждать, провоцировать или преодолевать, избегать, отклонять, причем очень часто лексема *риск* употребляется в множественном числе, чем достигается более высокая степень экспрессии в импликации опасности:

„Мажоритарното гласуване крие огромни рискове /р. Мажоритарный вот скрывает огромные риски; високата температура крие рискове за здравето /р. Высокая температура скрывает риски для здоровья; Бежанската вълна носи големи рискове /р. Волна беженцев несет большие риски; Президентът свиква КСНС за геополитическите промени и за рисковете пред България /р. Президент сзывает КСНС по вопросам о геополитических изменениях и рисках перед Болгарией, Качеството на човека да превъзможва беди и рискове /р. Качество человека преодолевать беды и риски; По възможност избягвайте рисковете /р. По возможности избегайте рисков; Возрастните особености способни провоцират риск раннего приобщения к алкоголю и курению; Риск не всегда ведет к проблемам и опасностям; Не бойтесь идти на риск!; Только в этом случае социальная выгода от наказания начинает перевешивать риск и расходы и др.

Персонафикация риска как гостя, которого принимаем, представляет риск как позитивное явление: „Приемам възхитителния риск да бъда жив! /р.

„Принимаю восхитительный риск быть живым!“ (Христо Фотев, Собрание сочинений, 1998. 156); „Свободата е отговорност, но тя е и приемане на риск” /р. „Свобода – это ответственность, но она означает и принятие риска“; „Енергичен, обича да доминира и приема риск”/р. Энергичный, любит доминировать и принимает риск; „Решение принять риск привело к успеху” и др., в которых лексема *риск* употребляется в единственном числе.

Совсем иную концептуальную модель имеет *риск* в деловой сфере (и в русском, и в болгарском языках): *риск измеряют в точных процентах (35 % риска означает исчисление негативных последствий развития определенной системы)*.

Кроме того в экономике *риск/риски классифицируют*: известны *ретроспективные, текущие и перспективные риски; политические и экономические /коммерческие/; внешние и внутренние; чистые и спекулятивные; производственные, финансовые, страховые; организационные, рыночные, кредитные, юридические; природные и технические; объективные и субъективные; риск взвешивают; риск смягчают, риск трансформируют, риском управляют*.

В деловой сфере *риск* имеет только одно измерение – измерение негативного исхода.

На наших глазах слово *риски* из финансово-экономического и юридического дискурса переходит в публицистику и разговорную речь, обретая контекстную нюансировку. В статье модного российского прозаика, поэта и публициста Дм. Быкова «Валить из страны?» читаем: «В России больше всего ценится полупризнанный гений, неофициальный авторитет. А влезть на вершину пирамиды, от которой ничего не зависит (кроме права безнаказанно тырить большие деньги, но ведь у этого занятия *свои риски*), – не знаю, зачем это нужно?» (Быков 2011. 44). «В *управлении рисками* я эксперт» – это признание вынесено в заглавие статьи о лидере культовой «рокпопсовой» группы «Мумий Тролль» Илье Лагутенко. В обширном

интервью с ним выделена с помощью дополнительной врезки в текст только одна, весьма характерная фраза музыканта: «Главное – донести до ребят очевидную, казалось бы, мысль: в любом начинании *риск* есть уже изначально, но, если научиться этим *риском управлять*, – можно достичь гораздо большего, чем планировал» (Лагутенко 2011. 6).

Благодаря концепту «риск» в русскоязычной среде проходят различные стадии адаптации англицизмы, обозначающие новые для российской действительности и ментальности явления – трудно осваиваемые (согласно мнению носителей русского языка), малопонятные и небезопасные. Так, Г.Н. Складаревская классифицирует слово *венчурный* исключительно как профессионализм: «Венчурный. *Фин.* Направленный на финансирование новых неапробированных идей, проектов и т.п. и *связанный с риском*». В то же время В.Т. Пономарёв в сегменте профессионализмов уже выстраивает синонимический ряд, что свидетельствует о своеобразном «обрусении» заимствования: «Венчурный (рисковый) бизнес *бизн.* – Основная форма технологических нововведений» (Пономарёв 1996. 198).

Процесс адаптации при соотнесённости с концептом «риск» наблюдаем также у другого англицизма: «На самом же деле слово «*дауншифтинг*» означает скорее историю отказа от успеха в его общепринятом понимании. Ведь готовность *пойти на риск*, отказавшись от высокооплачиваемой работы и положения в обществе ради воплощения своих идеалов или чувства свободы, удовольствие не для каждого» (Титова 2011. 157).

Этому понятию посвящены статьи в болгарской социологии: „*Дауншифтингът* е съвременен феномен, засягащ все повече сфери на личния и професионален живот. На фона на материалистичните представи за добър живот, доброволното отказване от висок доход, кариерно преуспяване и постигане на финансов успех в името на личностното развитие и свобода, на пръв поглед изглежда немислимо и алогично. Въпреки това, в редица изследвания могат да бъдат открити индикации за фундаментална промяна

към намаляване на оборотите на забързаното ежедневие, откъсване от корпоративната среда и желание за по-малко време, прекарано на работното място Докато безбожно богатите строят цели заградени селища, където пиле не може да прехвъркне, замъци, хотели, нови строителни фирми и други подобни, предимно обслужващи строителството и хотелиерството предприятия, в известен смисъл те също се завръщат към природосъобразен живот, но...в пълния му лукс. /р. *«Даунишфтинг»* является современным феноменом, охватывающим все больше сфер личной и профессиональной жизни. На фоне материалистических представлений о хорошей жизни, добровольный отказ от высокого дохода, карьерного преуспеяния и достижения финансового успеха во имя личностного развития и свободы, на первый взгляд кажется немыслимым и алогичным. Несмотря на это, в ряде исследований могут быть открыты индикации о фундаментальном изменении в сторону замедления оборотов ежедневия, отрыва от корпоративной среды и желания проводить меньше времени на рабочем месте. Пока очень богатые строят целые огражденные селения, куда никто не может проникнуть, замки, отели, новые строительные фирмы и другие подобные, преимущественно обслуживающие строительство и гостиничный бизнес предприятия, в некотором смысле они тоже возвращаются к природосообразному стилю жизни, но ... в полном люксе.» (Бъзовска 2016. 1169, *пер. с болг. Н.И.*)

В коментариях этого термина представлена также житейская философия, которая имеет специфическую „болгарскую окраску“: „*Даунишфтинг!* Защо не?! Интересен български вариант?! Защото, всъщност, новобогаташите също не се подчиняват на никого и не спазват правила. Най-главното е, че се отдават на себе си, а някои и на семействата си /р. „*Даунишфтинг!* Почему нет?! Интересный болгарский вариант?! Потому что, в сущности, новоиспеченные богачи тоже не подчиняются никому и не соблюдают правил. Самое главное то, что они посвящают себя себе и своей семье ...“ (Милева 2011, *пер. с болг. Н. И.*)

Широко распространена в живой русской речи шуточная поговорка «Кто не рискует, тот не пьет шампанское / шампанского». Её значение приравнивается к значению поговорки «Была – не была» (Химик 2004. 701). Популярность этой поговорки в современном русскоязычном фольклоре доказывают многочисленные остроумные, а порой и вульгарные, переделки: «Кто не рискует, того не хоронят в гробу из красного дерева», «Кто не рискует, тот не пьет валокордин», «Кто не рискует, тот не пьет валерианку», «Кто не рискует, тот не пьет шампанского. А кто рискует, тот вообще не пьет» (Мокиенко, Вальтер 2008. 384).

На наш взгляд, два паронима – *рисковОй* и *рискОвый* возникли в речи бизнеса.

Сочетаемость прилагательного *рисковОй* ‘основанный на риске’ – *рисковОй менеджмент, сделка, премия, страховка, надбавка, случай, дорога, приключение* – указывает на атрибуцию неодушевленных объектов, в то время как *рискОвый* проявляет семантическую избирательность только по отношению одушевленных субъектов: *рисковОй парень, команда*, имея значение ‘готовый на риск’.

С лексемой *рискОвый* с пометой *простореч.* (*рисковОе дело, рисковОй парень*) в толковых словарях: С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой; в Словаре под ред. А.П. Евгеньевой (Словарь русского языка: в 4-х тт. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981 – 1984. Т.: 3. П – Р. 1983. – 752 с.); ненормативной лексики русского языка Д.И. Квеселевича (Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка / Д.И. Квеселевич. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1021 с.) начинает коррелировать лексема *безрИсковый* с пометой *коммерц.:* *безрИсковая финансовая деятельность, безрИсковая доходность* (в словаре под ред. Г.Н. Складневской).

Прилагательное *рискованный* входит в один синонимический ряд с прилагательным *рисковОй*, имея значение ‘содержащий риск’, ‘опасный’, ‘заведомо опасный’ и сочетаясь с неодушевленными существительными – *рискованный капитал, бизнес, дело, поступок, шаг, предприятие*.

Словари (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.) также содержат информацию об употреблении этого слова в значении ‘не совсем приличный’, ‘двусмысленный’: *рискованный туалет, шутки, острота, выражение*.

Сегодня за счет расширения сочетаемости этого прилагательного (мы заметили только примеры сочетаемости со словами *женщина* и *девушка*) можно наблюдать образование нового значения: ‘смелый’, ‘любящий риск’, ‘готовый на риск’, ‘стремящийся к риску’: „ – Вы *рискованная женщина!* – улыбнулся ей Эдди. – Нет, я просто авантюрист по духу!” (Гуртрих 2017. 82); *рискованная девушка* /о девушке, делающей опасные селфи на большой высоте/; „Восхитительное длинное голубое платье из шелка при каждом шаге играло, словно легкая прибрежная волна при спокойном бризе, и открывало внизу изящные, под цвет платья, туфли на шпильках, стройные ноги чуть выше восковых икр, а наверху то, что могла открыть самая *рискованная женщина*”, Никонов 2017. 67)

Заключение

Интерес к взаимосвязанному пространству человека, общества и культуры в самых разнообразных форматах, который характеризует современную науку, способствует выявлению когнитивных механизмов восприятия и оценки действительности. Исследование процессов категоризации и концептуализации, анализ концептов как единиц сознания человека очень последовательно можно проследить в работах современных лингвистов.

Стремление узнать больше о многоизмерном культурном, общественном и личном пространстве человека логично дополняется исследованием его языка, позволяющем проникнуть в сферу ментальности и раскрывающем способ членения мира в той или иной культуре.

Проведение сопоставительных ракурсов с другими языками является отличительной характеристикой многих из этих трудов, что позволяет получить информацию об универсальном и специфическом в картинах мира различных народов, об их мироощущении, их ментальности. В таком плане проведено и наше исследование, имеющее целью проанализировать вербальную сферу концепта *риск*.

Исследуя семантику лексемы *риск* и ее производных прилагательных *рисковый*, *рисковой* и *рискованный*, можно проследить семантические преобразования этих лексем, которые являются совсем новым фактом в современном русском языке.

Построение синонимичных рядов с этими прилагательными может дать информацию о прагматических установках говорящих и поможет изучающим русский язык понять разницу в их сочетаемости и значении.

Фактор риска, фактор случайного и неопределенного, еще со времен древних цивилизаций был фактором важным в жизни человека, общества, культуры. В языке он имеет свои конкретные координаты, провоцируя интерпретацию и активные действия людей, о чем свидетельствует сам язык.

Литература

- 1- Бъзовска Б. (2016). *Даунифтинг като доброволна промяна в кариерното развитие. Причини за възникване и връзка с благополучието // Лидерство и организационно развитие*. София: Изд-во Университетско издателство «Св. Кл. Охридски».
- 2- Быков Д. (2011). *Валить из страны?* «Аргументы и факты». № 44.
- 3- Вежбицкая А. (1999) *Семантические универсалии и описание языков*. –М.: Изд-во «Языки русской культуры».

- 4- Гуртрих М. (2005). *Формула любви*: <https://books.google.bg/books>, Режим доступа: 20.10.2018.
- 5- Ефимова Н.Н. (2008). *Риск как репрезентативный концепт общечеловеческой картины мира (на примере концептуализации в картине мира британцев) // Этносемиотрия ценностных смыслов*, Иркутск: Изд-во «ИГЛУ» – С. 134-156.
- 6- Илиев В. (2004). *Риск и общуване*, София: Изд-во «Леге Артис».
- 7- Лагутенко И. (2011). *В управлении рисками я эксперт*. Журнал Обучение & Карьера» – № 6.
- 8- Милева П. (2011). *Карьерата – инвестиция в жизнената стратегия*: karierna-investicuya.blogspot.com/2011/11/. Режим доступа: 15.11.2018.
- 9- Мокиенко В.М., Вальтер Х. (2008) *Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)*. –М.: Изд-во «ОЛМА Медиа Групп». – 384 с.
- 10- Никонов А. (2016) *Я иду к тебе, сынок* (<https://books.google.bg/books?isbn=5040112785>, 2017). Режим доступа: 29.03.2019.
- 11- Пономарёв В.Т. (1996) *Бизнес-сленг для «новых русских»*. – Донецк: Изд-во «Сталкер».
- 12- Розов Н.С. (2010). *Динамическая концепция менталитета // Журнал Идеи и идеалы*. №1(3), т.1. С.60-79
- 13- Титова И. (2011) *Реальный дауншифтинг // Газета «Московские новости»*. – 2011. № 157).
- 14- *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*. (2001) Под ред. Г.Н. Складчиковой. –М: Изд-во „Аст“.
- 15- Фотев Хр. (1998). *Събрани съчинения*. Т. 1. Поезия. София: Изд-во «Казански».
- 16- Химик В.В. (2004). *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Под ред. Химик В.В. –СПб.: Изд-во: «Норинт»,. – 768 с.

Bibliography

- 1- В#zovska В. (2016). *Daunshifting kato dobrovolna promjana v kariernoto razvitie. Prichini za v#znikvane i vr#zka s blagopoluchieto // Liderstvo i organizacionno razvitie*. Sofija: Izd-vo Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kl. Ohridski».
- 2- Быков D. (2011). *Valit' iz strany?* «Argumenty i fakty». № 44.
- 3- Vezhbickaja A. (1999) *Semanticheskie universalii i opisanie jazykov*. –М: Изд-во «Jazyki russkoj kul'tury».

- 4- Gurtrih M. (2005). *Formula ljubvi*: <https://books.google.bg/books>, Rezhim dostupa: 20 .10. 2018.
- 5- Efimova N.N. (2008). *Risk kak reprezentativnyj koncept obshhechelovecheskoj kartiny mira (na primere konceptualizacii v kartine mira britancev) // Jetnosemiometrija cennostnyh smyslov*, Irkutsk: Izd-vo «IGLU» – S. 134-156.
- 6- Iliev V. (2004). *Risk i obshhuvane*, Sofija: Izd-vo «Lege Artis».
- 7- Lagutenko I. (2011). *V upravlenii riskami ja jekspert*. Zhurnal Obuchenie & Kar'era» – № 6.
- 8- Mileva P. (2011). *Karierata – investicija v zhiznenata strategija: karierna-investicija*.blogspot.com/2011/11/. Rezhim dostupa: 15. 11. 2018.
- 9- Mokienco V.M., Val'ter H. (2008) *Prikol'nyj slovar' (antiposlovicy i antiaforizmy)*. –M.: Izd-vo «OLMA Media Grupp». – 384 s.
- 10- Nikonov A. (2016) *Ja idu k tebe, synok* (<https://books.google.bg/books?isbn=5040112785>, 2017). Rezhim dostupa: 29 03. 2019.
- 11- Ponomarjov V.T. (1996) *Biznes-slang dlja «novyh russkih»*. Doneck: Izd-vo «Stalker».
- 12- Rozov N.S. (2010). *Dinamicheskaja koncepcija mentaliteta // Zhurnal Idei i idealy*. №1(3), t.1. S.60-79
- 13- Titova I. (2011) *Real'nyj daunshifting // Gazeta «Moskovskie novosti»*. – 2011. № 157).
- 14- *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. Jazykovye izmenenija konca XX stoletija*. (2001) Pod red. G.N. Skljarevskoj. –M: Izd-vo „Ast“.
- 15- Fotev Hr. (1998). *S#brani s#chinenija*. T. 1. Poezija. Sofija: Izd-vo «Kazanski».
- 16- Himik V.V. (2004). *Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj jekspressivnoj rechi*. Pod red. Himik V.V. –SPb.: Izd-vo: «Norint»,. – 768 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Иванова Н. С. (2020). Semantic Content of the Tokens Risk, Risky and High Risk in Modern Russian. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 35-50.

DOI: 10.29252/iarll.16.35

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/126>

بررسی ظرفیت معنایی واژه‌های *рисковый* (خطرپذیر)، *рисковой* (خطرناک)
و *рискованный* (پرخطر) در زبان روسی معاصر

نلیا ایوانووا استفانووا^۱
استاد دانشگاه آسن زلاتاروف،
بورگاس، بلغارستان.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: آوریل ۲۰۲۰)

چکیده

در فرایند یادگیری یک زبان خارجی معمولاً تفاوت‌ها و ویژگی‌های فرهنگی و ملی پایدار، یا به عبارتی «تصاویر ذهنی» خاصی در کلاس‌های آموزشی رخ می‌نمایند؛ این تصاویر ممکن است مشابه و نزدیک به تصورات ما، یا کاملاً متفاوت از آنها باشد. یک زبان خارجی معمولاً در فضایی فراگرفته می‌شود که در آن زبان‌آموز به دور از ارتباط مستقیم با اهل زبانی که منبع اطلاعات درست درباره‌ی این نوع کلیشه‌های ذهنی فرهنگی و ملی است و به الگوهای فرهنگی آن زبان خارجی تسلط کامل دارد، زبان را فرا می‌گیرد. خطرپذیری و ریسک، مفهوم پایه‌ای در تصویر مشترک انسان‌ها از جهان محسوب می‌شود. این مفهوم به‌عنوان یکی از مؤلفه‌های اصلی در تصورات انسان پیرامون جهان هستی، قوانین حاکم بر آن و موجودیت و بقای خود در جهان هستی شمرده می‌شود. انسانی وجود ندارد که ریسک و خطرکردن را تجربه نکرده باشد. هر تصمیمی که گرفته می‌شود در حقیقت نوعی خطر و ریسک است. نظام شناختی خطرپذیری، مبتنی بر یک پارچگی مفاهیم و معانی متضاد است: فرصت بالقوه (تهدید) - تحقق آن (خطر)؛ ضرورت انجام عمل - عدم انجام آن و ترک فعل (و امید به پیشامد مطلوب)؛ نتیجه مثبت (اقبال، موفقیت) - نتیجه منفی (شکست، عدم موفقیت). در مقاله حاضر به مطالعه و بررسی تغییرات معنایی واژه «خطر» و واژه‌های مشتق از آن یعنی واژه‌های *рисковый* (خطرپذیر)، *рисковой* (خطرناک) و *рискованный* (پرخطر) پرداخته می‌شود که در زبان روسی معاصر، روند تغییرات معنایی مشابهی دارند.

واژگان کلیدی: خطر (ریسک)، تصویرسازی، زبان روسی، خطرپذیر، پرخطر.

1. E-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

«Poppy Field» by Ermolai Lopakhin and «Poppy Fields» by European Impressionists (based on the Play of A. P. Chekhov «The Cherry Orchard»)

Nikolaeva Svetlana Yurievna¹

Professor of Tver State University,
Tver, Russia.

(date of receiving: December, 2019; date of acceptance: March, 2020)

Abstract

In the play AP Chekhov's "The Cherry Orchard" is implemented receiving of ekphrasis: the text is full of associative links, symbols, culture name formed the aesthetic code of Russian and European impressionism. Chekhov recreates the cultural context in which the Russian intelligentsia lived at the turn of XIX-XX centuries. Many fragments of the "Cherry orchard" find their Parallels in the paintings of European impressionist artists. In particular, the story Lopakhin about the field of poppies is clearly reminiscent of a series of paintings by Claude Monet "Poppy Field in Giverny". Chekhov's ekphrasis is clearly also drawn to the paintings of Van Gogh (still life with poppies and landscapes with poppy fields).

Many microcircuits and details of the "Cherry Orchard" can be compared with the works of Levitan, Van Gogh, Seurat and others. Chekhov's author's position is as follows: his heroes are under the charm of European culture, their mentality has changed, they lose their national identity, become "Westerners", want to leave Russia. They are "Russian Europeans", they are inherent in "lackey thought" (Dostoyevsky's expression). The genre of Comedy and farce becomes a form of expression of author's condemnation of the Russian intelligentsia.

Keywords: Impressionism, Ekphrasis, Chekhov, Cherry Orchard, Claude Monet, Van Gogh, National Identity.

1. E-mail: synikolaeva@rambler.ru

**«Маковое поле» Ермолая Лопухина и «маковые поля»
европейских импрессионистов (по пьесе А.П. Чехова
«Вишневый сад»)**

Николаева Светлана Юрьевна¹

Профессор, Тверский государственный университет,
Тверь, Россия.

(дата получения: декабрь 2019 г.; дата принятия: март 2020 г.)

Аннотация

В пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» реализован прием экфрасиса: текст насыщен ассоциативными связями, символами, культурами, сформированными эстетическим кодом русского и европейского импрессионизма. Чехов воссоздает культурный контекст, в котором жила русская интеллигенция рубежа XIX–XX веков. Многие фрагменты «Вишневого сада» находят свои параллели в полотнах европейских художников-импрессионистов. В частности, рассказ Лопухина о маковом поле явно напоминает серию картин Клода Моне «Маковое поле в Живерни». Чеховский экфрасис явно обращен также к картинам Ван Гога (натюрморты с маками и пейзажи с маковыми полями).

Многие микросюжеты и детали «Вишневого сада» можно сопоставить с работами Левитана, Ван Гога, Сёра и других. Авторская позиция Чехова такова: его герои находятся под обаянием европейской культуры, их ментальность изменилась, они утрачивают национальную идентичность, становятся «западниками», хотят уехать из России. Они «русские европейцы», им присуще «лакейство мысли» (выражения Достоевского). Жанр комедии и фарса становится формой выражения авторского осуждения российской интеллигенции.

Ключевые слова: Импрессионизм, Экфрасис, Чехов, «Вишневый Сад», Клод Моне, Ван Гог, Национальная Идентичность.

1. E-mail: synikolaeva@rambler.ru

Введение

Пьеса А.П. Чехова «Вишневый сад», казалось бы, изученная вдоль и поперек, не перестает удивлять своими поэтическими тайнами и эстетическими изысками, заставляет новые поколения исследователей вновь и вновь обращаться к проблемам, решение которых порой представляется хрестоматийно ясным. Например, до сих пор определение «лирическая комедия», данное Горьким и прижившееся в чеховедении, вызывает сомнения, не снимает разногласий в трактовке жанровой природы произведения. Комедия, местами даже фарс, как уверял сам Чехов? Мелодрама, как поняли Станиславский и Немирович-Данченко? Или все-таки лирическая комедия, как предлагал М. Горький? Многочисленные свидетельства и аргументы драматурга, в частности его слова из письма к жене от 18 декабря 1901 года: «Я все мечтаю написать смешную пьесу, где бы черт ходил коромыслом» и многие другие высказывания часто не принимаются во внимание. Многим исследователям и критикам хочется поправить Чехова. Так, по мнению очень тонкого ценителя чеховского творчества Ю. Соболева, новаторство «Вишневого сада» заключается «в своеобразном сочетании гротескно-комического с лирико-драматическим. Но это сочетание не всегда кажется органическим, естественно вытекающим из существа пьесы. «Вишневый сад» не избавлен от двупланности, от несглаженных противоречий» (Соболев 1934. 234).

Разночтения и разница мнений возникают потому, что гротескно-комическое и лирико-драматическое в процессе чтения ошибочно разделяют: вот эпизод со слезами, а вот сцена фарсовая. На самом деле у Чехова каждый эпизод внутренне очень органичен, имеет синтетический (амбивалентный) характер, пронизан романтической иронией, которая вовсе не предусматривает «сглаживания противоречий», а одновременно демонстрирует разные, подчас противоположные аспекты того или иного образа. Обращение к возможностям

романтической иронии – один из основных путей формирования комедийной природы пьесы А.П. Чехова. Романтическая ирония как эстетический принцип позволяет художнику обнаруживать сосуществование и взаимодействие высокого и низкого в окружающей действительности, создавать такие художественные феномены, в которых синтезируются комическое и трагическое.

Основная часть

Особенно ярко это видно на многочисленных примерах чеховского экфрасиса. В драматургическом произведении автор лишен возможности выражать прямо свою точку зрения – почти лишен, так как на сцене говорят герои, но не их создатель. Спасают положение и дают дополнительные возможности авторские ремарки и те фрагменты реплик персонажей, в которых так или иначе реализован прием экфрасиса, то есть описания – описания картины природы, живописной картины, музыкального произведения и т.п. У Чехова в «Вишневом саде» и в авторских ремарках, и в монологах героев довольно много очень значимых, на наш взгляд, описательных фрагментов, насыщенных ассоциативными связями, символическими значениями, намеками, культуремами и мифологемами.

Вполне в духе времени Чехов воссоздает тот культурный контекст, в котором жила русская интеллигенция рубежа XIX–XX веков. Если говорить об искусстве, то это, прежде всего, чрезвычайно модные течения импрессионизм и постимпрессионизм, о приверженности к которым Чехова писали многие критики, в том числе Д.С. Мережковский, Н.К. Михайловский, А.С. Глинка (Волжский) и другие. Чехова называли «бессознательным импрессионистом», «натуралистом-импрессионистом», «символистом-импрессионистом» и тем самым «переносили его истоки на европейскую почву» (Громов 1989. 136). Некоторые коррективы в концепции старой критики внесли позднейшие

исследователи, указав, что «импрессионистская поэтика способствовала углублению чеховского реализма» (Кулиева 1988. 183).

Известно, что Чехов интересовался этим направлением и был хорошо осведомлен в данной области, был дружен с Левитаном, которого ставил выше иностранных живописцев, обсуждал с ним эти проблемы, вместе с А.С. Сувориным бывал на выставках импрессионистов в Париже (1891 и др.) (Громов 1989. 269), не мог не быть на крупнейшей французской художественно-промышленной выставке в Москве 1891 г. и масштабной выставке французского современного искусства 1896 г. (Москва и Петербург), где были представлены полотна К. Моне и Ренуара. В России интерес к этому направлению был велик. Еще в 1876 г. журнал «Вестник Европы» опубликовал обзорную статью Э. Золя о второй выставке импрессионистов в Париже и творчестве ведущих художников этого направления. В 1890-е гг. в России о нем знали широко, о нем спорили ценители искусства, о нем говорили применительно к литературе (Д. Мережковский, Л. Толстой и др.). В 1900 году в Париже состоялась Всемирная выставка, которая вызвала активный отклик в России.

Многие фрагменты «Вишневого сада», микросюжеты высказываний, т.е. реплик и монологов героев, а также авторских ремарок находят свои параллели в полотнах европейских художников-импрессионистов или их последователей (постимпрессионистов и символистов). Случайно ли комнаты Раневской именовались «белая» и «фиолетовая»? Может быть, причиной тому не столько «французские корни характера» (Полоцкая 2004. 344) этой героини, а ее вкус, сложившийся под влиянием французских импрессионистов?

В частности, рассказ Лопухина о маковом поле («Я весной посеял маку тысячу десятин и теперь заработал сорок тысяч чистого. А когда мой мак цвел, что это была за картина! Так вот я, говорю, заработал сорок тысяч») явно содержит свернутый экфрасис и отсылает к популярной у импрессионистов

теме маковых полей. Чехов вводит аллюзию прежде всего на серию картин Клода Моне, представленную такими полотнами (и их многочисленными вариантами), как «Маковое поле в Живерни» (1890), «Сток сена в Живерни» (1886), «Поле маков у Аржантея» (1973). Все эти пейзажи передают впечатление ветреной быстро меняющейся от солнечной к пасмурной погоды; сток сена, помещенный на переднем плане, помогает выделить средний план – склоненные ветром к земле цветущие заросли маков; красные маки сочетаются с излюбленной у Моне топикой – тополями, похожими на человеческие фигуры, и стогами сена; на самой известной картине маковое поле служит обрамлением для изображения дворянской усадьбы и стаффажных фигур женщины с ребенком, причем эти фигуры даны дважды, на заднем и переднем планах, чтобы дать зрителю ощущение динамики. Возникает ассоциативная связь с чеховской пьесой, где о маленьком сыне Любови Андреевны Раневской, утонувшем в семилетнем возрасте, также говорится несколько раз, чтобы вызвать у зрителя и читателя впечатление движения времени.

Чехов создает амбивалентный образ героя: Лопахин, как и многие «нетипичные» русские капиталисты (тот же П. Третьяков), любит искусство и ценит красоту («А когда мой мак цвел, что это была за картина!»), слово «картина» в его речи присутствует неслучайно, но вместе с тем он коммерсант, думающий о прибыли. И Чехов поддерживает эту ассоциативную связь упоминанием о прибыли в 40 тысяч: Лопахин, восхищаясь красотой («то-то была картина!»), не забывает упомянуть, что эта красота позволила ему заработать сорок тысяч чистого дохода. Известно, что импрессионисты, поначалу отвергаемые эстетам и подвергнутые обструкции беспощадной критикой, очень скоро стали цениться весьма высоко, их картины скупали американские коллекционеры, художники, тот же Моне, стали получать высокие гонорары, о чем широко писалось в отчетах о выставках импрессионистов, и в начале 1890-х гг. Моне уже зарабатывал по 100 тысяч франков в год (Ревалд 1962. 331).

Добавим, что тему маков широко использовал и такой художник, уже из поколения постимпрессионистов, как Ван Гог. Он известен не только своими «Подсолнухами», но и рядом других запоминающихся образов, в том числе маками в натюрмортах и пейзажах. Маки присутствуют на таких его полотнах 1880-1890-х гг., как «Ваза с васильками и маками», «Ваза с красными маками», «Красные маки и ромашки», «Маки и бабочки», «Поле с маками», «Край пшеничного поля с маками», «Зеленые пшеничные колосья», «Пшеничные поля близ Овера», «Пейзаж в Овере» и др. Но если у Моне изображение маковых полей передавало трепет живой жизни, то у Ван Гога маки создают впечатление тревоги, драматизма, изломанности судьбы. И этот смысловой нюанс тоже находит соответствие в структуре образа Лопухина: этот герой не прямолинейный, не схематичный, а рефлексирующий, остро чувствующий, страдающий.

Надо сказать, что многие сюжеты Ван Гога, начинавшего свой путь в русле реалистической живописи и лишь на более зрелом этапе обратившегося к приемам авангардного искусства, типологически близки микросюжетам чеховской пьесы. Например, вспомним известный эпизод с потерянными Петей Трофимовым калошами: «В а р я. Петя, вот они, ваши калоши, возле чемодана. *(Со слезами.)* И какие они у вас грязные, старые...» Слезы Вари обусловлены ее собственными переживаниями, но на метатекстовом уровне могут быть отнесены, конечно, и к Петиной судьбе – этот «вечный студент» и «бесприютный скиталец» долго будет бродить по дорогам русской жизни в разбитых башмаках. Грязные, старые калоши Пети можно воспринимать как свернутый экфрасис, основанный на известной серии из 6 картин Ван Гога, посвященных башмакам (1887). Свернутый экфрасис у Чехова рассчитан на читательское восприятие, на работу читательского воображения, добавляющего недостающие элементы и воссоздающего целостную картину.

Знаменитая картина Ван Гога «Едоки картофеля» (1885), а также «Голова крестьянки» и другие, изображающие простых людей, вызывают в памяти подробности жизни прислуги в доме Раневской. Обстановку бедности, скудости, подавленного настроения, душевных страданий и бесконечного терпения может воспроизвести в своем воображении читатель чеховской пьесы, особенно знакомый с картинами Ван Гога.

У голландского художника существовало собственное понимание пейзажа, близкое чеховскому: выражение субъективного, внутреннего восприятия природы через аналогию с человеком. Кредо художника выражено в словах: «Когда рисуешь дерево, трактуй его как фигуру» (Ван Гог, Винсент 2018). Этот принцип получил воплощение в таких картинах художника, как «Персиковое дерево в цвету» (1888), «Весна. Арль» (1888), «Оливковая роща с белым облаком» (1889), «Сельская дорога с кипарисами» (1890) и др. Не учитывая этот принцип, невозможно до конца понять такой эпизод:

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! <...> Это она. <...> Направо, на повороте к беседке, белое деревцо склонилось, похоже на женщину... <...> Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо...

Этот экфрасис основан не только на сюжетах, близких к сюжетам Ван Гога, но и, судя по цветовой гамме, апеллирует к картинам Левитана («Цветущие яблони», 1896).

Думается, пейзаж и экфрасис Чехова гораздо ближе к картинам Ван Гога, нежели К. Моне (Тамарли 2014. 39-54). Прежде всего стоит обратить внимание на многочисленные картины Ван Гога, изображающие поля. Как правило, на переднем плане показан крестьянский труд, фигуры крестьян, повозки, орудия труда, колосья, средний план представлен как перемежающиеся фрагменты по-разному ритмизованного пространства, что создает эффект простора, дали, а на заднем плане показывается город, дымящие трубы заводов и фабрик,

железная дорога, поезд. Подобная композиция присутствует на таких полотнах, как «Вид Арля. Жатва» (1888), «Жатва. Долина ла Кро. Арль» (1888), «Дорога в Овере после дождя» (1890), «Поля в Овере» (1890). Остро переживаемое столкновение двух цивилизаций, двух культур – индустриальной, урбанистической и деревенской, патриархальной – вот смысл и значение картин Ван Гога.

Но и у Чехова подобный пейзаж есть во многих произведениях – например, в повести «Степь» (1888) мальчик Егорушка, подъезжая к большому городу, видит картину: «Обоз стоял на большом мосту, тянувшемся через широкую реку. Внизу над рекой темнел дым, а сквозь него виден был пароход, тащивший на буксире баржу. Впереди за рекой пестрела громадная гора, усеянная домами и церквями; у подножия горы около товарных вагонов бегал локомотив». Второе действие «Вишневого сада» начинается развернутой авторской ремаркой: «Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовня, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядет солнце».

Известно, что в ходе работы над спектаклем Чехов требовал, чтобы декорации передавали необычайную для сцены даль и на горизонте был виден маленький паровозик. По большому счету, этот экфрасис тоже служит выражению главной авторской мысли о драматизме столкновения нового и старого, промышленно-железного и патриархально-деревенского. Стоит отметить, что железная дорога как символ нового века изображалась в живописи довольно часто (Ср.: Камиль Писсарро. «Железная дорога в Дьеппе» (1886); Исаак Левитан. «Полотно железной дороги» (1898-1899); «Полустанок» (1880-е)).

Отметим значимое отличие пейзажей Ван Гога (который, кстати, начинал свою карьеру проповедником) от чеховских и левитановских. В чеховском экфрасисе присутствует часовня, хотя и заброшенная. У Левитана пейзаж часто одухотворен с помощью образа церкви, колокольни и т.п. (См. «У церковной стены. Этюд», 1885; «Тихая обитель», 1890; «Вечерний звон», 1892; «Над вечным покоем», 1894).

Чтобы завершить сопоставления с Ван Гогом, назовем еще картину «Ночное кафе. Арль» (1888), которая затрагивает тему бильярда. Многочисленные бильярдные термины Гаева, кий, сломанный Епиходовым, сам бильярд, который находится в соседней комнате, и зритель у Чехова, как и у Ван Гога, не видит игру на бильярде, только слышит голоса игроков. Эту серию чеховских деталей и подробностей в ее совокупности можно рассматривать как дискретный экфрасис (или даже диегезис), соотнесенный с артефактом – картиной Ван Гога.

Другая ветвь импрессионизма (даже постимпрессионизма, близкого к символизму) представлена творчеством художника Одилона Редона. Самые известные его картины – «Болотный цветок» (1885), «Летающее чудовище» (1890), «Глаз как шар» (рис. углем), «Крылатая голова над водами» (рис. углем). Редон посвятил свои творческие эксперименты изображению таинственного, мистического, и прижизненная критика оценивала его весьма резко: «Редон показывает нам, например, глаз, плывущий на конце стебля в бесформенном пейзаже. И вот собираются комментаторы. Одни уверяют нас, что глаз этот изображает око Совести; другие объявляют, что это око Неопределенности; третьи объясняют, что глаз этот синтезирует солнце, заходящее за гиперборейскими морями; четвертые, – что он символизирует мировую скорбь, причудливую водяную лилию, распустившуюся на черных водах невидимого Ахерона. Наконец, является самый мудрый толкователь и заключает: этот глаз на конце стебля – просто булавка для галстука. <...>

Однако сегодня мы требуем, чтобы любая изображаемая вещь была точной; мы хотим, чтобы образы, порожденные мыслью художника, двигались, мыслили и жили» (Ревалд 1962. 112). Сам художник утверждал: «Я просто приоткрыл дверцу в тайну. Я создал вымысел. Их дело пойти дальше»; Редон «давал умам зрителей возможность развивать образы, которые он предлагал их воображению» (Там же. 113). Такая поэтика (опора на читательское воображение и восприятие), конечно, близка чеховской манере и принципам.

Глаз, который смотрит на весь окружающий мир, с высоты птичьего полета, изображенный Редоном, действительно похож на булавку для галстука, а также на воздушный шар, всплывающий над деревьями, полями, морями, горами и позволяющий человеку обозреть величественную картину природы. Этот глаз сам является частицей природы и вместе с тем он выше, прозорливее. Действительно, его можно соотнести с Недреманным оком, Оком совести. И с этим артефактом соотносится чеховский свернутый экфрасис – в монологе Пети Трофимова: «Неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов». Монолог Пети Трофимова о душах умерших крепостных, которые глядят с каждого цветка, с каждой ветки в саду, соответствует картине Редона «Глаз как шар».

Импрессионисты рисовали не только пейзаж, но и жанровые сцены, что особенно важно в контексте выявления импрессионистического экфрасиса в «Вишневом саду» как произведении комедийного жанра. Художнику Сёра принадлежат такие нашумевшие картины, как «Воскресная прогулка на острове Гранд-Жатт» (1884-1886), «Парад» (1887-1888), «Канкан» (1889-1890), «Цирк» (1890-1891). Сёра эпатировал публику не только своей манерой пуантилизма (за что был обвинен в «пуантилистских сатурналиях»), но и, прежде всего, тематикой, отбором сюжетов, которые казались непристойными. Критика неистовствовала:

«Канкан»– это «не что иное, как неистовый спазм задыхающегося карлика или вурдалака в периоде течки! <...> Танцовщицы его ... так пикантны, что у меня захватывает дыхание, и, я уверен, не один человек стоит перед ними, разинув рот и стиснув руки, загипнотизированный лихорадочными восторгами чудовищной, унижительной непристойности. <...> наибольший интерес вызывает Сёра, один из потерявших разум мастеров, который оказал сильнейшее влияние на «Группу двадцати». «Канкан» в еще большей степени, чем «Гранд-Жатт», вызвавшая в свое время всеобщий смех, дает точное представление, в какое заблуждение можно впасть, опираясь на заумную доктрину этого художника, заключающуюся в отрицании всего, что существует, и в придумывании взамен некой новой формулы. Сёра, этот создатель искусства живописать пятнами сургуча, этот открыватель давно открытого, отмеченный печатью гения, малюет и мажет с великолепной невозмутимостью пациента сумасшедшего дома» (Там же. 296).

Отметим, что пуантилизм как художественный прием подвергался осмеянию как таковой, и во французской прессе появлялись анекдоты и юморески вполне в чеховском духе, в которых говорилось, что картины пуантилистов словно бы засижены мухами: «Муниципалитет распорядился закрыть выставку «Группы двадцати»: трое посетителей заболели оспой, которую подцепили перед картиной, выполненной точками; остальные охвачены ужасом. Некая светская молодая дама сошла с ума. Наконец, говорят, хотя факты не проверены, что жена одного провинциального мэра, имевшая неосторожность посетить выставку, находясь в интересном положении, разрешилась от бремени татуированным ребенком» (Там же. 297). Выскажем предположение, что Чехов тоже отдал дань критике пуантилизма в повести «Степь» (1888), где на постоялом дворе Мойсей Мойсеича висит гравюра с надписью «Равнодушие человеков»: «К чему человеки были равнодушны — понять было невозможно, так как гравюра сильно потускнела

от времени и была щедро засижена мухами». Чеховская ирония в рамках живописного экфрасиса представляется глубоко продуманной, хотя и не обращена на какое-то конкретное полотно.

Зато сюжеты четырех вышеназванных картин Сёра вполне сопоставимы с экфрасисами «Вишневого сада». «Воскресная прогулка на острове Гранд-Жатт» может служить иллюстрацией к следующей чеховской сцене: «Через сцену, опираясь на палочку, торопливо проходит Фирс, ездивший встречать Любовь Андреевну; он в старинной ливрее и в высокой шляпе; что-то говорит сам с собой, но нельзя разобрать ни одного слова. <...> Любовь Андреевна, Аня и Шарлотта Ивановна с собачкой на цепочке, одетые по-дорожному. Варя в пальто и платке, Гаев, Симеонов-Пищик, Лопухин, Дуняша с узлом и зонтиком, прислуга с вещами – все идут через комнату». Этаким парад-алле, в котором участвуют такие же персонажи и присутствуют такие же атрибуты (зонтик, собачка/обезьянка на цепочке, шляпы, саквояжи), что и на картине Сёра.

Картина Сера «Парад» изображает оркестр, напоминающий еврейский оркестрик в пьесе Чехова. Фокусы и сальто-мортале гувернантки Шарлотты могут быть проиллюстрированы полотнами Сёра «Цирк» и «Канкан»: «В зале фигура в сером цилиндре и в клетчатых панталонах машет руками и прыгает». О Шарлотте Ивановне принято говорить, что эта «цирковая клоунесса сгущает лирическую тему Чехова и проясняет ее общечеловеческое содержание, она играет <...> ту же роль, что бродячие гимнасты и клоуны в творчестве Пикассо голубого и розового периода» (Зингерман 1988. 370). Но на самом деле литературный прообраз Шарлотты – это «одна из петербургских «камелий», описанных в цикле очерков И.И. Панаева «Петербургская жизнь», публиковавшихся в журнале «Современник» (1857) (Николаева 2002. 118). И, конечно же, не сгущенный лиризм Пикассо, а иронический потенциал картин Сёра наиболее точно передают сущность образа Шарлотты и чеховское отношение к ней, соотносится с жанром комедии.

Любовь к России и к вишневному саду, к родному дому и тем более к «детской», к белой или фиолетовой комнате, к «шкафику», к «столику» – все это миф (Катаев 2005), иллюзия, мимолетное видение, мгновенное впечатление. Петя Трофимов уверяет: «Вся Россия – наш сад». Мы везде найдем себе пристанище. Сад не онтологическая категория для героев пьесы, а ценностная. Ценность ее даже можно измерить, исчислить в деньгах. Фирс упоминает, что когда-то сад давал большие урожаи, поэтому денег было не счесть! Для героев «Вишневого сада» нет абсолютных ценностей, у российской интеллигенции ценности преходящи и вполне заменяемы. Можно насадить другой сад, лучше прежнего. Вслед за Достоевским Чехов осуждает «русских европейцев», «лакеев мысли». Все они перелетные птицы, обобщенные в образе-символе Прохожего. Чехов маркирует своих героев – «русских европейцев» с помощью деталей – культурем европейского импрессионизма.

Вероятно, назрела необходимость, обращаясь к «Вишневному саду», использовать понятие «русская идея», имевшее особую актуальность в русской литературе и философии на рубеже XIX-XX вв. и сохранившее эту актуальность теперь, уже на рубеже XX–XXI вв., вплоть до поэзии Ю.П. Кузнецова, «вписанной в культурное пространство всей русской литературы» (Редькин 2004.68) и других «почвенников», «указывающих духовный путь русскому народу» (Редькин 2010. 87). Российская интеллигенция, по наблюдениям Чехова, эту идею утратила.

Заключение

Итак, в пьесе «Вишневый сад» Чехов очень широко использует прием экфрасиса (по преимуществу свернутого, с учетом специфики драматургического произведения и его текстопостроения), в основном обращая его на европейскую культуру, на искусство импрессионизма и

постимпрессионизма. Введение в текст пьесы данного образного пласта обусловлено авторской позицией, системой ценностей и онтологическими представлениями Чехова.

Импрессионистичность, сиюминутность, эфемерность, иллюзорность, текучесть ценностей и взглядов российской интеллигенции – вот предмет осуждения и осмеяния Чехова, вот основа комедийной жанровой сущности пьесы.

Для самого Чехова онтологическая сущность в этой комедии – Россия, показанная не риторически, а вполне реалистически, с помощью символического образа русской женщины – матери Яши, которая пришла повидаться, а потом проститься со своим «оевропеившимся» сыном, но так и не встретила с ним.

Литература

- 1- Ван Гог, Винсент (2018). *Ван Гог, Винсент*. // <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата обращения: 15.01.2018.
- 2- Громов М.П. (1989). *Книга о Чехове*. –М.: Изд-во «Современник». 384 с.
- 3- Зингерман Б.И. (1988). *Театр Чехова и его мировое значение*. –М.: Изд-во «Наука». 521 с.
- 4- Катаев В.Б. (2005). «Вишневый сад» как элемент национальной мифологии // Чеховиана. «Звук лопнувшей струны». К столетию пьесы «Вишневый сад». – М.: Изд-во «Наука». С. 9-18.
- 5- Кулиева Р.Г. (1988). *Реализм А.П. Чехова и проблема импрессионизма*. Баку: Изд-во «Элм». 186 с.
- 6- Николаева С.Ю. (2002). *Гувернантка или клоунесса? (Феномен чеховской Шарлотты)* // Драма и театр. Сборник научных трудов. Тверь: Изд-во «Тверской государственной университет». С. 116-121.
- 7- Панаев И.И. (1857). *Петербургская жизнь* // Современник. 1857. № 3. С.143-167.
- 8- Полоцкая Э.А. (2004). *Французские корни характера Раневской* // Полоцкая Э.А. «Вишневый сад». Жизнь во времени. –М.: Изд-во «Наука». С. 344-359.
- 9- Ревалд Дж. (1962). *Постимпрессионизм*. Л.: Изд-во «Искусство». 464 с.

- 10- Редькин В. А. (2010). *Роль «Слова о Законе и Благодати» Илариона в поэме-цикле Ю.П. Кузнецова «Путь Христа»* // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 21. Вып. 5. С. 81–87.
- 11- Редькин В.А. (2004). *«Русская идея» Юрия Кузнецова* // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 2 (4). Вып. 1. С. 48–68.
- 12- Соболев Ю.В. (1934). *Чехов*. –М.: Изд-во «Журнально-газетное издательство». 336 с.
- 13- Тамарли Г.И. (2014). *Чехов и Клод Моне: концепция пейзажа* // Тамарли Г.И. Синхронный диалог Чехова с культурой. Таганрог: Изд-во «Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник». С. 39-54.

Bibliography

- 1- Van Gog, Vinsent (2018). *Van Gog, Vinsent*. // <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Data obrashhenija: 15.01.2018.
- 2- Gromov M.P. (1989). *Kniga o Chehove*. –М.: Изд-во «Sovremennik». 384 s.
- 3- Zingerman B.I. (1988). *Teatr Chehova i ego mirovoe znachenie*. –М.: Изд-во «Nauka». 521 s.
- 4- Kataev V.B. (2005). *«Vishnevyy sad» kak jelement nacional'noj mifologii // Chehoviana. «Zvuk lopnuvshej struny». K stoletiju p'esy «Vishnevyy sad»*. –М.: Изд-во «Nauka». S. 9-18.
- 5- Kulieva R.G. (1988). *Realizm A.P. Chehova i problema impressionizma*. Baku: Изд-во «Jelm». 186 s.
- 6- Nikolaeva S.Ju. (2002). *Guvernantka ili klounessa? (Fenomen chehovskoj Sharlotty)* // Drama i teatr. Sbornik nauchnyh trudov. Tver': Изд-во «Tverskoj gosudarstvennyj universitet». S. 116-121.
- 7- Panaev I.I. (1857). *Peterburgskaja zhizn'* // *Sovremennik*. 1857. № 3. S.143-167.
- 8- Polockaja Je.A. (2004). *Francuzskie korni haraktera Ranevskoj* // Polockaja Je.A. «Vishnevyy sad». Zhizn' vo vremeni. –М.: Изд-во «Nauka». S. 344-359.
- 9- Revald Dzh. (1962). *Postimpressionizm*. L.: Изд-во «Iskusstvo». 464 s.
- 10- Red'kin V. A. (2010). *Rol' «Slova o Zakone i Blagodati» Ilariona v pojeme-cikle Ju.P. Kuznecova «Put' Hrista»* // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. № 21. Vyp. 5. S. 81–87.
- 11- Red'kin V.A. (2004). *«Russkaja ideja» Jurija Kuznecova* // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2004. № 2 (4). Vyp. 1. S. 48–68.

- 12- Sobolev Ju.V. (1934). *Chehov*. –M.: Izd-vo «Zhurnal'no-gazetnoe izdatel'stvo». 336 s.
- 13- Tamarli G.I. (2014). *Chehov i Klod Mone: koncepcija pejzazha* // Tamarli G.I. Sinhronnyj dialog Chehova s kul'turoj. Taganrog: Izd-vo «Taganrogskij gosudarstvennyj literaturnyj i istoriko-arhitekturnyj muzej-zapovednik». S. 39-54.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Николаева С. Ю. (2020). «Poppy Field» by Ermolai Lopakhin and «Poppy Fields» by European Impressionists (based on the Play of A. P. Chekhov «The Cherry Orchard»). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 51-68.

DOI: 10.29252/iarll.16.53

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/127>

«دشت شقایق» یرمالای لاپاخین و «دشت‌های شقایق» امپرسیونیست‌های اروپایی

(بر اساس نمایشنامه «باغ آلبالو» اثر آ.پ. چخوف)

سوتلانا یوریوونا نیکالایوا^۱

استاد دانشگاه دولتی شهر تور،

تور، روسیه.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: مارس ۲۰۲۰)

چکیده

در نمایشنامه «باغ آلبالو» اثر آنتون چخوف، از شیوه توصیف هنری اکفراسیس بهره گرفته شده است: متن اثر مملو از نمادها، عناصر و ویژگی‌های فرهنگی است که ریشه در زیبایی‌شناسی امپرسیونیسم روسی و اروپایی دارد. چخوف زمینه فرهنگی‌ای را بازآفرینی می‌کند که روشنفکران روسی در اواخر سده‌های نوزدهم و بیستم در آن زندگی می‌کردند. بسیاری از بخش‌های اثر باغ آلبالو را می‌توان به صورت نقاشی شده بر روی بوم هنرمندان نقاش امپرسیونیست اروپایی مشاهده کرد. بدون شک، ماجرا و داستان لاپاخین درباره مزرعه خشخاش، نقاشی‌های کلود مونه با عنوان «مزرعه خشخاش در گیورنی» را در ذهن ما تداعی می‌کند. توصیف هنری یا فن اکفراسیس چخوف را در نقاشی‌های ون‌گوگ نیز می‌توان مشاهده کرد (نقاشی‌های اشیای بی‌جان که در آنها خشخاش و مناظر مزرعه‌های خشخاش به تصویر کشیده شده‌اند). بسیاری از بخش‌ها و جزئیات ریز اثر «باغ آلبالو» را می‌توان با آثار نقاشانی چون لویتان، وان‌گوگ، سورا و دیگران مقایسه کرد. نظر و موضع چخوف در این رابطه بدین شرح است: فهرمانان آثار او شیفته فرهنگ اروپایی هستند که ذهنیت و طرز فکر آنها تغییر کرده است؛ آنها هویت ملی خود را از دست می‌دهند و «غرب‌گرا» می‌شوند و قصد دارند روسیه را ترک کنند. آنها «روس‌های اروپایی» هستند که دچار «بردگی فکری» شده‌اند (به نقل از داستایفسکی). نویسندگان ژانر کم‌دی و طنز را به ابزار انتقاد از روشنفکران روسیه و محکومیت آنها مبدل می‌کند.

واژگان کلیدی: امپرسیونیسم، اکفراسیس، چخوف، «باغ آلبالو»، کلود مونه، ون‌گوگ، هویت ملی.

Spiritual Realism as a Literary Category

Redkin Valery Alexandrovich¹

Professor of Tver State University,
Tver, Russia.

(date of receiving: January, 2020; date of acceptance: April, 2020)

Abstract

The core of Russia's spirituality is its millennial Christian fold in its truly national, chosen by our ancestors of the Orthodox faith, with its collegiality, tolerance, humanity, openness to divine revelation. In our literary studies there is a search for a term to denote the method of portraying life, in which the spiritual world acts as the highest reality. The term spiritual realism, which means putting Christian ideals into artistic form, has proved to be the most productive. The features of spiritual realism can be found not only in the works of B. Zaitsev and I. Shmelev, but the V.Y. Shishkov, S.D. Drozhzhin, A.A. Akhmatova, N. With. Gumilev, Y. Kuznetsov, N. Rubtsov, V. Krupin and many other writers of the twentieth century and the classics of Russian literature century. The difference between spiritual realism and romanticism and traditional realism is revealed. In some contemporary works, the conflict is portrayed as a struggle of spirit and flesh. In this spiritual warfare is the formation of personality.

Keywords: Spiritual Realism, Realism, Romanticism, Christianity, Orthodoxy, Method, Stylistic Course, Postmodernism.

1. E-mail: synikolaeva@rambler.ru

Духовный реализм как литературоведческая категория

Редькин Валерий Александрович¹

Профессор, Тверский государственный университет,
Тверь, Россия.

(дата получения: январь 2020 г.; дата принятия: апрель 2020 г.)

Аннотация

Сердцевиной духовности России является её тысячелетнее лоно христианства в его подлинно национальной, избранной нашими предками конфессии православия, с его соборностью, терпимостью, человеколюбием, открытостью Божественному откровению. В нашем литературоведении идет поиск термина для обозначения метода изображения жизни, при котором духовный мир выступает как высшая реальность. Термин духовный реализм, под которым понимается облечение христианских идеалов в художественную форму, оказался наиболее продуктивным. Черты духовного реализма можно обнаружить не только в творчестве Б. Зайцева и И. Шмелева, но и В.Я. Шишкова, С.Д. Дрожжина, А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева, Ю. Кузнецова, Н. Рубцова, В. Крупина многих других писателей XX века и классиков русской литературы XIX века. Выявляется отличие духовного реализма от романтизма и традиционного реализма. В ряде современных произведений конфликт рисуется как борьба духа и плоти. В этой духовной брани происходит формирование личности.

Ключевые слова: Духовный Реализм, Реализм, Романтизм, Христианство, Православие, Метод, Стилиевое Течение, Постмодернизм.

1. E-mail: synikolaeva@rambler.ru

Введение

После того, как были потеснены и подвергнуты критике в конце 80-х - 90-е годы концепции реализма, в основе которых лежал социальный аспект (критический реализм, социалистический реализм), стало неизбежно возвращение к поискам определения художественного метода на основе русской религиозно-философской и литературоведческой мысли начала XX века. Сердцевиной духовности России является её тысячелетнее лоно христианства в его подлинно национальной, избранной нашими предками конфессии православия, с его соборностью, терпимостью, человеколюбием, открытостью Божественному откровению. Вера в Бога, в существование иного мира опирается на живой религиозный опыт. С.Н. Булгаков считал, что у человека существует особый орган «религиозного видения» и подчеркивал: «Кто не хочет принять здесь единственно простой и естественной (но почему-либо для него метафизически недопустимой) гипотезы религиозного реализма, тот должен противопоставить ей теорию массовых галлюцинаций и иллюзий или же... «выдумки жрецов» (Булгаков 1994. 19). По его словам, в религиозном переживании дано «непосредственное касание мирам иным, ощущение высшей божественной реальности». Для человека верующего инобытие, духовная ипостась бытия не менее, а более реальна, чем видимая нам физическая материя, природный и социальный миры.

А.П. Черников ввел понятие «духовный реализм» для характеристики творчества И. Шмелёва, оттолкнувшись от шмелевского самоопределения романа «Пути небесные» как «духовного романа» (Черников 1995. 316). Автор этих строк попытался раскрыть черты духовного реализма в творчестве В.Я. Шишкова, С.Д. Дрожжина, А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева, Ю. Кузнецова, Н. Рубцова и других писателей, понимая под духовным реализмом «облечение христианских идеалов в художественную форму» (Редькин 1999. 3; Редькин 2000. 35; Редькин 2002. 3), М. М. Дунаев применил это определение к писателям, воплощающим духовную сферу бытия в пределах представлений

«исторического православия» (Дунаев 2003. 7), А.М. Любомудров охарактеризовал духовный реализм Б. Зайцева и И. Шмелева, определив его как «строго христианскую духовность» (Любомудров 2003. 12), А.А. Андреев поставил вопрос о «духовном реализме русских классиков XIX века» (Андреев 1998. 23), А. В. Гулин пишет о духовном реализме Л.Н. Толстого (Гулин 2004. 145). С.Ю. Николаева, анализируя зачин романа Л.Н. Толстого «Воскресенье», подчеркивает, что он в «большей мере теологичен, как и образы реки или дверей... Мир Божий противопоставляется здесь миру человеческому» (Николаева 2013. 79). Своеобразие чеховской манеры он видит «не в плоском бытовизме, а в тонком сочетании реалистических и романтических тенденций, в филигранной поэтике диалога с романтиками, переосмыслении библейских и фольклорных сюжетов, святоотеческого наследия» (Николаева 2013. 67). Термин начинают широко использовать молодые ученые. Но в теоретических построениях, связанных с понятием метода, продолжает доминировать социальный подход. Русская классическая литература продолжает определяться как литература критического реализма. В сознании литературоведов прочно укоренилась концепция В. Белинского «натуральной школы» и его оценка с этой точки зрения творчества Н.В. Гоголя. Но можно полностью согласиться с В. Зеньковским, что позиция Гоголя – это «приближение эпохи нового, свободного сближения культурного сознания с Церковью», «это целая программа построения культуры в духе Православия на основе «простора», т.е. свободного обращения ко Христу» (Зеньковский 2001. 175-176). Таким образом, в творчестве Н.В. Гоголя ярко проявился именно духовный реализм.

Основная часть

Сейчас в нашем литературоведении идет поиск термина для обозначения метода изображения жизни, при котором духовный мир выступает как высшая

реальность. В этом смысле термины «мистический реализм», «метареализм», «религиозный реализм», «психологический реализм» имеют расширительное значение, а, скажем, выражения «пасхальный реализм», «духовная поэзия» – напротив, слишком узкие понятия, предполагающее не светское, а чисто религиозное содержание. Не может удовлетворить и такая дефиниция, как «христианский реализм», так как в этом случае не учитывается национальная специфика, исчезает национальный образ мира, которые, несомненно, воплощаются в каждой национальной литературе. Совершенно непродуктивен термин «магический реализм», предложенный Ю. Боровым и О. Овчаренко и перенесенный ими из латиноамериканского художественного опыта на русскую почву. У Л. Леонова в «Пирамиде», Ю. Кузнецова в поэме «Путь Христа» и даже у М. Булгакова в «Мастере и Маргарите» не просто разрушается граница между реальностью фантастикой, их творчество – это не просто отражение коллективного мифологического сознания. Писатели опираются на духовный опыт русского народа как народа православного, переносят борьбу между добром и злом с земли на небо, в духовную сферу. О. Овчаренко признавал, что «Л. Леонов не сомневался в существовании дьявола, искренне верил в его распрю с Богом». Поэтому нельзя согласиться с тем, что более семидесяти лет большевизма вытравили из сознания русского человека религиозное мировоззрение, как считают некоторые критики. Свидетельством тому не только творчество И. Шмелева и Б. Зайцева, но и А. Ахматовой, В. Шишкова, М. Пришвина, В. Белова, В. Крупина, Л. Бородина, Н. Рубцова и многих других писателей XX века. К ним можно отнести слова Солженицына из его «Нобелевской лекции», передающие суть мироощущения, художника стоящего на позициях православия: «Один художник мнит себя творцом независимого духовного мира, и взваливает на свои плечи акт творения этого мира... Другой - знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога...» (Солженицын 1989. 136). Большой вклад в

изучение проблемы «христианство и литература» внесли национально ориентированные литературоведы В.Н. Захаров, В.В. Компанец, И.А. Есаулов, Л.Ф. Алексеева, А.Б. Тарасов, Н.Ю. Желтова и мн. др., но вопрос о методе, когда художник в своем творчестве воплощает православное мировидение, остается открытым.

Следует признать, что термин «духовный реализм» весьма условен, как и большинство других терминов в литературоведении. Кто-то говорит о коммунистической духовности, кто-то о духовности самых различных религий и конфессий. Кто-то считает реальностью только вещественно-предметный мир и отрицает духовную реальность. Но в данном случае речь идет о русской национальной литературе, о традиции, которая признает существование духовной реальности и считает истинной только православную духовность. Так, Серафим Роуз разоблачает лжедуховность не только атеизма и язычества, но и христианских неправославных конфессий. «Жизнь большинства нынешних «христиан», – подчеркивает православный американский проповедник, – настолько пропитана эгоцентризмом и самодовольством, что какое-либо понимание смысла духовной жизни для них – за семью печатями; поэтому, когда они пытаются жить «духовной жизнью», то приходят только к иной форме самодовольства» (Роуз 1991. 190).

Духовный реализм предполагает православный тип мировосприятия художника и соответствующую систему ценностей. Что касается предмета изображения, то следует подчеркнуть, что круг тем не может быть ограничен: писатель может говорить как о духовной, так и о телесной, душевной жизни человека. Этот тезис звучит в книге А.М. Любомудрова: художник «не отвергает конкретную действительность, не чуждается социальных, психологических, этических, исторических аспектов, но дополняет их воссозданием духовной реальности» (Любомудров 2003. 235). Однако фактически этот ученый отдает приоритет произведениям на церковную и

монастырскую тему. С нашей точки зрения, писатель православной ориентации воплощает черты духовного реализма не обязательно в произведениях, сюжетно связанных с жизнью монастырей, святых обителей и церкви. Православное мировосприятие может проявляться в произведениях на самые разнообразные темы: войны и мира, революции и реформ, личной судьбы и судьбы народа, семейной и общественной жизни, человека и природы, человека и космоса. При этом художественный мир произведения выстраивается на основе православной системы и иерархии ценностей и оценок.

Однако пределы использования термина «духовный реализм» остаются неопределенными, не поставлена проблема его соотношения с традиционными понятиями «реализм» и «романтизм». Нам представляется, что для выявления характерных черт духовного реализма необходимо вернуться к классификации П.Н. Сакулина, который предпочитал говорить о реализме и ирреализме, считая романтизм одним из видов ирреализма. «Реализму противостоит, в качестве полярности, ирреализм. – Подчеркивал он. – В его чистом виде ирреализм допускает, помимо конкретной действительности, существование «миров иных», а, следовательно, характеризуется ирреализмом мировосприятия и миропонимания. В глазах иррационалиста «миры иные» имеют неизменно большую цену, чем преходящая эмпирическая действительность» (Сакулин 1990. 154). Это и сближает духовный реализм с романтизмом. Чертами их общности, кроме иррационального начала, являются особая сердечность, приоритет духовных ценностей над материальными, а также такие элементы стиля, как повышенная роль эмоциональной окраски слова, широкое использование символа как окна в иной мир. Но, в отличие от романтизма, в искусстве духовного реализма нет двоимирия. И духовные сферы, и мир природы, и социальный мир – все объято Божьей волей. Это Божий мир. Субъективная позиция писателя здесь не может играть

доминирующей роли, и писатель не стремится к пересозданию действительности, ибо твердой опорой для него является Священное писание, духовность, выработанная и накопленная Соборной Церковью. Здесь нет субъективно-оценочных элементов в авторской речи, пристрастия к фантастике, гротеску и романтической иронии. Писатель принимает действительность и стремится увидеть в ней Промысел Божий, он отвергает детерминизм, признавая свободу выбора человека, но не абсолютизирует ее. Отличает духовный реализм от романтизма и присущий ему элемент консерватизма, стремление сохранить духовные основы национального мира. Православному сознанию свойственен глубокий патриотизм. Утверждается не романтический идеал, а вполне конкретный, жизненный. Православная соборность противостоит романтическому индивидуализму.

По мысли Н. Бердяева, «творец-художник есть вместе с тем человек, духовное существо, несущий образ и подобие Божье, он же совершает нравственные и познавательные акты, он же верит и живет жизнью социальной» (Бердяев 1993. 330). Русские писатели, поднимающиеся к вершинам духовного реализма, насущные проблемы века: социальные, политические, исторические, нравственные преломили через призму своей веры или её поиска. Таковы романы И. Шмелева «Лето Господне» и «Пути небесные» о сложном пути к Богу и интимном приобщении к церковной жизни главных героев. Православие Шмелев называл купелью русской литературы, истинное искусство с его точки зрения глубоко религиозно, «стоит на Христе, на Боге и от Бога».

То же можно сказать о романах В. Шишкова «Угрюм-река» и «Емельян Пугачев». Это реализм с элементами романтизма, глубоким психологизмом, религиозно-философским осмыслением бытия. В одном из писем М. Горькому В.Я. Шишков писал: «Реализм... романтизм... символизм... Ведь это все формулы? А разве можно творить по формулам? Когда я пишу, могу ли я

думать о том, реализм это или романтизм? Я знаю только один закон: писать надо правдиво» (Шишков 1956. 205). И рассматривать его творчество надо именно с этих позиций. В самой форме повествования В.Я. Шишков воплощает великую любовь к Божьему миру и падшему, греховному человеку, который стремится покаяться, очиститься и взмыть в небеса, но далеко не всегда ему это удается.

Главные ценности из мира внешнего, социального перемещаются во внутренний мир человека и у ряда поэтов XX века. Эти ценности не всегда доступны рациональному сознанию. Личность остается сокровенной, несет в себе некую тайну. Этим и привлекает к себе творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой. В глубине их стиха мерцает непостижимый смысл бытия. По словам русского религиозного философа Б.П. Вышеславцева, предельная глубина человека закрыта «в значительной степени и для него самого» (Вышеславцев 1992. Т. 1: 66). И только в творчестве человек раскрывает глубину своей личности, «бездну своего сердца». По словам С. Булгакова, «Бог есть навеки неведомая, недоступная, непостижимая, неизреченная Тайна, к которой не существует никакого приближения» (Булгаков 1994. 91). Вот это ощущение тайны и составляет особенность духовного реализма. Тайны Бога, тайны мира, тайны человека. Создавая акмеистическую эстетику, Гумилев шел к принятию Бога и этических норм, санкционированных авторитетом православного христианства. «Поэзии и религия – две стороны одной и той же монеты. И та, и другая требует от человека духовной работы. Но не во имя практической цели (...), а во имя высшей, неизвестной им самим» (Гумилев 1990. 59–60). Хорошо знавший поэта К.В. Мочульский чутко уловил духовно-религиозную природу акмеизма Н. Гумилева: «Символизм считал мир своим представлением, а потому иметь Бога не был обязан. Акмеизм поверил, и все отношение к миру сразу изменилось. Есть Бог, значит, есть и «иерархия в мире явлений», есть «самоценность» каждой вещи... Дерзания мифотворцев и

богоборцев сменяются целомудрием верующего зодчего: «труднее построить собор, чем башню» (Цит. по: Гумилев 1990. 287).

Ярким явлением духовного реализма в поэзии XX века является творчество А.А. Ахматовой. Эта поэтесса в стремлении к исповедальности и предельной искренности воплощала в своем творчестве единство духа и плоти, земли и Неба, передавала ощущение реального существования ада и рая. В целом её творчество - это психосоанализ, но не во фрейдистском смысле, а в значении постижения сущности Бога и первородного греха в человеке, истины, явленной в Откровении и собственном духовном опыте. Характерно, что на духовно-религиозные национальные традиции ориентирована и жанровая система поэзии Ахматовой. Широко используются ею такие формы лирики, как исповедь, проповедь, предсказание, молитва. В ряде стихотворений она непосредственно обращается к Богу: «Господи, помилуй нас», «Христос, помоги», «Боже, мир душе верни». В жанре молитвы поэт выражает свою глубокую веру в Пресвятую Троицу, безмерную Божественную Любовь, Царствие Небесное, решительно отвергает дьявольские искушения, искренне кается в своих грехах и выражает надежду, что в страдании душа обогатится и спасется: «Дай ты мне молодость трудную. Столько печали в пути. Как же мне душу скудную Богатой тебе принести?»

В ряде современных произведений конфликт рисуется как борьба духа и плоти, пути проникновения и укоренения в душе греха. В этой духовной брани происходит формирование личности. Представителям духовного реализма в гносеологическом аспекте проблема «человек и мир» видится сложнее и иррациональнее, чем позитивистам. Они ставят не временные, а вечные вопросы о смысле жизни и предназначении человека. Объект их анализа – совесть, стыд, вина, память. Их идеалы основаны на христианском миропонимании, взывающем к добру и справедливости. Трагическое начало заложено в основу бытия, ибо для человеческого сознания пути Господни

неисповедимы, ибо силен сатана, ибо, чтобы приобщиться к Богу, приходится пройти путь страданий. Собственно в этом и заключается земное существование человека с редкими или ограниченными во времени периодами счастья жизни по Божьей воле, Божьей правде, прозрения Божьей истины. Так представлена суть бытия в романе-наваждении Л. Леонова «Пирамида», где выражена тревога перед угрозой гибели человечества. Такова суть истинно духовной концепции романа-эпопеи М. Шолохова «Тихий Дон». Для человека православного «мир не только творится, но и содержится словами Божьими, поэтому печать Божественной красоты и смысла неотъемлема от него» (Роуз 1991. 14).

В наше время ярким явлением духовного реализма в поэзии стала тетралогия Ю. Кузнецова «Путь Христа». В поэме утверждается духовная основа бытия. Суть событий передается в метафоре: «Молния духа в расселину времени бьет». Слова Христа – это духовная пища, вкушаемая народом. События, воплощающие духовную суть бытия, образ Христа – Сына Человеческого и Христа – Сына Божьего представлены как высшая реальность. Не случайно в тексте нагнетаются понятия миража, сна, грезы. Поэма – плод воображения автора, но не только, ибо сам мир, реальная действительность, по большому счету, плод творческого воображения Творца. По ассоциации с поэмой Мир воспринимается как творение Божье, то есть, как греза, мираж, фантазия. В поэме как бы сталкиваются Божественное творческое видение, сущностное, истинное, и дьявольское наваждение, которое пытается извратить, исказить истину. Поэт в своем произведении стремится к Божьей истине. Отмечая библейскую основу произведения, следует сказать о свободе воображения автора, о её фольклорности и свободе творческих ассоциаций автора. Поэт не скован традицией, он остается верен ассоциативно-метафорическому стилю, свойственному его творчеству в целом. Не учитывая этого, трудно понять основной смысл произведения.

Чертами духовного реализма с разной степенью постижения исторического православия обладает творчество целого ряда поэтов православной ориентации Н. Карташовой, О. Гречко, Л. Патраковой, М. Аввакумовой и др. Продолжается стремление к созданию «религиозно обоснованного романа». Так, например, соединил современный роман с духовными жанрами Владимир Максимов. Христианство сквозная тема его творчества. Русская православную духовность утверждает в своих повестях Л. Бородин У этих писателей тоже можно найти черты духовного реализма.

В современном постмодернизме возникают тенденции разрушения национальной культуры. Этой тенденции противостоит реализм вообще и духовный реализм в частности. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением о том, что «реализм все более начинает являть усталость форм, исчерпанность образной системы, оскудение творческих идей» (Дунаев 2003. 3).

Ученый, богослов и филолог совершенно прав, когда утверждает, что только «в Православии, несущем в себе полноту Истины, обретаются единственно истинные критерии оценки всех явлений окружающей нас жизни. И всякого художника подстерегает грех искажения истины, если он отвергает сам религиозный подход к мироотображению». Но на основании того, что, с его точки зрения, «красота начинает откровенно служить дьяволу», что «сила эмоционального переживания отождествлялась с поэзией», он фактически отлучает от православной духовности почти всех русских классиков XIX и XX века: Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А. Блока, А. Ахматову, Н. Гумилева, С. Есенина, Н. Клюева, Л. Леонова и др. Утверждения о том, что для Блока характерно «бесовидение», для Есенина – «бесовская тяга», а Гумилев «вторично распял Христа», не убеждают. Не следует отождествлять точку зрения автора и героя, даже лирического. Прямолинейная трактовка художественного текста неприемлема. Учение Л. Толстого – это одно, а его художественная практика – это совершенно другое. Божья искра таланта

позволяет писателю вопреки догмам своего мировоззрения прорваться и прозреть истину Бога и сотворенного им мира. Если Христос говорил: «Я есмь путь» (Иоанн, 14, 6), то и Христова церковь – это путь к Богу, к истине, а не абсолютная истина, которой обладает только Творец. Больше того, М. Дунаев утверждает: «С точки зрения Высшей Истины мы не сумеем отыскать ничего нового, своего, «оригинального» ни у одного из истинно великих художников и писателей. В этом смысле, например, весь Достоевский *вторичен*. Как и преподобный Андрей Рублев. И Пушкин, и Гоголь, и Чехов» (Дунаев 2003. 51). Эта вторичность к воле и мудрости Всевышнего. Абсолютизируя Волю Господа, исследователь не учитывает специфику искусства, забывает, что художник личность со своей волей. Возникает противоречие с его собственной идеей сотворчества. Каждый художник к истине Бога идет по-своему пути. Вопрос в том, чтобы он не уходил от неё. Истинное творчество, по словам М. Дунаева, есть «соединение духовного стремления человеческой души к Творцу и изливание Божественной благодати, одухотворяющей творческую потенцию художника». Но как раз этим и отличается русская художественная классика! Что касается красоты, то здесь уместно привести слова митрополита Филарета, более двадцати лет возглавлявшего Русскую Православную Церковь за границей: «Христианство умеет ценить и любить красоту. И красоту в христианстве мы видим всюду: и в храмоздательстве, и в богослужении, и в музыке церковного пения, и в живописи – иконописи. При этом замечательно, что красоту в природе любили и ценили самые строгие наши подвижники, вполне отказавшиеся от мира. ... Истинная красота всегда возвышает, облагораживает, просветляет человеческую душу и ставит перед нею идеалы правды и добра. И никогда христианин не признает прекрасным то явление или произведение искусства, которое – хотя бы и в совершенном исполнении – не очищает и не просветляет душу человека, но опошляет и загрязняет её» (Филарет 1990. 40-41).

Существует мнение о том, что «истинно религиозное искусство возможно лишь при соединении молитвенно-аскетического подвига с творчеством», и это соединение может быть достигнуто лишь «ценою совершенного смирения» (Дунаев 2003. 61). Действительно, классики русской литературы не обладали смирением. Они были активны и искали пути борьбы с силами зла в греховном, падшем мире. Но и Христос в этот мир пришел с мечом. Войны «во имя справедливости и восстановления порядка и правды – берутся христианским учением под защиту» (Филарет 1990. 46).

Заключение

Таким образом, следует отметить мощную традицию православного мировосприятия, свойственную русской литературе, и её интертекстуальность в отношении Библии и других книг Священного писания. Только обращаясь к этим проблемам можно всесторонне проанализировать основные тенденции литературного процесса и проникнуть в глубину художественного текста. У ряда писателей главные ценности из мира внешнего, социального перемещаются во внутренний мир человека. Эти ценности не всегда доступны рациональному сознанию. Этим и привлекает к себе внимание творчество И. Шмелёва и Б. Зайцева, В. Шишкова и Н. Гумилева, А. Ахматовой, Н. Тряпкина, В. Крупина и Ю. Кузнецова. В глубине их строки явно ощутим мерцающий и непостижимый смысл бытия. Писатели, поднимающиеся к вершинам духовного реализма, насущные проблемы века: социальные, политические, исторические, нравственные преломили через призму своей веры или её поиска. И в этом отношении они оставались внутренне свободными художниками, несмотря на все цензурные рамки и идеологическое давление.

Литература

- 1- Андреев А.А. (1998). *Проблема духовного реализма в русской классической литературе XIX века* // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург: Изд-во «ЕГУ». С. 23-35.
- 2- Бердяев Н.А. (1993). *О русских классиках*. –М.: Изд-во «Высшая школа». 368 с.
- 3- Булгаков С.Н. (1994). *Свет невечерний: Созерцания и умозрения*. –М.: Изд-во «Республика». 415 с.
- 4- Вышеславцев Б. (1992). *Значение сердца в религии* // Путь: Орган русской религиозной мысли. –М.: Без издательства. С. 56-74.
- 5- Гулин А.В. (2004). *Лев Толстой и пути русской истории*. –М.: Изд-во «Наследие». 251 с.
- 6- Гумилев Н.С. (1990). *Письма о русской поэзии*. –М.: Изд-во «Современник». 385 с.
- 7- Дунаев М.М. (2003). *Православие и русская литература*: В 6 т. –М.: Изд-во «Художественная литература». Т 5. 509 с.
- 8- Зеньковский В.В. (2001). *История русской философии*. –М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс». 800 с.
- 9- Любомудров А.М. (2003). *Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Б.К. Зайцев. И.С. Шмелев*. С-Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин». 289 с.
- 10- Редькин В.А. (2002). *А. Ахматова и Н. Гумилев и духовный реализм в русской поэзии XX века* // Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века. Тверь: Изд-во ТвГУ; «Золотая буква», С. 3-15.
- 11- Редькин В.А. (1999). *Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В. Шишкова*. Тверь: Изд-во «ТОКЖИ». 152 с.
- 12- Редькин В.А. (2000). *Духовный реализм в тверской поэзии XX века* // Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века. Тверь: Изд-во ТвГУ, С 3-15.
- 13- Николаева С.Ю. (2013). *О символике пейзажа в «Воскресении» Л.Н. Толстого* // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». - № 10. Вып. 3. С. 78- 85.
- 14- Николаева С.Ю. (2013). *Балладное и лирическое начала в рассказе А.П. Чехова «Ведьма»* // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2013. - № 19. Вып. 4. С. 67- 74.

- 15- Роуз, о. Серафим. (1991). *Православие и религия будущего*. –М.: Изд-во «Православная книга». 198 с.
- 16- Сакулин П.Н. (1990). *Филология и культурология*. –М.: Изд-во «Высшая школа». 240 с.
- 17- Солженицын А.И. (1989). *Нобелевская лекция* // Новый мир. № 7. С.136.
- 18- Филарет, игумен. (1990). *Конспект по Закону Божию*. –М.: Без издательства. 140 с.
- 19- 18 Черников А.П. (1995). *Проза И.С. Шмелева. Концепция мира и человека*. Калуга: Изд-во «Калуж. обл. ин-т усовершенствования учителей». 341 с.
- 20- Шишков В.Я. (1956). *Неопубликованные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма*. –Л.: Изд-во «Лениздат». 398 с.

Bibliography

- 1- Andreev A.A. (1998). *Problema duhovnogo realizma v russkoj klassicheskoj literature XIX veka* // Russkaja literatura: nacional'noe razvitie i regional'nye osobennosti. Ekaterinburg: Izd-vo «EGU». S. 23-35.
- 2- Berdjaev N.A. (1993). *O russkih klassikah*. –М.: Изд-во «Vysshaja shkola». 368 s.
- 3- Bulgakov S.N. (1994). *Svet nevechernij: Sozercanija i umozrenija*. –М.: Изд-во «Respublika». 415 s.
- 4- Vysheslavcev B. (1992). *Znachenie serdca v religii* // Put': Organ russkoj religioznoj mysli. –М.: Bez izdatel'stva. S. 56-74.
- 5- Gulin A.V. (2004). *Lev Tolstoj i puti russkoj istorii*. –М.: Изд-во «Nasledie». 251 s.
- 6- Gumilev N.S. (1990). *Pis'ma o russkoj poezii*. –М.: Изд-во «Sovremennik». 385 s.
- 7- Dunaev M.M. (2003). *Pravoslavie i russkaja literatura: V 6 t.* –М.: Изд-во «Hudozhestvennaja literatura». T 5. 509 s.
- 8- Zen'kovskij V.V. (2001). *Istorija russkoj filosofii*. –М.: Изд-во «JeKSMO-Press». 800 s.
- 9- Ljubomudrov A.M. (2003). *Duhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ja. B.K. Zajcev. I.S. Shmelev*. S-Peterburg: Изд-во «Dmitrij Bulanin». 289 s.
- 10- Red'kin V.A. (2002). *A. Ahmatova i N. Gumilev i duhovnyj realizm v russkoj poezii XIX veka* // Tvorchestvo N. Gumileva i A. Ahmatovoj v kontekste russkoj poezii XIX veka. Tver': Изд-во TvGU; «Zolotaja bukva», S. 3-15.
- 11- Red'kin V.A. (1999). *Vjacheslav Shishkov: novyj vzgljad. Oчерk tvorчества V. Shishkova*. Tver': Изд-во «ТОКZhI». 152 s.

- 12- Red'kin V.A. (2000). *Duhovnyj realizm v tverskoj poezii HH veka* // Tvorchestvo N. Gumileva i A. Ahmatovoj v kontekste ruskoj poezii HH veka. Tver': Izd-vo TvGU, S 3-15.
- 13- Nikolaeva S.Ju. (2013). *O simvolike pejzazha v «Voskresenii» L.N. Tolstogo* // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». - № 10. Vyp. 3. S. 78- 85.
- 14- Nikolaeva S.Ju. (2013). *Balladnoe i liricheskoe nachala v rasskaze A.P. Chehova «Ved'ma»* // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». – 2013. - № 19. Vyp. 4. S. 67- 74.
- 15- Rouz, o. Serafim. (1991). *Pravoslavie i religija budushhego*. –M.: Izd-vo «Pravoslavnaja kniga». 198 s.
- 16- Sakulin P.N. (1990). *Filologija i kul'turologija*. –M.: Izd-vo «Vysshaja shkola». 240 s.
- 17- Solzhenicyn A.I. (1989). *Nobelevskaja lekcija* // Novyj mir. № 7. S.136.
- 18- Filaret, igumen. (1990). *Konspekt po Zakonu Bozhiju*. –M.: Bez izdatel'stva. 140 s.
- 19- Chernikov A.P. (1995). *Proza I.S. Shmeleva. Konceptcija mira i cheloveka*. Kaluga: Izd-vo «Kaluzh. obl. in-t usovershenstvovanija uchitelej». 341 s.
- 20- Shishkov V.Ja. (1956). *Neopublikovannye proizvedenija. Vospominanija o V.Ja. Shishkove. Pis'ma*. –L.: Izd-vo «Lenizdat». 398 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Редькин В. А. (2020). Spiritual Realism as a Literary Category. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literaturny*, 8(2), 69-86.

DOI: 10.29252/iarll.16.73

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/128>

واقع‌گرایی معنوی به‌عنوان مقوله ادبیات‌شناسی

والری آکساندروویچ ردکین^۱

استاد دانشگاه دولتی شهر تور،

تور، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: آوریل ۲۰۲۰)

چکیده

خاستگاه معنویت در روسیه را باید در پذیرش مسیحیت و به‌ویژه در مذهب ارتودوکس به‌عنوان مذهب اصیل و ملی جستجو کرد که هزار سال پیش نیاکان ما آن را پذیرفتند. این مذهب، برادری، مهرورزی، بردباری، نوع‌دوستی و پذیرش وحی الهی را با خود به‌ارمغان آورده است. در نقد ادبی، ما در جستجوی اصطلاحی برای تعریف روش توصیف زندگی هستیم که در آن، جهان معنوی، حقیقتی والا و متعالی به‌شمار می‌رود. اصطلاح واقع‌گرایی معنوی که همان توصیف آرمان‌های مسیحیت به شیوه‌های ادبی است، بسیار پرکاربرد است. ویژگی‌های واقع‌گرایی معنوی را نه‌تنها در آثار ب. زایتسوف، ای. شملف، بلکه در آثار و.یا. شیشکف، س.د. دراژین، آ.آ. آخمتوا، ن.س. گومیلیوف، یو. کوزنیتسوف، ن. روتسوف، و. کروپین و بسیاری از نویسندگان دیگر سده بیستم و آثار کلاسیک نویسندگان ادبیات روسیه سده نوزدهم می‌توان دید. تفاوت‌هایی میان واقع‌گرایی معنوی با رمانتیسم و واقع‌گرایی سنتی وجود دارد. در برخی از آثار ادبی معاصر، تقابل بین روح و کالبد به‌تصویر کشیده شده است. در نتیجه این تقابل معنوی است که شخصیت انسان شکل می‌گیرد.

واژگان کلیدی: واقع‌گرایی معنوی، واقع‌گرایی، رمانتیسم، مسیحیت، ارتودوکس، روش، سبک ادبی، پسانوگرایی.

Linguistic and Cognitive Tactics of Representing Religious Ideas in Leo Tolstoy's Journalistic and Artistic Works

Tokarev Grigoriy Valeriyevich¹

Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia.

Yahyapour Marzieh²

Professor of Russian Language and Literature,
Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran,
Tehran, Iran.

(date of receiving: December, 2019; date of acceptance: March, 2020)

Abstract

The article deals with the linguistic and cognitive tactics of objectification of Leo Tolstoy's ideas on faith and religion. Keywords for categorizing these ideas are religion, faith, God, the church. Conceptualization tactics can be divided into scientific and common. On the one hand, the thinker provides a scientific basis for religion and, on the other, forms a personal understanding of God. In Tolstoy's worldview, these approaches are integrated. The linguistic and cognitive tactics of scientific conceptualization include etymologization, definition, metaphorization, and the tactics of naive conceptualization — a change in the interpretation of a traditional symbol, direct assessment, and open author's commentary. In the course of knowledge of religion, the writer identifies a number of features of this category: human submission to God, ensuring equality between people, meaningfulness, comprehensibility, and relevance. Its main function is a regulatory one. Tolstoy distinguishes the categories of religion and faith. The first tends to the outer beginning, the second — to the inner one. Both categories are related to the category of good. Faith is opposed to the church as a religious social institution. The leading means of presentation objectification is an indirect nomination. One of the tactics for expressing your understanding of religion and faith is to debunk existing stereotypes. Leo Tolstoy positions his point of view as the closest to the teaching of Christ.

Keywords: Religion, Faith, L.N. Tolstoy, Representation, Conceptualization, Categorization.

1. Email: grig72@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2362-0902

2. E-mail: myahya@ut.ac.ir; ORCID: 0000-0001-8195-6909; Corresponding author.

Лингвокогнитивные тактики репрезентации религиозных представлений в публицистических и художественных произведениях Л.Н. Толстого

Токарев Григорий Валериевич¹

Профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия.

Яхьяпур Марзиэ²

Профессор, Кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет,
Тегеран, Иран.

(дата получения: декабрь 2019, дата принятия: март 2020)

Аннотация

В статье рассматриваются лингвокогнитивные тактики объективации представлений Л.Н. Толстого о вере и религии. Ключевыми словами категоризации данных представлений являются религия, вера, Бог, церковь. Тактики концептуализации можно разделить на научные и обыденные. С одной стороны, мыслитель даёт научное обоснование религии, с другой – формирует личностное понимание Бога. В мировоззрении Толстого эти подходы интегрируются. К лингвокогнитивным тактикам научной концептуализации можно отнести этимологизацию, дефинирование, метафоризацию, к тактикам наивной концептуализации – изменение интерпретанты традиционного символа, прямой оценочности и открытого авторского комментария.

В ходе познания религии писатель выделяет ряд признаков этой категории: подчинение человека Богу, обеспечение равенства между людьми, осмысленность, понятность, акциональность. Основная функция религии – регулятивная. Толстой различает категории религии и веры. Первая тяготеет к внешнему, вторая – к внутреннему началу. Обе категории соотносятся с категорией добра. Вера противопоставляется церкви как религиозному социальному институту. Ведущим средством объективации представления выступает косвенная номинация. Одной из тактик выражения своего понимания религии и веры является развенчание сложившихся стереотипов.

Свою точку зрения Толстой позиционирует как наиболее близкую к учению Христа.

Ключевые слова: Религия, Вера, Л.Н. Толстой, Представление, Концептуализация, Категоризация.

1. Email: grig72@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2362-0902

2. Email: myahya@ut.ac.ir; ORCID: 0000-0001-8195-6909; Ответственный автор.

Введение

Тема веры является ключевой для творчества Л.Н. Толстого. Она нашла своё воплощение как в художественном, так и публицистическом наследии писателя. Данная тема получает выражение с опорой на такие ключевые слова, как религия, вера, Бог, церковь.

Ю.И. Мирошников отмечает: «Сегодня, в 100-летнюю годовщину со дня его смерти, по-прежнему отсутствует определенность взглядов на то, кем его считать: язычником или христианином, позитивистом или романтиком, реакционером или революционером, анархистом или юридивым» (Мирошников 2010. 83).

Перевод Л.Н. Толстым евангелия, написание им трактата «Критика догматического богословия», отлучение от церкви зачастую трактуются как факты атеистического мировоззрения писателя. Такой подход является величайшим заблуждением: всю свою жизнь мыслитель стремился выстроить в соответствии с заповедями Христа, на протяжении всего своего творчества Толстой оставался религиозным писателем. Заметим, что особенности осмысления Л.Н. Толстым веры и религии осуществлялись преимущественно в философском и литературоведческом ключе. В данной статье речь пойдёт об особенностях концептуализации и категоризации представлений Л.Н. Толстого о религии и вере, то есть будет предпринята попытка лингвокогнитивной интерпретации мировоззрения писателя. В этом заключается научная новизна исследования.

Религиозное мировоззрение Л.Н. Толстого изучалось преимущественно в философском и этическом ключе. Фрагментарно, преимущественно на материале романа «Воскресенье» были рассмотрены особенности репрезентации концепта «Бог». Дискурсивный аспект, затрагивающий вопросы концептуализации и категоризации представлений Л.Н. Толстого о религии и вере в толстоведении пока остаётся белым пятном.

Основная часть

Философские работы Л.Н. Толстого отражают научный, аргументированный подход к определению религии. Ясная интенция – объяснить собственную концепцию религии / веры – отражена в заголовках произведений: «В чём моя вера?», «Что такое религия и в чём её сущность»). Толстой ведёт скрытую полемику как с людьми, отрицающими необходимость религии для современного человека, так и с теми, кто придерживается традиционной трактовки религии.

Изучая этимологию слова *религия*, писатель приходит к выводу, что этимон, указывающий на соединение, должен трактоваться как связь «человека с Богом» (Толстой 2006. Т.: 35: 161). Отношения этих категорий рассматриваются как партитивные: человек часть Бога. Этимология слова определяет особенности трактовки религии «...как установление человеком его отношения к бесконечному существу или существам, власть которых он чувствует над собой» (Там же. 162). Тем самым концептуализируется такой аспект религии, как подчинение человека.

Толстой отмечает, что такое понимание веры полностью отвечает учению Христа: «Кто поймёт своё отношение к хозяину, тот поймёт, что, только покоряясь воле хозяина, он может иметь жизнь, и будет знать, в чём его благо, и будет иметь веру, для которой не будет ничего невозможного. Вот этой-то вере и учит Христос. Вера, по учению Христа, заждется на разумном сознании смысла своей жизни» (Толстой 2006. Т.: 23: 409). Как видим, отношение к Богу, религии, вере Толстой моделирует с опорой на сценарий «хозяин – слуга», что вскрывает важный аспект названных выше категорий – они подчиняют человека, влияют на его волю.

Установление данных отношений, по Л.Н. Толстому, имеет осознанный характер. Человек намеренно подчиняется этой силе, которая помогает ему правильно совершать поступки: «Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его

бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью руководит его поступками» (Толстой 2006. Т.: 35: 163). Толстой называет главные условия религии, одним из которых является равенство между людьми: «Всякая религия признаёт человека одинаково ничтожным перед бесконечностью, и потому всегда всякая религия включает понятие равенства всех людей перед тем, что она считает Богом... Так что признание равенства людей есть неизбежное, основное свойство всякой религии» (Там же. 164).

Основная функция религии, в понимании Толстого, – регулятивная: человек должен приумножать в себе божественное: «...Назначение же человека выводить практические правила из правила: поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобою...» (Там же. 191). Религия «...есть устанавливаемое, согласное с разумом и современными знаниями отношение человека к вечной жизни и к Богу, которое одно движет человечество вперёд к предназначенной ему цели...» (Там же. 198). Религия спасает человека, даёт ему ответы на нравственные вопросы: «Религия есть свод в одно согласное целое всех объяснений или ответов на те неизбежные и единственно интересные в жизни вопросы относительно жизни и смерти...» (Там же. 357). Характеризуя религиозные взгляды Л.Н. Толстого Г. Ореханов указывает: «...Главный признак церкви Л.Н. Толстого – её полная внеконфессиональность и безграничная открытость для членов, не связанных никакими исповедальными формулами. «Церковь» Л. Толстого определяется только верой в бога, отвечающей требованиям разума, и нравственным поведением, соответствующим Евангелию» (Ореханов 2016. 45).

Толстой смотрит на религию как на феномен человеческой культуры и приходит к выводу, что, пока будет существовать человечество, будет существовать религия: «...Религия всегда была и не может перестать быть необходимостью и неустранимым условием жизни разумного человека и разумного человечества» (Там же. 161).

Толстой рассматривает религию и веру как смежные явления: религия имеет внешний характер, вера – внутренний. «Вера есть то же, что религия, с той только разницей, что под словом религия мы разумеем наблюдаемое во вне явление, верую же мы называем это же явление, испытываемое человеком в самом себе» (Там же. 171). Все признаки и функции религии спроецированы на веру. Как и религия, вера основана на условии её осознанности субъектом, отсюда вытекают такие её важные характеристики, как осмысленность и понятность: «Вера есть осознанное человеком отношение к бесконечному миру, из которого вытекает направление его деятельности. И потому истинная вера никогда не бывает неразумна, несогласна с существующими знаниями, и свойством её не может быть сверхъестественность и бессмысленность...» (Там же).

Вера акциональна: она проявляется в делах и поступках: «Вера ... есть то, что содействует делам, а дела – то, что совершает веру, т.е. то, что делает веру верую» (Толстой 2006. Т.: 23: 404), является «единственной причиной добрых дел. Добрые же дела суть неизбежные последствия веры» (Там же. 244). «Иаков говорит, что единственный признак веры – дела, вытекающие из неё, и что потому вера, из которой не вытекают дела, есть только слова, которыми как не накормишь никого, так и не сделаешь себя праведным и не спасёшься. И потому вера, из которой не вытекают дела, не есть вера. Это только желание верить во что-нибудь, это только ошибочное утверждение на словах, что я верю в то, во что я не верю». (Там же. 404). Этот аспект веры связывает её с категорией добра. Причём добро понимается не в отвлечённом, а в вполне конкретном смысле. «...Вера не то что неразлучна с добрыми делами, но вера есть единственная причина добрых дел. Добрые же дела суть неизбежные последствия веры. (Там же. 244). Нравственную основу понимания веры Л.Н. Толстым подчёркивает Е.Н. Чеснова: «Для Толстого характерно рассмотрение веры именно в сфере нравственности, где сам исследуемый феномен неотделим от религиозно-этических категорий» (Чеснова 2012. 83).

В основе веры лежит осознание смысла жизни, предназначения человека. Это знание приобретает человеком путём исполнения воли Бога. «Основания веры есть смысл жизни, из которого вытекает оценка того, что важно и хорошо в жизни, и того что неважно и дурно. Оценка всех явлений жизни есть вера» (Толстой 2006. Т.: 23: 406). Бог же осмысливается Толстым как идеальное, как любовь, как «начало всего» (Толстой 2006. Т.: 35, 190). «...Бог есть дух, проявление которого живёт в нас, и силу которого мы можем увеличить своей жизнью...» (Там же. 192). Е.Г. Якимова и Е.Н. Чеснова отмечают: «Вера для Л.Н. Толстого это личная вера, личная связь, отношение с Богом» (Чеснова, Якимова 2014. 26).

Своё понимание религии / веры Толстой выражает с опорой на косвенную номинацию (Телия 1977. 129). Живые образы позволяют писателю не только ёмко выразить свои представления, но и вызвать перлокутивный эффект в сознании читателей.

Так, следствия из правила не противиться злему Толстой уподобляет открытию ключом замка. «Положение о непротивлении злему есть положение, связующее всё учение в одно целое, но только тогда, когда оно не есть изречение, а есть правило, обязательное для исполнения, когда оно есть закон. Оно есть точно ключ, опирающийся всё, но только тогда, когда ключ этот просунут до замка. Признание этого положения за изречение, невозможное к исполнению без сверхъестественной помощи, есть уничтожение всего учения» (Толстой 2006. Т.: 23, 315). Данная метафора вызывает аллюзии к образу закрытых ворот Царства Божия. Образ замка позволяет писателю выразить понимание того, что замок можно и не открыть, если неправильно воспользоваться ключом.

Толстой сопоставляет религию с живым организмом. Раскрывая позицию своих оппонентов, писатель сравнивает религию со слепой кишкой, отождествляет с болезнью, выделяя тем самым смыслы «ненужность»,

«вредность»: «...религия вообще отжила своё время и стала теперь не только бесполезным, но и вредным органом жизни обществ, вроде того, как слепая кишка в организме человека» (Толстой 2006. Т.: 35, 157). «Как бы болезнь, которую бывают одержимы некоторые люди и которую мы можем исследовать только по внешним симптомам» (Там же. 158).

Для выражения своей точки зрения Толстой прибегает к противоречащим образам. Образ живого организма позволяет подчеркнуть писателю идею внутренней жизни, движения религии: в своём развитии она проходит разные фазы. «После периода высшего развития религии всегда наступает период её ослабления и замирания, за которым следует обыкновенно период возрождения и установления более, чем прежде, разумного и ясного религиозного учения». (Там же. 163).

Религия уподобляется главному жизнеобеспечивающему органу – сердцу: «Религия как была, так и остаётся ... сердцем жизни человеческих обществ, и без неё, как без сердца, не может быть разумной жизни» (Там же.).

Подчёркивая важность религии для человека, Толстой прибегает к метафорам вечного двигателя и огня: «...священный огонь религии, без которого не могла бы существовать жизнь человечества...» (Толстой 2006. Т.: 35, 196).

Толстой отделяет истинную религию, веру от современной ему церкви, более того он противопоставляет эти явления. «Религиозные взгляды писателя не совпадали с принятыми и принимаемыми условностями государства, общества, официальной церкви» (Амирханян 2010. 33). Церковь, по мнению писателя, отступает от заповедей Христа и искажает их, превращаясь в своего рода караульщика: «Все церкви – католическая, православная и протестантская – похожи на караульщиков, которые заботливо караулят пленника...» (Толстой 2006. Т.: 23, 441). Церковь отнимает свободу, запугивая человека непонятными обрядами.

Свою религиозную концепцию в художественно форме Л.Н. Толстой выражает в последнем романе «Воскресение», написанном в 1889-1899 годах. Как указывает А.Н. Денисов: «Произведение явилось одним из образцов радикальной Толстовской постановки вопроса о христианской культуре» (Денисов 2014. 318). Тема веры является магистральной в этом произведении. Заголовок текста и прогнозируемая последующая интерпретация его читателем нацелена на экспликацию авторской религиозной концепции – веры для человека в существующем, дольном мире. Воскресение возможно в этой жизни и осуществимо в случае нравственной работы над самим собой. Ю.И. Мирошников указывает: «Толстой раз и навсегда отринул от себя утверждение христианства о том, что физическая смерть не является окончательной смертью личности. Он испытывал радикальное сомнение не только в возможности воскресения умерших земной смертью последователей Христа, но и воскресения самого Сына Божьего, которого Лев Николаевич признал лишь сыном человеческим. ... Коренная нравственная трансформация человека, фактически эквивалентная его спасению...» (Мирошников 2010. 105).

Можно считать, что роман Толстого построен на развенчании общепринятой идеологии христианства и разъяснения собственных взглядов писателя. Для реализации данной коммуникативной задачи Толстой в романе неоднократно обращается к изображению религиозных обрядов. Так, в восьмой главе описывается обряд приведения к присяге заседателей перед началом судебного процесса. Толстой использует технику коллажа, сочетая лексемы религиозного и бытового дискурсов. Потенциал первых заключается в создании эффекта торжественности и сакральности, вторых – приземлённости. В результате такого лексического словоупотребления возникает эффект неоправданного ожидания, разрушения стереотипного, традиционного знания. Священник и при этом старичок «с опухшим, желто-

бледным лицом», в рясе и с опухшими, тяжело передвигаемыми ногами, с крестом на груди и «каким-то маленьким орденом». Толстой меняет ожидаемую стратегию восприятия смысла слова. Так, глагол *священствовать* в качестве результатов предполагает нравственное улучшения человека, однако контекст указывает на иные, материальные следствия: «собирался через три года отпраздновать свой юбилей», «он продолжал трудиться на благо церкви, отечества и семьи, которой он оставит, кроме дома, капитал не менее тридцати тысяч в процентных бумагах», «теперь он не без удовольствия познакомился с знаменитым адвокатом, внушавшим ему большое уважение тем, что за одно только дело старушки с огромными цветами на шляпке он получил десять тысяч рублей» (Толстой 2006. Т.: 32, 29). Из чего следует отождествление священнодействия с другими, материальными практиками, приносящими доход.

Толстой использует тактику экспликации своих интенций через прямые суждения: «труд его в суде, состоящий в том, чтобы приводить людей к присяге над Евангелием, в котором прямо запрещена присяга», употребления оценочной лексики: «то же, что, был труд нехороший, никогда не приходило ему в голову» (Там же. 28), конструирования дисфемистичных перифразов: «в насаленную дыру епитрахили» (Там же. 29).

В обряде приведения к присяге священника волнуют внешние составляющие: «Правую руку поднимите, а персты сложите так вот ... Не опускайте руки, держите так...» (Там же.). Толстой подчёркивает бесполезность данного обряда: «Всем было неловко, один только старичок священник был, несомненно, убежден, что он делает очень полезное и важное дело» (Там же.).

Моральную неправомерность суда Толстой показывает путём нестыковки представлений о нравственной роли заседателей с их реальным моральным обликом: «Присяжные встали и, теснясь, прошли в совещательную комнату,

где почти все они тотчас достали папиросы и стали курить», «Купец, распространяя вокруг себя запах вина и удерживая шумную отрывку, на каждую фразу одобрительно кивал головою» (Там же.).

Кульминацией в развенчании традиционных представлений о христианском богослужении выступает 39-я глава романа. Для описания обряда Толстой избирает позицию обычного человека. Для этого писатель прибегает к приёму погружения системы символов христианской картины мира в обыденную систему ценностей, то есть для интерпретации знаков одной системы использует другой интерпретационный код. Итогом применения такого когнитивного приёма становится непонимание, отсутствие интереса, ирония и цинизм. Такую презентацию материала назвал «уничтожающей», «разоблачительной» сатирой (Васильев 2016. 19).

В тексте неоднократно повторяются слова, указывающие на непонимание обычным человеком происходящего: «славянские, сами по себе мало понятные, а еще менее от быстрого чтения и пения понятные молитвы», «таким странным, напряженным голосом, что ничего нельзя было понять» (Толстой 2006. Т.: 32, 134). В тексте отражена наивная интерпретанта (Моррис 1982. 40) символов религиозного кода, что создаёт комический эффект: «вырезывал и раскладывал кусочки хлеба на блюде и потом клал их в чашу с вином, произнося при этом различные имена и молитвы», «хор торжественно запел, что очень хорошо прославлять родившую Христа без нарушения девства девицу Марию, которая удостоена за это большей чести, чем какие-то херувимы, и большей славы, чем какие-то серафимы» (Толстой 2006. Т.: 32, 134). Приём включения символа в иную дискурсивную сферу приводит к формированию профанной, алогичной интерпретации: «...сказано было, как Христос, воскресши, прежде чем улечь на небо и сесть по правую руку своего Отца, явился сначала Марии Магдалине, из которой Он изгнал семь бесов, и потом одиннадцати ученикам, и как велел им проповедовать

Евангелие всей твари, причем объявил, что тот, кто не поверит, погибнет, кто же поверит и будет креститься, будет спасен и, кроме того, будет изгонять бесов, будет излечивать людей от болезни наложением на них рук, будет говорить новыми языками, будет брать змей, и если выпьет яд, то не умрет, а останется здоровым...»; «предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь Бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нем. Самое же главное действие было то, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдцем и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается тело и кровь, и потому это место богослужения было обставлено особенной торжественностью», ««Изрядно о Пресвятей, Пречистой и Преблагословенней Богородице», – громко закричал после этого священник из-за перегородки, и После этого считалось, что превращение совершилось, и священник, сняв салфетку с блюда, разрезал серединный кусочек начетверо и положил его сначала в вино, а потом в рот..» (Там же. 135).

Десакрализация семантики символа осуществляется за счёт употребления бытовизмов, заменяющих религиозную номинацию: «...этому мешал надетый на него парчовый мешок...», «...священник унес чашку за перегородку...», «выкованное золоченое изображение ...Бога» (Там же. 136), необычного словоупотребления, изменения традиционного контекстного окружения: «пригласил желающих тоже поесть тела и крови Бога, находившихся в чашке», «дьячок тут же, отирая рты детям, веселым голосом пел песню о том, что дети едят тело Бога и пьют Его кровь», «став перед предполагаемым выкованным золоченым изображением (с черным лицом и черными руками) того самого Бога, которого он ел» (Там же.).

При реализации стратегии дискредитации традиционных стереотипов Толстой использует приём аллюзии. Так, фрагмент молитвы, в каждой фразе которой упоминается имя господа, апеллирует к заповеди Христа не упоминать имя господа: «Иисусе Сладчайший, апостолов славо, Иисусе мой, похвала мучеников, Владыко всеильне, Иисусе, спаси мя, Иисусе Спасе мой, Иисусе мой Краснейший, к тебе притекающего, Спасе Иисусе, помилуй мя, молитвами рождшия тя, всех, Иисусе, святых Твоих, пророк же всех, Спасе мой Иисусе, и сладости райския сподоби, Иисусе человеколюбче!» (Там же.).

Толстой разными способами демонстрирует отчуждённость ритуала от духовного мира человека:

«Содержание молитв заключалось преимущественно в желании благоденствия государя императора и его семейства»..., «священник, разговаривая со зрителем, совал крест и свою руку в рот, а иногда в нос подходившим к нему арестантам, арестанты же старались поцеловать и крест и руку священника. Так кончилось хрис тианское богослужение, совершаемое для утешения и назидания заблудших братьев...» (Там же. 137).

Саркастический эффект, названный В.В. Лагно стилиобразующим средством романа (Лагно 2017. 53), создаёт употребление контекстуальных антонимов (Новиков, 1973): богослужение идёт на фоне позвякивания кандалов, символизирующих неравенство и несвободу («...особенно часто забренчали кандалы...» (Толстой 2006. Т.: 32, 136)).

Резюмируя, отметим, что Толстой не только смог продемонстрировать несостоятельность традиционных стереотипов, но и воздействовать на читателя, используя различные приёмы работы со словом, дискурсом, образом, художественной деталью.

Стремление писателя к точности, ясности, последовательности изложения своих идей даже в художественном тексте объясняет использование приёма включения авторского комментария в повествование, что выводит художественный текст на границу с публицистикой. Толстой в эксплицитной форме выражает свои идеи. Предвидя обвинения в кощунстве и святотатстве, он выступает не против Христа, а против искажения его идей: «тот самый Иисус, имя которого со свистом такое бесчисленное число раз повторял священник, всякими странными словами восхваляя его, запретил именно все то, что делалось здесь» (Толстой 2006. Т.: 32, 137). В «Воскресении» Толстой ратует за возвращение к истинной Христовой вере и жизни по заповедям Евангелия, возвращает всем реалиям бытия их исконный христианский смысл...» (Масолова 2012. 72). Толстой против замены истинного обращения к богу поклонению непонятым символам и следованию чуждым ритуалам. Писатель прибегает к прямой негативной оценке религиозной традиции: «бесмысленное многоглаголение и кощунственное волхвование священников-учителей» (Толстой 2006. Т.: 32, 137). Он напоминает забытые людьми заветы Христа: «запретил одним людям называть учителями других людей, запретил молитвы в храмах, а велел молиться каждому в уединении, запретил самые храмы, сказав, что пришел разрушить их и что молиться надо не в храмах, а в духе и истине; главное же, запретил не только судить людей и держать их в заточении, мучать, позорить, казнить, как это делалось здесь, а запретил всякое насилие над людьми, сказав, что он пришел выпустить плененных на свободу» (Там же.).

Толстой пытается дать иную интерпретацию базовым символам христианства: так крест он трактует как виселицу, на которой был распят Христос: «золоченый крест с эмалевыми медальончиками на концах, который вынес священник и давал целовать людям, был не что иное, как изображение той виселицы, на которой был казнен Христос» (Там же.).

Толстой объясняет слепое следование христианским ритуалам люди повинуются установившемуся правилу: «надо верить в эту веру». Священствование стало доходным делом и позволяет человеку кормить свою семью: «Так же верил и дьячок и еще тверже, чем священник, потому что совсем забыл сущность догматов этой веры, а знал только, что за теплоту, за поминание, за часы, за молебен простой и за молебен с акафистом, за все есть определенная цена, которую настоящие христиане охотно платят» (Там же. 138).

Толстой называет существующие ритуалы обманом, в который люди сами погружаются с целью получить «удобства» в реальной и загробной жизни: «Хотя большинство из них, проделав несколько опытов приобретения удобств в этой жизни посредством молитв, молебнов, свечей, и не получило их, – молитвы их остались неисполненными, – каждый был твердо уверен, что эта неудача случайная и что это учреждение, одобряемое учеными людьми и митрополитами, есть все-таки учреждение очень важное и которое необходимо если не для этой, то для будущей жизни» (Там же.).

Е.Н. Чеснова и Е.Г. Якимова отмечают: «Понимание Л.Н. Толстым Бога, связи человека с Ним, отношение к культовой практике предвосхитило популярную сейчас концепцию личного Бога, отход и неприятие современным человеком культовой практики, постулирование личной связи с Богом. (Чеснова, Якимова 2014. 24).

Заключение

Таким образом, свою концепцию веры Толстой выстраивает отдельно от церковной.

Писатель подчёркивает, что старается своё понимание веры максимально приблизить к учению Христа. Основное различие религии и веры заключается в том, что религия имеет внешнее выражение, а вера – внутреннее. Вера

действена, осмыслена, принята субъектом, а поэтому является выражением его воли, понятна ему. Этим вера отличается от суеверия, которое навязывает человеку церковь. Акциональный аспект веры основывается на осознании смысла жизни, на золотом правиле этики и непротивлении злу насилем. Характерно, что в публицистическом и художественном тексте Толстой использует разные лингвокогнитивные тактики презентации знания. Для публицистического текста характерны этимологизация, дефинирование, метафоризация. Для художественного стратегия дискредитации, выражаемая в изменении интерпретанты традиционного символа за его погружения в иную дискурсивную среду, а также тактика оценочности и открытого авторского комментария.

Литература

- 1- Амирханян А.М. (2010). *Евангельские изречения в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»* // Филологические науки. № 1. С. 31-41.
- 2- Васильев С.А. (2016). «...Одно из самых светлых и сильных воспоминаний» (образ пасхального богослужения в романе Л.Н. Толстого «Воскресение») // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. № 2 (22). С. 18-24.
- 3- Денисов А.Н. (2014). *Евангельская аллюзия в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»* // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки. Материалы 34-х Международных Толстовских чтений. Тула. С. 315-320.
- 4- Лагно (2017). *Функции сатиры и иронии в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»* // Научный диалог: молодой учёный. Москва. Изд-во «Общественная наука». С. 53-55.
- 5- Масолова Е.А. (2012). *Мифопоэтическая образность романа Л.Н. Толстого «Воскресение»* // Культура и текст. № 1(13). С. 62-72.
- 6- Мирошников Ю.И. (2010). *Романтическое мировоззрение Л.Н. Толстого как интегральная характеристика его художественного и философско-религиозного творчества* // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 10 С. 87-103.
- 7- Моррис Ч.У. (1983). *Основания теории знаков* // Семиотика. Москва. Изд-во «Радуга». С.37-89.

- 8- Новиков Л.А. (1973). *Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике)*. Москва. Изд-во «Моск. гос. ун-та».
- 9- Ореханов Г., прот. (2016). *Л.Н. Толстой как религиозный тип (интерконфессиональный аспект вопроса)* // Вопросы философии. – № 4. С. 42-53.
- 10- Телия В.Н. (1977). *Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация: Виды наименований*. Москва. Изд-во «Наука». С. 129-221.
- 11- Толстой Л.Н. (2006). *Определение религии-веры / Л.Н. Толстой* // Полное собрание сочинений: в 90 т. Тт. 17, 23, 32, 35. Москва. Изд-во «РГБ».
- 12- Чеснова Е.Н. (2012). *Осмысление феномена веры в религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого* // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого.- № 3. С. 82-86.
- 13- Чеснова Е.Н., Якимова Е.Г. (2014). *Философия веры и эсхатологические «предчувствия» в учении Л.Н. Толстого* // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. № 3. С. 24-36.

Bibliography

- 1- Amirhanjan A.M. (2010). *Evangel'skie izrechenija v romane L.N. Tolstogo «Voskresenie»* // Filologicheskie nauki. № 1. S. 31-41.
- 2- Vasil'ev S.A. (2016). «...*Oдно iz samyh svetyh i sil'nyh vospominanij*» (*obraz pashal'nogo bogosluzhenija v romane L.N. Tolstogo «Voskresenie»*) // Vestnik MGPU. Serija Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie. № 2 (22). S. 18-24.
- 3- Denisov A.N. (2014). *Evangel'skaja alljuzija v romane L.N. Tolstogo «Voskresenie»* // Nasledie L.N. Tolstogo v gumanitarnyh paradigmah sovremennoj nauki. Materialy 34-h Mezhdunarodnyh Tolstovskih chtenij. Tula. S. 315-320.
- 4- Lagno (2017). *Funkcii satiry i ironii v romane L.N. Tolstogo «Voskresenie»* // *Nauchnyj dialog: molodoj uchjonyj*. Moskva. Izd-vo «Obshhestvennaja nauka». S. 53-55.
- 5- Masolova E.A. (2012). *Mifopojeticheskaja obraznost' romana L.N. Tolstogo «Voskresenie»* // Kul'tura i tekst. № 1(13). S. 62-72.
- 6- Miroshnikov Ju.I. (2010). *Romanticheskoe mirovozzrenie L.N. Tolstogo kak integral'naja harakteristika ego hudozhestvennogo i filosofsko-religioznogo tvorcestva* // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. Vyp. 10 S. 87-103.
- 7- Morris Ch.U. (1983). *Osnovaniya teorii znakov* // Semiotika. Moskva. Izd-vo «Raduga». S.37-89.
- 8- Novikov L.A. (1973). *Antonimija v russkom jazyke (semanticheskij analiz protivopolozhnosti v leksike)*. Moskva. Izd-vo «Mosk. gos. un-ta».

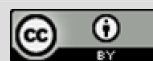
- 9- Orehanov G., prot. (2016). L.N. *Tolstoj kak religioznyj tip (interkonfessional'nyj aspekt voprosa)* // *Voprosy filosofii*. - № 4. S. 42-53.
- 10- Telija V.N. (1977). *Vtorichnaja nominacija i ejo vidy* // *Jazykovaja nominacija: Vidy naimenovaniy*. Moskva. Izd-vo «Nauka». S. 129-221.
- 11- Tolstoj L.N. (2006). *Opredelenie religii-very / L.N. Tolstoj* // *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. Tt. 17, 23, 32, 35*. Moskva. Izd-vo «RGB».
- 12- Chesnova E.N. (2012). *Osmyslenie fenomena very v religiozno-nravstvennom uchenii L.N. Tolstogo* // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. - № 3. S. 82-86.
- 13- Chesnova E.N., Jakimova E.G. (2014). *Filosofija very i jeshatologicheskie «predchuvstvija» v uchenii L.N. Tolstogo* // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. № 3. S. 24-36.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Токарев Г. В., Яхьяпур М. (2020). Linguistic and Cognitive Tactics of Representing Religious Ideas in Leo Tolstoy's Journalistic and Artistic Works. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 87-105.

DOI: 10.29252/iarll.16.87

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/105>

رویکردهای زبان‌شناسی شناختی در بازنمایی‌های دینی در آثار سیاسی-اجتماعی

و ادبی ل.ن. تالستوی

گریگوری والرئویچ توکارف^۱

استاد اسنادشناسی و سبک‌شناسی زبان روسی دانشگاه دولتی تربیت‌معلم لف تالستوی تولا،
تولا، روسیه.

مرضیه یحیی پور^۲

استاد گروه زبان و ادبیات روسی، دانشگاه تهران،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: مارس ۲۰۲۰)

چکیده

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه رویکردهای زبان‌شناسی شناختی در بازنمایی‌های تالستوی درباره مذهب و دین می‌پردازد. واژگان کلیدی برای دسته‌بندی این بازنمایی‌ها عبارتند از: دین، مذهب، خدا، کلیسا. شیوه‌های مفهوم‌سازی را می‌توان به دو دسته شیوه‌های علمی و غیرعلمی تقسیم‌بندی کرد. این اندیشمند از یک طرف مبانی علمی دین را عرضه و از سوی دیگر، درک و تحلیل شخصی از مفهوم خدا را ارائه می‌کند. در جهان‌بینی تالستوی، این دو رویکرد به هم می‌پیوندند. مفهوم‌سازی علمی با رویکرد زبان‌شناسی شناختی شامل ریشه‌شناسی، مفهوم‌شناسی؛ و در مقابل، شیوه‌های مفهوم‌سازی غیرعلمی شامل تغییر در تفسیر نماد سنتی، ارزیابی مستقیم و دیدگاه‌های شخصی نویسنده می‌شود. در فرایند شناخت دین، نویسنده تعدادی از ویژگی‌های این مقوله را مشخص می‌کند: اطاعت انسان از دستورات خدا، برقراری برابری و مساوات بین انسان‌ها، معنابخشی، قابل درک بودن مفاهیم و تحقق‌پذیری آنها. رسالت اصلی دین، هدایت است. تالستوی بین مفاهیم دین و مذهب تفاوت قائل است؛ اولی جنبه خارجی دارد و دومی درونی. هر دو مفهوم جزء مفاهیم خیر و متعالی به‌شمار می‌روند. مذهب با کلیسا به‌عنوان یک نهاد دینی اجتماعی مقایسه می‌گردد. مهم‌ترین ابزار در عینیت‌بخشی بازنمایی، نام‌گذاری غیرمستقیم است. یکی از شیوه‌های بیان فهم و درک از دین و ایمان، از بین بردن کلیشه‌ها و تصورات قالبی به‌وجود آمده درباره این مفاهیم است. تالستوی دیدگاه خود را بسیار نزدیک به آموزه‌های مسیح معرفی می‌کند.

واژگان کلیدی: دین، مذهب، ل.ن. تالستوی، بازنمایی، مفهوم‌سازی، دسته‌بندی.

1. Email: grig72@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2362-0902

2. Email: myahya@ut.ac.ir; ORCID: 0000-0001-8195-6909 (نویسنده مسئول)

Migration Linguistics: Theoretical and Methodological Approaches to the Formation of the Direction

Shustova Svetlana Viktorovna¹

Professor, Perm State National Research University,
Perm, Russia.

(date of receiving: March, 2020; date of acceptance: July, 2020)

Abstract

Migration researchers deal with various aspects of the proposed topics: political, economic, sociological, legal, cultural, psychological. In this regard, approaches to the definition of the concept of “migration” vary. It is not only the definition, which is a problem but also the determination of and finding the key concepts of migration linguistics such as, integration, acculturation, identity. The lack of a unified term system, and as a consequence the divergent use of the concepts of migration linguistics in various scientific fields, complicates the modeling of both migration processes and their key concepts. The object of migration linguistics is not only a model of dynamic language processes, not only a model of migration discourse, but also such aspects as motivation, circumstances, migration factors, consequences of migration processes. Each of these aspects can represent an independent sphere of research.

Keywords: Migration Linguistics, Migration, Migration Discourse, Contact Linguistics, Migration Processes.

1. E-mail: lanaschust@mail.ru; ORCID:0000-0002-8318-7864

Миграционная лингвистика: теоретико-методологические подходы к формированию направления

Шустова Светлана Викторовна¹

Профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия.

(дата получения: март 2020 г.; дата принятия: июль 2020 г.)

Аннотация

В фокусе внимания исследователей миграционных процессов находятся различные аспекты предлагаемой тематики: политические, экономические, социологические, правовые, культурологические, психологические. В связи с этим и подходы к определению понятия «миграция» варьируются. Проблема заключается не только и не столько в дефиниции, а в определении и выявлении ключевых концептов миграционной лингвистики, таких как интеграция, аккультурация, идентичность. Отсутствие единой терминосистемы, а как следствие дивергентное использование концептов миграционной лингвистики в различных научных направлениях усложняют моделирование как миграционных процессов, так и их ключевых концептов. Объектом миграционной лингвистики становится не только модель динамических языковых процессов, не только модель миграционного дискурса, но и такие аспекты как мотивация, обстоятельства, факторы протекания миграции, последствия миграционных процессов. Каждый из названных аспектов может представлять самостоятельную сферу исследования.

Ключевые слова: Миграционная Лингвистика, Миграция, Миграционный Дискурс, Контактная Лингвистика, Миграционные Процессы.

1. E-mail: lanaschust@mail.ru; ORCID:0000-0002-8318-7864

Введение

В Пермском государственном национальном исследовательском университете группой исследователей разрабатывается новое направление в лингвистике – миграционная лингвистика. Коллектив авторов, включая коллег из Москвы, Томска, Волгограда, Германии, решил внести свой небольшой вклад в развитие лингвистической мысли, развивая позиции отечественных и зарубежных исследователей. Работа автора статьи в области миграционной лингвистики, без упоминания данного названия, началась давно, и представлена в ряде публикаций, посвященных анализу лингвистического ландшафта и влияния глобализационных процессов на его развитие. Коллективом авторов опубликовано три монографии, посвященные разным аспектам формирующегося направления (Миграционная лингвистика ... 2019а, Миграционная лингвистика ... 2019б, Миграционная лингвистика ... 2020). Кроме того, в 2019 г. был опубликован первый номер научного журнала «Миграционная лингвистика» (2019). В предлагаемой статье рассматриваются основные подходы и принципы, которыми руководствуется автор статьи.

Тематика миграции становится наиболее актуальной в области лингвистических исследований особенно в последнее десятилетие. Для обозначения этой сферы все чаще исследователи прибегают к понятию «миграционная лингвистика» (Migrationslinguistik). Причиной становления миграционной лингвистики как самостоятельного направления в лингвистической науке стал факт массивных, многообразных миграционных движений, возникающих в мобильном и глобализирующемся мире. А на основе этих глобальных процессов особую значимость приобретает языковая динамика и ее релевантность для лингвистики в целом.

Отсутствие единой терминосистемы, а как следствие дивергентное использование концептов миграционной лингвистики в различных научных направлениях усложняют моделирование как миграционных процессов, так и их ключевых концептов. Объектом миграционной лингвистики становится не

только модель динамических языковых процессов, не только модель миграционного дискурса, но и такие аспекты как мотивация, обстоятельства, факторы протекания миграции, последствия миграционных процессов.

Феномен миграции изучается в рамках следующих направлений: психология миграции (Хухлаев 2009), психоанализ миграции (Осадчий и др. 2018), этнология миграции (Черниенко 2017), миграционная лингвистика (Зубарева 2018. 420-422; 2019; Плюснина, Шалгина 2018. 21-25; Krefeld 2004, Gugenberger 2018, Sprachen in mobilisierten Kulturen ... 2011), история миграции (миграционная история) (Ключевский 1995; Ионцев 2014), миграциология (Алешковский, Ионцев 2015), политическая миграциология (Ефимов 2005).

Основная часть

В сфере миграционной лингвистики речь идет о вариативности языка / речи как способности языка создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внешних причин. Вариативность является одним из важных факторов развития языка и приложима как к языку в целом, так и к различным формам его существования. Это позволяет говорить об универсальном характере вариативности и варьирования. Если продолжать рассуждения относительно варьирования, то следует иметь в виду формальный (структурный), семантический и функциональный аспекты. Прежде всего, в силу того, что данные аспекты обусловлены знаковой природой языковых единиц, их формой, значением и функцией.

Важный вклад в развитие миграционной лингвистики внес Т. Крефельд (Krefeld 2004). Исследователь предложил системную концептуализацию миграционной лингвистики. Особое внимание сфокусировано на вариативной и пространственной лингвистике.

Теоретической задачей, которую мы ставим перед собой в предлагаемом исследовании – это определение объекта, предмета, цели и задач миграционной лингвистики.

Объектом миграционной лингвистики могут выступать язык мигрантов, моделирование динамических языковых процессов, обусловленных миграционными процессами и моделирование миграционного дискурса.

Предметом миграционной лингвистики могут быть определены модель миграционного дискурса; формирование базовых категорий миграционной лингвистики; формирование и развитие теоретико-методологической базы; разработка системы методов миграционной лингвистики.

Задачи миграционной лингвистики:

- 1) выявление пространственно специфических и контактных лингвистических аспектов взаимодействия языков различных этносов, проживающих на одной территории (пиджинизация, креолизация);
- 2) описание взаимодействия национальных, титульных языков и языковых анклавов; выявление критериев сопоставления;
- 3) разработка типологии языковых анклавов;
- 4) характеристика положительных и отрицательных сторон мобильности этносов в лингвистическом аспекте;
- 5) моделирование лингвокультурной полифонии языковой картины мигранта;
- 6) анализ причин языковой агрессии со стороны титульной нации и мигрантов;
- 7) сравнительный анализ нормативно-правовых актов стран в области языковой политики в аспекте выделения участников, их прав и обязанностей, включая организации;

- 8) разработка типологии языковых ситуаций, возникновение которых обусловлено миграционными процессами и желанием мигрантов сохранить свою идентичность;
- 9) определение роли политической лингвистики, контактной лингвистики, вариативной лингвистики, пространственной лингвистики и лингвоэкологии в формировании миграционной лингвистики;
- 10) анализ туристической миграции в лингвистическом аспекте;
- 11) разработка типологии коммуникационных пространств, обусловленных миграционной мобильностью;
- 12) анализ динамических процессов в языке (на всех уровнях), обусловленных миграционными процессами;
- 13) введение понятия «мобильное многоязычие»;
- 14) моделирование процессов ослабления речевой конфликтности;
- 15) моделирование миграционных процессов в лингвистическом аспекте.

Миграция является неотъемлемой частью процесса межкультурной коммуникации. По словам Е.С. Ашнина, «увеличение миграционных потоков обострили уже существующие и создали новые проблемы... наиболее важными из которых являются обеспечение продуктивного межкультурного взаимодействия и построение мультикультурного общества» (Ашнин 2012. 136).

П. Керсвилл отмечает, что миграция является основной причиной изменения титульного языка того или иного этноса, вызванного многочисленными межкультурными контактами. Принимающее общество неизбежно вбирает те или иные черты повседневного быта, традиционные модели организации жизни, элементы художественной культуры и литературы, фольклора, духовные ценности, особенности этикета, языковые

обороты, лексические и грамматические средства. Миграция формирует этнолингвистическое меньшинство, которое вносит новое и трансформирует титульный язык (Kerswill 2006. 8).

Но при этом теория межкультурной коммуникации как наука не ставит перед собой задачу объяснить и решить проблемы, которые возникают в языке при больших миграционных потоках.

В области изучения динамических процессов в языке в миграционной лингвистике можно было бы сконцентрировать внимание на следующих аспектах, которые, в свою очередь, затрагиваются в других направлениях лингвистической науки.

- 1) политическая лингвистика: образ мигранта, образ принимающей страны, образ лидера страны;
- 2) лингвозкология: нормативно-правовые акты в области языковой политики, борьба за чистоту языка титульной нации;
- 3) теория коммуникации: типология коммуникационных пространств, обусловленных миграционной мобильностью;
- 4) когнитивная лингвистика: концепты «иммигрант», «эмигрант», «переселенец», «беженец», «лимитчик», «мигрант», «миграция»; переключение языковых кодов;
- 5) переводоведение, контактная лингвистика: переключение языковых кодов;
- 6) межкультурная коммуникация: туристическая миграция, образ принимающей стороны, образ мигранта, образ лидера страны, межэтнические конфликты, мобильность этносов, кросс-культурные контакты, языковая картина мира мигранта;
- 7) паремиология: паремийные трансформанты;
- 8) социо- и психолингвистика: языковая политика, языковые контакты, языковая ситуация, языковые анклав, языковая

- экспансия, мобильное многоязычие, речевая конфликтогенность;
развитие теории адстрата, суперстрата, субстрата;
- 9) лексическая семантика, контактная лингвистика: заимствования, неологизация, метафоризация;
 - 10) лингвогеография, моделирование миграционных процессов в лингвистическом аспекте: количество этносов, количество говорящих на языке титульной нации и языке мигрантов, современный лингвистический ландшафт, языковые анклавы.
 - 11) метафорология: образ мигранта, образ принимающей страны, образ лидера страны, реалии принимающей стороны (лексико-семантические трансформации);
 - 12) вариативная лингвистика, вариотология: инвариантное и вариантное в языке;
 - 13) дискурсология: моделирование миграционного дискурса
 - 14) моделирование концептуального поля МИГРАЦИЯ.

Как мы уже отмечали, базовым концептом миграционной лингвистики является *МИГРАЦИЯ*. Миграция, беженцы, иммигранты входят в общий социокультурный и языковой контекст жизни общества. Это обуславливает необходимость теоретического обоснования процессов, возникающих в результате возросших масштабов миграции населения и связанных с ней политических последствий, дополнительных способов языковой номинации и формирования некоторых акцентов на определенных фрагментах новой языковой реальности. Миграционный дискурс рассматривается как вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные практики, социальные агенты, участники, вовлеченные в социальные события.

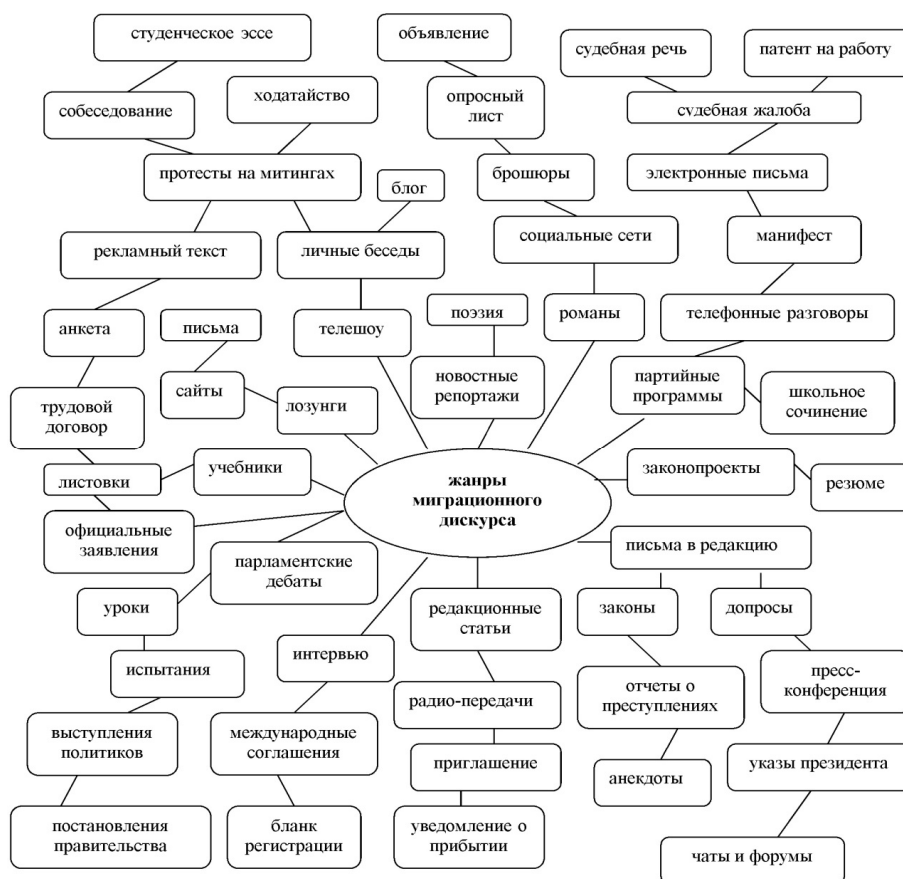

Схема 1. Жанровая модель миграционного дискурса

по Е.О. Зубаревой (2019)

Ю.С. Степанов предлагает следующую дефиницию: «... дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс существует, прежде всего, и главным образом, в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный

(альтернативный) мир в полном смысле этого логико-философского термина»» (Степанов 1995).

Дискурсивное пространство мыслится нами как среда сосуществования и функционирования определенных дискурсов, объединенных по какому-либо принципу. <...> Дискурсивное пространство понимается не как вместилище, в которое помещены дискурсы, в котором они «расположены», оно понимается как сложная система, параметры которой заданы возможностью объединения дискурсов (Плотникова 2018. 31 – 61).

Миграционный дискурс – коммуникативный процесс, участники которого стремятся:

Блок 1. Система ценностей: адаптироваться в принимающей стране; принять законодательство страны; оставаться в своей конфессии или изменить вероисповедание; освоить язык принимающей страны; определить для себя и своей семьи выгоды от пребывания на территории этой страны; принять решение о пребывании самостоятельно; адаптироваться к условиям проживания в одиночку, семьей, группой; решить экономические вопросы жизнеобеспечения; дать детям образование; обеспечить семью медицинским обслуживанием; принять культуру титульной нации.

Блок 2. Система ценностей: создать анклав (экономический, политический); создать языковой анклав; создавать условия для укрепления и расширения своего вероисповедания; не осваивать язык титульной нации; определить для себя и своей семьи выгоды от пребывания на территории принимающей страны; принять решение под давлением (из-за страха, из-за угроз); решать экономические вопросы жизнеобеспечения; дать детям образование; обеспечить семью медицинским обслуживанием; игнорировать культуру титульной нации (насаждать свою культуру).

При рассмотрении подходов, связанных со становлением миграционной лингвистики, возникает вопрос о связи миграционной лингвистики и

контактной лингвистики. Ж. Багана, Е.В. Хапилина в своей монографии «Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм» (2010) представили глубокую теоретическую базу разрабатываемого направления, а также предприняли попытку выявления отличий контактной лингвистики от социолингвистики (Багана, Хапилина 2010).

Исследователи отмечают, что социолингвистика нацелена на описание взаимодействия языков и культур, становление контактной лингвистики обусловлено расширяющимися интеграционными процессами и обращением ученых к вопросу о языковых контактах. С точки зрения синхронии логично рассматривать сосуществование сосуществующих языковых систем (владение несколькими языковыми кодами, несколькими языками, наличие нескольких государственных языков в один период времени). В диахроническом аспекте могут быть раскрыты основные способы сосуществования языков, механизмы их взаимодействия, изменения на языковых уровнях и т.д.

В ходе языковых контактов актуализируются такие процессы как конвергенция, заимствование, интерференция, контаминация. Исследователи Ю.В. Балакина, А.В. Соснин в сферу контактной лингвистики включают такие категории как языковой контакт, билингвизм, заимствование и интерференция, переключение кодов, пиджин и креольские языки (Балакина, Соснин 2015. 5).

Языковой контакт актуализируется в результате взаимодействия двух или более языков или их разновидностей (диалектов, арго, профессиональной лексики). Языковая вариативность представляет собой объективное имманентное свойство языковой системы, затрагивающее все выделяемые в языке подсистемы и единицы плана выражения и плана содержания, в синхронии и диахронии (Дубровина 2015. 44).

В рамках контактной лингвистики, как и в рамках миграционной лингвистики могут находиться вопросы, связанные с лингвотолерантностью (см., например, Шемчук 2013). Лингвотолерантность (толерантность языка)

проявляется в принятии иноязычных единиц в словарный состав языка. В качестве примера могут послужить многочисленные заимствования, используемые в молодежной субкультуре европейских стран.

Ключевым понятием лингвотолерантности является «словарный импорт».

Ключевым понятием контактной лингвистики – «заимствование».

Лингвотолерантность следует отличать от эколлингвистики, поскольку последняя ставит задачу сохранения своеобразия отдельных языков и диалектов. Эколлингвистика предполагает деятельностный подход к поддержанию самобытности языка. Лингвотолерантность пассивна и ограничивается согласием со всеми языковыми изменениями. Причина возникновения эколлингвистики – пуризм – движение за чистоту языка. Лингвотолерантность объединяет с контактной лингвистикой категория заимствования, в связи с этим лингвотолерантность необходимо включать в сферу контактной лингвистики (Багана, Хапилина 2010. 95–98).

В конце XVIII начале XIX вв. изменилось положение в отношении языковых контактов. На протяжении XIX в. сравнительно-историческое языкознание становится основной лингвистической дисциплиной. В фокусе внимания исследователей находятся процессы языковой дивергенции. Конвергентные процессы, контактные процессы отошли на задний план. Так, Г. Пауль рассматривает семантические сдвиги в лексическом значении слов родного языка под влиянием слов другого языка, о структурном калькировании, о заимствовании суффиксов и флексий, а главное, указывает на роль двуязычия – индивидуального и коллективного – как главного фактора, делающего возможным влияние одного языка на другой (Пауль 1960).

Австрийский языковед Г. Шухардт внес неоценимый вклад в изучение языковых контактов. Для ученого смешение языков было основополагающей чертой истории любого языка («Slawo-Deutsches und Slawo-Italienisches, 1884,

1926). Г. Шухардт впервые обратился к явлению, в последствии получившему название языковой интерференции и высказал чрезвычайно интересные мысли о двуязычии.

Проблемы языковых контактов представлены в трудах Л.В. Щербы (Щерба 1958, 2007).

Ситуация языкового контакта не всегда может иметь отношение к миграционной лингвистике, с одной стороны, однако, с другой стороны, не все языковые явления, фиксируемые в условиях языковых контактов, могут быть объяснены с позиций миграционной лингвистики.

В концепциях Т. Крефельда (2004) и Е. Гугенбергер (2018) языковое пространство рассматривается как одномерное, статическое, характеризуется одноязычием и оседлостью говорящих; не фиксируется аллохтонная вариативность и многоязычие. Т. Крефельд развивает динамическую многомерную концепцию коммуникативного пространства, которое может стать моделью для миграционных коммуникативных пространств во всем их многообразии (Krefeld 2004. 19).

Чрезвычайно интересной областью миграционной лингвистики может стать ситуация многоязычия у этнических меньшинств. В специальной литературе они называются по-разному: мигрантские меньшинства (Migrationsminderheiten) или аллохтоны (allochtone Minderheiten), меньшинства, противопоставляемые аутохтонным меньшинствам (autochtone Minderheiten) или говорящие на исторически региональном языке (Sprecher historischer Regionalsprache) (Gugenberger 2018. 49).

Для Е. Гугенбергер объектом миграционной лингвистики являются психические процессы, протекающие в сознании, которые являются основополагающими для понимания восприятия, толкования и интерпретации знаков внешнего мира индивидуумом, в конкретном контексте исследования – мигрантом.

Заключение

Таким образом, объектом миграционной лингвистики могут стать динамические языковые процессы, обусловленные миграционными процессами, и моделирование миграционного дискурса. В качестве предмета миграционной лингвистики могут быть определены модель миграционного дискурса, формирование базовых категорий миграционной лингвистики, формирование и развитие теоретико-методологической базы, разработка системы методов миграционной лингвистики, разработка процедур снижения языковой конфронтации. Языковая конфронтация, или языковое противостояние, рассматривается как противостояние групп людей, причиной которого являются языковые проблемы, обычно стремление демографически и/ или социально доминирующего этноса ущемить языковые права других этнических групп или нежелание разных этнических групп изучать язык доминирующего этноса. Определить позиции пересечения и выявить положительные и отрицательные факторы, связанные с миграционными процессами, – задача, которая может быть решена только при условии взаимодействия специалистов разных областей

Литература

- 1- Алешковский И.А., Ионцев В.А. (2015). *Управление международной миграцией в условиях глобализации* // Век глобализации. № 1(15). С. 75–87.
- 2- Ашнин Е.С. (2012). *Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии* // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследование молодых ученых. № 10. С. 136–138.
- 3- Багана Ж., Хапилина Е.В. (2010). *Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм*. –М.: Флинта, Наука. 128 с.
- 4- Балакина Ю.В., Соснин А.В. (2015). *Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 5–11.
- 5- Дубровина С.Н. (2015). *Вариативность как универсальное свойство языка* // Верхневолжский филологический вестник. № 3. С. 44–48.

- 6- Зубарева Е.О. (2019). *Языковая репрезентация концепта МИГРАЦИЯ* // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Коллективная монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В. М., Мощанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева; Пермь: Пермский гос. нац. иссл. ун-т, С. 65-112. <https://naukblog.blogspot.com>,
- 7- Зубарева Е.О. (2018). *Номинативное поле концепта «мигрант»* // Мир науки, культуры, образования. № 4(71). С. 420–422.
- 8- Ефимов Ю.Г. (2005). *Политическая миграциология*. Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет. 160 с.
- 9- Ионцев В.А. *Интеграция мигрантов – эффективный путь устранения неравенства и ксенофобии в принимающем обществе* // Вопросы управления. 2014, № 1(26). С. 127–132.
- 10- Ключевский В.О. (1995). *Русская история. Полный курс лекций в трех книгах*. Книга 1. –М.: Мысль. 567 с.
- 11- *Миграционная лингвистика в современной научной парадигме*. (2019). Коллективная монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В. М., Мощанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева; Пермь: Пермский гос. нац. иссл. ун-т, 2019. 163 с. <https://naukblog.blogspot.com>,
- 12- *Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики*. (2019а). Монография / Шустова С. В. , Желтухина М.Р., Дружинина М.В., Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Костева В. М., Черноусова А.С. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор А.М. Амаатов; Пермь: Пермский гос. нац. иссл. ун-т. 180 с. <https://naukblog.blogspot.com>,
- 13- *Миграционная лингвистика* (2019). Научный журнал. Пермь № 1. <https://naukblog.blogspot.com>,
- 14- *Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика*. (2020). Монография / Шустова С. В., Зубарева Е. О., Хорошева Н.В., Костева В. М., Мощанская Е.Ю., Киндеркнехт А.С., Кёск Я. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор О.А. Радченко; Пермь: Пермский гос. нац. иссл. ун-т. 180 с. <https://naukblog.blogspot.com>,
- 15- Осадчий Г.В., Осадчая Г.И., Андреев Э.М., Юдина Т.Н. и др. (2018). *Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение*. –М.: Издательский дом БИБЛИО-ГЛОБУС. 374 с.
- 16- Пауль Г. (1960). *Принципы истории языка*. –М.: Изд-во иностранной литературы. 501 с.
- 17- Плотникова С.Н. (2018). *Дискурс и дискурсивное пространство* // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. Отв. ред. О.А. Сулейманова. –М.: ЛЕНАНД. С. 31–61.

- 18- Плюснина Е.М., Шалгина Е.А. (2018). *Сценарий каузативной ситуации с глаголомaimer* // Евразийский гуманитарный журнал. № 3. С. 21–25.
- 19- Степанов Ю.С. (1995). *Альтернативный мир. Дискурс, Факт и принцип причинности* // Язык и наука конца 20 века. Сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет. 432 с.
- 20- Хухлаев О.Е. (2009). *Этнонациональные установки московских старшеклассников в условиях совместного обучения с мигрантами* // Психологическая наука и образование. № 1. С. 5–13.
- 21- Черниенко Д.А. (2017). *Восточнославянские народы Удмуртии*. Ижевск: Шелест. 223 с.
- 22- Шемчук Ю.М. (2013). *Лингвотолерантность в эпоху глобализации* // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. № 1. С. 95–98.
- 23- Щерба Л.В. (1958). *Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета. 183 с.
- 24- Gugenberger E. (2018). *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik*. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien. 658 S.
- 25- Kerswill P. (2006). *Migration and language* // Klaus Mattheier, Ulrich Ammon & Peter Trudgill (eds.) *Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society*. 2nd edn. Vol 3. Berlin: De Gruyter. P. 2271–2285.
- 26- Krefeld Th. (2004). *Einführung in die Migrationslinguistik*. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Gunter Narr Verlag. Tübingen. 173 S.
- 27- *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. (2011). Hrsg von Th. Stehl. Universitätsverlag Potsdam. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 03.05.2018).

Bibliography

- 1- Aleshkovskij I.A., Ioncev V.A. (2015). *Upravljenje mezhdunarodnoj migracijej v uslovijah globalizacii* // Vek globalizacii. № 1(15). S. 75–87.
- 2- Ashnin E.S. (2012). *Sociolingvističeskie aspekty mezhkul'turnoj komunikacii v Germanii* // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 9: Issledovanie molodyh uchenyh. № 10. С. 136–138.
- 3- Bagana Zh., Napilina E.V. (2010). *Kontaktnaja lingvistika. Vzaimodejstvie jazykov i bilingvizm*. –M.: Flinta, Nauka. 128 s.

- 4- Balakina Ju.V., Sosnin A.V. (2015). *Teoreticheskie osnovy perekljuchenija kodov i funkcionirovanija zaimstvovaniy s pozicij kontaktnoj lingvistiki* // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. № 2. S. 5–11.
- 5- Dubrovina S.N. (2015). *Variativnost' kak universal'noe svojstvo jazyka* // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. № 3. S. 44–48.
- 6- Zubareva E.O. (2019). *Jazykovaja reprezentacija koncepta MIGRACIJA* // Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme. Kollektivnaja monografija / Zubareva E. O., Isaeva E. V., Icenko A. V., Kosteva V. M., Moshhanskaja E. Ju., Shustova S. V. / Nauchnyj redaktor doktor filologičeskijh nauk, professor T. I. Erofeeva; Perm': Permskij gos. nac. issl. un-t, C. 65-112. <https://naukblog.blogspot.com>,
- 7- Zubareva E.O. (2018). *Nominativnoe pole koncepta «migrant»* // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. № 4(71). S. 420–422.
- 8- Efimov Ju.G. (2005). *Politicheskaja migraciologija*. Stavropol': Severo-Kavkazskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet. 160 s.
- 9- Ioncev V.A. *Integracija migrantov – jeffektivnyj put' ustraneniya neravenstva i ksenofobii v primajushhem obshhestve* // Voprosy upravlenija. 2014, № 1(26). S. 127–132.
- 10- Ključevskij V.O. (1995). *Russkaja istorija. Polnyj kurs lekcij v treh knigah*. Kniga 1. –M.: Mysl'. 567 s.
- 11- *Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme*. (2019). Kollektivnaja monografija / Zubareva E. O., Isaeva E. V., Icenko A. V., Kosteva V. M., Moshhanskaja E. Ju., Shustova S. V. / Nauchnyj redaktor doktor filologičeskijh nauk, professor T. I. Erofeeva; Perm': Permskij gos. nac. issl. un-t, 2019. 163 s. <https://naukblog.blogspot.com>,
- 12- *Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: mediacionnye praktiki*. (2019a). Monografija / Shustova S. V., Zheltuhina M.R., Druzhinina M.V., Zubareva E. O., Isaeva E. V., Kosteva V. M., Chernousova A.S. / Nauchnyj redaktor doktor filologičeskijh nauk, professor A.M. Amator; Perm': Permskij gos. nac. issl. un-t. 180 s. <https://naukblog.blogspot.com>,
- 13- *Migracionnaja lingvistika* (2019). Nauchnyj zhurnal. Perm' № 1. <https://naukblog.blogspot.com>,
- 14- *Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika*. (2020). Monografija / Shustova S. V., Zubareva E. O., Horosheva N.V., Kosteva V. M., Moshhanskaja E.Ju., Kinderkneht A.S., Köck Jh. / Nauchnyj redaktor doktor filologičeskijh nauk, professor O.A. Radchenko; Perm': Permskij gos. nac. issl. un-t. 180 s. <https://naukblog.blogspot.com>,
- 15- Osadchij G.V., Osadchaja G.I., Andreev Je.M., Judina T.N. i dr. (2018). *Processy evrazijskoj integracii: social'no-politicheskoe izmerenie*. –M.: Izdatel'skij dom BIBLIO-GLOBUS. 374 s.
- 16- Paul' G. (1960). *Principy istorii jazyka*. –M.: Izd-vo inostranoj literatury. 501 s.

- 17- Plotnikova S.N. (2018). *Diskurs i diskursivnoe prostranstvo* // Diskurs kak universal'naja matrica verbal'nogo vzaimodejstvija. Otv. red. O.A. Sulejmanova. – M.: LENAND. S. 31–61.
- 18- Pljusnina E.M., Shalgina E.A. (2018). *Scenarij kauzativnoj situacii s glagolom aimer* // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. № 3. S. 21–25.
- 19- Stepanov Ju.S. (1995). *Al'ternativnyj mir. Diskurs, Fakt i princip prichinnosti* // Jazyk i nauka konca 20 veka. Sbornik statej. –M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. 432 s.
- 20- Huhlaev O.E. (2009). *Jetnonacional'nye ustanovki moskovskih strasheklassnikov v uslovijah sovmestnogo obuchenija s migrantami* // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. № 1. S. 5–13.
- 21- Chernienko D.A. (2017). *Vostochnoslavjanske narody Udmurtii*. Izhevsk: Shelest. 223 s.
- 22- Shemchuk Ju.M. (2013). *Lingvotolerantnost' v jepohu globalizacii* // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholohova. Filologicheskie nauki. № 1. S. 95–98.
- 23- Shherba L.V. (1958). *Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike*. Leningrad: Izdvo Leningradskogo universiteta. 183 s.
- 24- Gugenberger E. (2018). *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik*. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien. 658 S.
- 25- Kerswill P. (2006). *Migration and language* // Klaus Mattheier, Ulrich Ammon & Peter Trudgill (eds.) *Sociolinguistics / Soziolinguistik*. An international handbook of the science of language and society. 2nd edn. Vol 3. Berlin: De Gruyter. P. 2271–2285.
- 26- Krefeld Th. (2004). *Einführung in die Migrationslinguistik*. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Gunter Narr Verlag. Tübingen. 173 S.
- 27- *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. (2011). Hrsg von Th. Stehl. Universitätsverlag Potsdam. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (data obrashhenija: 03.05.2018).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ильцова С. В. (2020). Migration Linguistics: Theoretical and Methodological Approaches to the Formation of the Direction. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 107-125.

DOI: 10.29252/iarll.16.113

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/124>

رویکردهای نظری و روش‌شناختی در شکل‌گیری زبان‌شناسی مهاجرت

سوتلانا ویکتورونا شوستووا^۱

استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم،

پرم، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۰)

چکیده

پژوهشگران حوزه مهاجرت، جنبه‌های گوناگونی از موضوع پیشنهادی در پژوهش حاضر را از نقطه‌نظر سیاسی، اقتصادی، جامعه‌شناختی، حقوقی، فرهنگی و روانشناختی بررسی و مطالعه می‌کنند. در این راستا، رویکردهای متفاوتی در تعریف مفهوم «مهاجرت» وجود دارد. مسئله تنها در نوع تعریف مفهوم مهاجرت خلاصه نمی‌شود، بلکه موضوع و چالش اصلی، تعریف و شناسایی مفاهیم کلیدی و اساسی زبان‌شناسی مهاجرت مانند همگرایی، فرهنگ‌پذیری و هویت است. نبودن یک سیستم اصطلاحات یک‌پارچه و در نتیجه استفاده و اگر از مفاهیم زبان‌شناسی مهاجرت در حوزه‌های گوناگون علمی، مدل‌سازی فرآیندهای مهاجرت و مفاهیم کلیدی آنها را پیچیده می‌کند. موضوع مورد مطالعه زبان‌شناسی مهاجرت نه تنها مواردی چون مدل فرآیندهای زبانی پویا و مدل گفتمان مهاجرت را دربرمی‌گیرد بلکه مواردی مانند انگیزه، شرایط، عوامل مهاجرت، پیامدهای فرایندهای مهاجرت را نیز شامل می‌شود. هر یک از این جنبه‌ها می‌تواند به صورت مستقل موضوع مطالعه پژوهش‌های دیگر باشد.

واژگان کلیدی: زبان‌شناسی مهاجرت، مهاجرت، گفتمان مهاجرت، زبان‌شناسی همگرایی و دوزبان‌گویی، فرایندهای مهاجرت.

Activity Approach in Teaching “Russian Language and Culture of Speech” in Higher School

Mikhailova Galina Anatolyevna¹

Associate Professor, Far East Fire and Rescue Academy,
Vladivostok, Russia.

(date of receiving: February, 2020; date of acceptance: June, 2020)

Abstract

The subject of the discipline “Russian language and culture of speech” is a high-quality, culturally and nationally determined use of the language. One of the main goals in the speech field is the cultural level, a certain quality that is consistently and regularly manifested in speech at all levels and in all styles. This is facilitated by the knowledge of rhetoric, which is evaluated differently in different times and in different societies, which is necessary when discussing practical issues. In the educational process of the University, there are many aspects of applying the skills of cultural speech: speaking at educational seminars, scientific student conferences; preparing and defending coursework and final qualifying papers, as well as preparing for professional scientific and methodological activities. Thus, the article deals with the practical orientation of the study of the discipline “Russian language and culture of speech”, the organization of conscious, purposeful activity of students in the classroom, and ways to develop their language competence.

Keywords: An Activity Approach, “Russian Language and Culture of Speech”, Standards of Speech, Practical Classes.

1. E-mail: judges64@mail.ru

Деятельностный подход в преподавании дисциплины «Русский язык и культура речи» в вузе

Михайлова Галина Анатольевна¹

Доцент, Дальневосточная пожарно-спасательная академия,
Владивосток, Россия.

(дата получения: февраль 2020 г.; дата принятия: июнь 2020 г.)

Аннотация

Предметом изучения дисциплины «Русский язык и культура речи» является качественное, культурно и национально обусловленное использование языка. Одной из главных целей в речевой области является культурный уровень, некое качество, последовательно и регулярно проявляющееся в речи на всех уровнях и во всех стилях. Этому способствует знание риторики, по-разному оцениваемой в различные времена и в разных обществах, которое необходимо при обсуждении вопросов практического характера.

В учебном процессе вуза есть немало сторон приложения навыков культурной речи: выступление на учебных семинарах, научных студенческих конференциях; подготовка и защита курсовых и выпускных квалификационных работ, а также подготовка к профессиональной научно-методической деятельности.

Таким образом, в статье речь идет о практической направленности изучения дисциплины «Русский язык и культура речи», об организации на занятиях осознанной, целенаправленной активности обучающихся, о путях развития у них языковой компетентности.

Ключевые слова: Деятельностный Подход, Дисциплина «Русский Язык И Культура Речи», Языковые Нормы, Практические Занятия.

1. E-mail: judges64@mail.ru

Введение

В настоящее время все чаще можно слышать споры о том, что современное российское образование не отвечает требованиям жизненной практики. В определённом отношении такое мнение следует признать справедливым, однако трудно отрицать и тот факт, что практика профессиональной, научной и общественной жизни невозможна без прочного и широкого теоретического фундамента. Это противоречие особенно актуально в отношении дисциплин так называемого «общекультурного блока», в который, в частности, входит и «Русский язык и культура речи».

Современные исследования в области развития языка, языковой подготовки проводятся сотрудниками Института русского языка В.В. Виноградова РАН, в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина. Регулярно в МГУ, МГИМО, МВТУ и других вузах нашей страны проводятся курсы по повышению квалификации преподавателей, работают школы по риторике. Вся эта и другая деятельность указывает на неослабевающий интерес к проблемам, связанным с развитием русского языка, с особенностями подготовки учителей, преподавания и обучения на разных этапах получения образования. И категория «общекультурный», в этом аспекте, выходит на первый план, потому что само это понятие вызывает порой упрощенное представление о некоем минимуме культурной подготовки к профессиональной деятельности, в какой бы сфере она ни осуществлялась. Что наиболее значимо в этой подготовке – знания о культуре и ее нормах или существование внутри этой культуры, то есть навыки владения ею? С чего следует начинать?

Поставленные вопросы явились плодом длительных размышлений автора в процессе педагогической деятельности, связанной с подготовкой специалистов пожарно-спасательного дела.

Основная часть

Прежде всего, хочется отметить, что в соответствии с терминологией современной педагогической науки, обучающийся является субъектом учебной деятельности и, наряду с преподавателем, – субъектом вузовского образовательного процесса. До сих пор преподаватель выступал и продолжает выступать своеобразным передаточным звеном, посредником между информационным фактом (дискурсом) и обучающимся: он интерпретирует, разъясняет и даже популяризирует ту информацию (дискурс), которая содержится в учебно-научных источниках. Однако соответствие этой роли требованиям современности все более и все чаще подвергается сомнению. Преподаватель будущего – это организатор, консультант, то есть тот, кто незаметно находится рядом. А обучающийся в такой ситуации осознает себя самостоятельной личностью перед растущим массивом накапливаемой и перерабатываемой информации. В связи с этим, особое место в его подготовке занимают такие категории, как саморазвитие, самореализация, самовыражение, самоопределение. Гуманистическая направленность этих категорий кажется очевидной, но она ко многому обязывает обычного выпускника средней школы. На уровне высшего образования от него требуется постоянная, систематическая самообразовательная работа, развитие в себе стремления к чтению классической, философской, профессиональной литературы, а для этого необходимо формирование навыков вдумчивого, рефлексивного чтения широкого круга научной литературы. И этому способствует изучение дисциплины «Русский язык и культура речи».

Если обратить внимание на содержательный минимум этой дисциплины, то создается впечатление, что приоритет должен отдаваться именно знаниям, которые, как само собой разумеется, будут приложены к практике по «мере необходимости». Но возникает ли такая «необходимость»? Осознает ли ее выпускник вуза, став дипломированным специалистом?

Так встает во весь рост проблема мотивации овладения навыками культуры русской речи, так как культура речи – это важнейший регулятор системы «человек – культура – язык», проявляющийся в речевом поведении. Солидаризируясь с А.Ю. Кабушко, под культурой речи мы понимаем такой выбор и такую организацию языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач (Кабушко 2007. 14).

Для того чтобы активно участвовать в общественной и культурной жизни страны, необходима высокая степень языковой грамотности. Поэтому красноречие как наука, имеющая свою историю развития длиною в двадцать пять веков, опираясь на определенные правила и закономерности, позволяет добиться эффективности в устном выступлении, и как искусство – предполагает чрезвычайно большую роль личности оратора в подготовке и выступлении перед аудиторией. (Там же. 13). А, как известно, человек, ежедневно сталкивающийся с проблемами спасения людей, человеческих жизней, обязан быть оратором, убеждать в необходимости беспрекословного выполнения поставленных задач. Поэтому обучение курсантов навыкам публичного выступления является задачей первостепенной важности.

С одной стороны, даже в учебном процессе вуза есть немало сторон приложения навыков культурной речи: выступление на учебных семинарах, научных студенческих конференциях; подготовка и защита курсовых и выпускных квалификационных работ. С другой – профессиональная научно-методическая деятельность.

Но наличие деятельностных областей, где востребовано культурное использование русского языка, еще не означает соответствие носителя языка его требованиям.

В официально-деловой сфере, которая лучше всех приспособилась к низкому уровню владения языком, субъект речи, как правило, не обязан

профессионально владеть стилем деловых документов, образцы составления которых есть практически во всех государственных учреждениях или их подразделениях. Когда субъект речи оказывается в сфере такой деятельности, как, например, учебно-научная или научно-академическая, его некомпетентность оказывается непоправимой. Эта деятельность не обеспечена соответствующими навыками, а знания о ней, полученные в вузе, помогают только констатировать, в лучшем случае – осознать сам факт речевой некомпетентности.

Отсюда вытекает вывод о невозможности применения фундаментальных знаний по русскому языку и культуре речи к той или иной сфере деятельности без самой речевой деятельности – на занятиях в вузе.

С точки зрения общепсихологической теории деятельности, под деятельностью понимается сложный процесс порождения психического саморазвития личности и определения условий формирования ее интеллектуальной, аффективной и потребностно-мотивационной сфер (Фельдштейн 1999. 12).

Предметом изучения дисциплины «Русский язык и культура речи» является качественное, культурно и национально обусловленное использование языка. Как известно, язык – это бесспорное и важнейшее явление национальной самобытности, показатель уровня культуры народа в данный период его исторического развития, это важнейшее средство общения между людьми, средство познания, которое позволяет людям накапливать знания, передавая их другим людям и следующим поколениям. Таким образом, данный предмет становится целью осуществления определённой деятельности, побуждает, или, во всяком случае, должен побуждать курсанта к этой деятельности. Они получают достаточный объем сведений из области стилистики русского языка, ораторского искусства, теории коммуникации, но качественное владение речью, языковое чутье, память и воображение, обеспечивающие это владение, развиваются, по мнению психологов, когда

имеет место «активное и непрерывное взаимодействие» с предметом изучения, «именно в результате этого взаимодействия рождаются идеальные образования, в которых в равной мере представлены как свойства самого субъекта и его организма, так и свойства объектов окружающего мира» (Реан, Бордовская, Розум 2002. 152).

Знание уровнево-иерархической, стилистической структуры, коммуникативных свойств русского языка актуально для обучающегося только в условиях «активных действий субъекта, связанных с уподоблением структур организма структурным свойствам объекта» (Там же. 177).

Исходя из этого, задача преподавателя – организовать на занятиях по культуре речи осознанную, целенаправленную активность курсантов, которая является и основной целью. Эта активность вытекает из успешности речевой деятельности.

В связи с этим, трудно переоценить роль языковой компетентности в организации обратной связи между преподавателем и обучающимся. Современные образовательные технологии предлагают нам такие формы, как экспресс-опросы, различные виды резюмирования занятия («задайте один вопрос», рефлексивное резюме и др.) (Бордовская 2008. 35), но каждая из этих форм предлагает развитие у обучающихся языковые компетентности: рефлексивного слушания, написания короткого или развернутого резюме, комментария или аннотации к лекции (статье, монографии), описания, рассуждения, оценки. Иными словами, в образовании наступает момент, когда речевая деятельность обучающихся приобретает характер диалога, причем в разных его видах:

- общий диалог (сопровождение речью совместной жизнедеятельности);
- информационный диалог (получение и сообщение новой информации);
- обучающий диалог (формирование знаний, умений и навыков, необходимых для деятельности);

- соревновательный диалог (распределение людей по их компетентности и пригодности к деятельности);
- совещательный диалог (принятие решения);
- игровой диалог (выработка форм выражения мысли в их отношении к типовым действиям и согласование действий с высказываниями, - общая и конкретная тренировка);
- командный (управляющий) диалог (непосредственное управление действиями).

В ходе диалога происходит воспроизведение коллективных действий, накопление опыта и знаний в обществе и выработка приемов мышления и выражения мысли в ее различных аспектах. (Сепик 2010. 47).

Одной из главных целей в речевой области является культурный уровень, некое качество, последовательно и регулярно проявляющееся в речи на всех уровнях и во всех стилях. Важность достижения данной «генеральной» цели возрастает по мере усложнения квалифицированных требований к вузовскому образованию. На пути к этой цели естественно и неотвратимо возникают частные проблемы, решение которых, в свою очередь, связано с постановкой частных целей. Так мы подходим непосредственно к понятию «действие» и «операция» (Реан 2002. 179). Речевые действия и операции требуют реализации многих условий: речевой подготовки и компетентности обучающегося, обеспеченности учебного процесса справочной литературой, умения ею пользоваться, достаточного словарного запаса и других.

В Государственном образовательном стандарте дисциплины «Русский язык и культура речи» заметное место занимает такая дидактическая единица, как «Речевое взаимодействие. Основные единицы общения. Устная и письменная разновидности литературного языка. Нормативные, этические аспекты устной и письменной речи». Речевые действия, которые должен освоить обучающийся в соответствии с этой дидактической единицей – воспроизведение, восприятие, понимание речи и реагирование.

Можно сколько угодно рассказывать обучающимся о необходимости речевого соответствия нормативным требованиям, о важности эффективного взаимодействия личностей; соотношении в речевой практике устной и письменной речи, но это не станет действием без осознания единства нормативного, этического и эстетического в использовании языка.

Исходя из сказанного выше мы поставили перед собой задачу переосмысления содержательного минимума дисциплины в плоскости деятельностного подхода, традиционно укрепившегося в зарубежной и отечественной педагогике и психологии. Иными словами, мы попытались определить прежде всего для себя и передать обучающимся структурные компоненты такого подхода на материале стандартного предметного содержания.

Поскольку структура предмета в процессе деятельности взаимодействует со структурой субъекта, нам представляется продуктивным определение нескольких содержательных составляющих речевой деятельности: произношение, чтение, слушание, рассуждение. Причем, все дидактические единицы дисциплины обязательно взаимодействуют в процессе активной и осознанной деятельности курсантов.

Так, освоение нормативного аспекта русского языка происходит на основе внеаудиторной самостоятельной работы обучающихся с практическим пособием и словарями разных типов (с обязательным последующим обсуждением на занятии).

Практические занятия по русскому языку и культуре речи начинаются, как правило, с акцентологических орфоэпических норм. Практика показывает, что мотивация изучения норм русской речи у обучающихся, как правило, слабая. Они плохо представляют себе, зачем нужно осваивать акцентологию, лексико-грамматический строй речи, если всегда все можно сделать по существующему шаблону. Из элементов мотивации, обучающиеся

обнаруживают только один: несоответствие между речевой нормой и личной, индивидуальной речевой практикой. Но с течением времени их мнение меняется: именно на первых занятиях у обучающихся складывается первичная мотивация изучения дисциплины: самодиагностика, успешная попытка запомнить правильное ударение и произношение. Этому способствует проводимая преподавателем работа: подобранные тексты, связанные с актуальными событиями, примеры из жизни, требующие анализа и оценки, статьи из периодической печати, из Интернет-источников.

Следующий этап – усиление мотивации в условиях нового вида речевой деятельности – чтения. Известно, что чтение занимает важнейшее место в процессе получения и передачи информации. Обилие этой информации вызвало к жизни новую технологию – «быстрого» чтения. Здесь необходимо отметить одну из важных проблем – это рефлексивное, вдумчивое чтение. Речь идет не о том, что обучающиеся мало читают (это само по себе плохо), а, к не меньшему сожалению, о том, как они умеют читать. Поэтому внимание, уделяемое процессу чтения на следующих после орфоэпии и акцентологии практических занятиях создает мотивацию нового уровня – использование качественных навыков воспроизведения речи.

На этом этапе обучающиеся обнаруживают, что «не умеют» читать вслух. И дело не столько в том, что нужно правильно поставить в словах ударения или произнести те или иные сочетания звуков, сколько в неразвитости, неосвоенности таких «операций», как дыхание, понижение, повышение голоса, четкая дикция. Обучающийся замечает, что у него слишком быстро сбивается дыхание, что вместо повышения интонации получается только усиление громкости звучания, отдельные звуки и даже части слов «проглатываются».

Практические занятия, дополнительные занятия в часы самоподготовки, посвященные правильному чтению, создают мотивационную базу для

следующего этапа – слушания. Как правило, нами организуется рефлексивное слушание, то есть осмысленное, активное реагирование на звучащую речь. Усложнение «операции» возможно здесь на аналитическом уровне. Слушая фрагменты художественного текста с обилием разговорно-бытовых элементов, обучающиеся выполняют аналитическую работу: определяют на слух характерные элементы разговорной речи, систематизируют и обобщают признаки устной речи. На занятиях было видно, как трудно осуществить эти операции именно «на слух», поскольку на протяжении многих лет активным было чтение «про себя», когда информация воспринималась из письменного текста.

Одним из интересных, на наш взгляд, приемом является следующее. Обучающимся предлагается выполнить задание: пока один обучающийся читает вслух завершённый по смыслу и проблемный по содержанию текст, остальные должны внимательно слушать и фиксировать в своих записях ответы на заранее предложенные преподавателем вопросы к тексту. Многие продемонстрировали неспособность точно и четко ответить на поставленный вопрос, поскольку в их кратковременной памяти сохранилось только самое общее впечатление о содержании прослушанного текста. Таким образом, рефлексивное слушание, как необходимое для профессиональной деятельности умение, требует специальной целенаправленной тренировки.

На этапе рассуждения обучающиеся работают в основном с письменными текстами, но на качественно другом уровне. Перед ними ставится задача выбора наиболее точного слова в тексте, нахождения «ключевых слов» главной мысли, анализа проблемной ситуации и определения темы высказывания.

Так осуществляется деятельностный подход к дидактической единице «особенности устной публичной речи».

Устная публичная речь – результат длительного процесса овладения навыками ораторского искусства, так как предполагает сложную цепочку

последовательных операций и действий. Обучающемуся необходимо освоить определенную терминологию, научиться не только формулировать тему речи, но и различать предмет и объект рассуждения, выстраивать композицию речи, разрабатывать структуру выступления в целом по содержательным компонентам темы, выбирать образные средства и, наконец, грамотно произносить готовую речь. Но тут возникает новый пробел – неумение разработать и сформулировать тему реферата, доклада, что порождает важную проблему – обучающийся сталкивается с трудностями при описании степени актуальности и разработанности проблемы, определении и формулировании ее цели, задач, методов разрешения. Поэтому «сопровождая» обучающихся при самостоятельной разработке темы, обосновании актуальности мы пытаемся помочь им в освоении нужного навыка на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи», и тут прослеживается неготовность или, возможно, их неспособность трансформировать исходную информацию, устойчивая тенденция и практика компилирования на основе выбора фрагментов из различных источников, традиция осуществления учебного действия по шаблону, чему способствуют различные предписания, инструкции, рекомендации, образцы, касающиеся любого этапа образовательного процесса. Поэтому, в этой ситуации на первый план выходит риторика, как наука об аргументации в публичной речи, необходимая при обсуждении вопросов практического характера. Именно риторика с ее картиной родов и видов словесности формировала еще на ступени гимназии навыки понимания классических произведений и самостоятельного литературного творчества, раскрывала широкую перспективу культуры слова на основе связи классической и церковнославянской словесности с русской.

Роль риторики по-разному оценивалась в различные времена и в разных обществах. Обратимся к истории. В античности, например, это была важная часть культуры мышления. Своим появлением и развитием

античная риторика обязана Платону, Аристотелю, Демосфену, Цицерону и др.

В диалогах «Горгий и Федр» (380-370 гг. до н.э.) Платон закрепил традиционное и имеющее непреходящее значение риторики как средства убеждения и противопоставил ее диалектике как средству поиска истины. В свою очередь, Аристотель определил риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно данного предмета. Такое понимание риторики закрепил и Цицерон, который в своем трактате «Об ораторе» сказал, что красноречие есть одно из высших правлений нравственно силы человека (Цицерон 1978).

В Средние века риторика стала использоваться как внешнее украшение речи, но она все больше растворялась в искусстве произносить проповеди, и ее авторитет подавлялся авторитетом церкви. В этот период прославились Иоанн Златоуст, считавшийся идеальным византийским проповедником, и Фома Аквинский, заложивший основы теории церковного красноречия.

Заметный вклад в развитие риторики внесли европейские мыслители Нового времени Б. Паскаль, Ф. Бэкон, Г. Лихтенберг и др. Характерное для этой эпохи понимание задач риторики отражено в словах физика и философа Блеза Паскаля: «Красноречие – это искусство говорить так, чтобы те, к кому мы обращаемся, слушали не только без труда, но и с удовольствием, и чтобы захваченные темой и подстрекаемые самолюбием они захотели в нее вникнуть» (Толмачев 1973. 88).

Среди русских ученых, исследователей теории и практики красноречия, можно назвать М.В. Ломоносова, главу первой русской идеологической школы, автора «Российской грамматики», а также работ, посвящённых искусству красноречия. Он определяет красноречие как «искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оно мнению» (Буторина 2016. 40). Положения, изложенные в работах Михаила Васильевича, не утратили своей актуальности и на сегодняшний день.

Русский университет сумел сформировать несколько поколений талантливых и образованных русских людей, тем самым обеспечив расцвет национальной культуры в XIX веке (Н.Ф. Кошанский, А.Ф. Мерзляков, А.И. Галич). Но риторика ушла из русского образования после полемической кампании, организованной против нее рядом литературных критиков во главе с В.Г. Белинским. Это была первая половина XIX века. Узкое понимание словесного творчества как сугубо художественного и литературно-критического стало причиной исключения риторики из системы образования, а ее место заняло обязательное изучение художественных сочинений и мнений литературных критиков по различным вопросам общественной жизни.

Но сегодня положение меняется. Риторика занимает одно из ключевых положений в системе подготовки стало уделяться Устная публичная речь как деятельность включает в себя весь объем операций и действий, входящих в речевую компетенцию будущего специалиста в целом. На наш взгляд, это самый высокий и ответственный уровень качественного использования национального языка, соединяющий и мотивирующий все содержание курса «Русского языка и культуры речи».

В наше время формы, стиль, инструменты словесного воздействия изменяются и совершенствуются, но используются те же приемы мысли, те же методы обоснования идей, что и две тысячи лет назад. Забытая и отвергнутая в XVIII-XIX веках техника аргументации, словесные приемы и формы убеждения, выработанные практической риторикой, и сегодня в состоянии обеспечить интеллектуальный контакт и, необходимый для того, чтобы разумно оценить аргументацию и самостоятельно принять решение. В процессе обсуждения, анализа, рефлексии, переработки информации эта разумность и самостоятельность решения должны быть гарантированы, иначе продуктом образовательного процесса станет не просто мнимая компетентность, но «адаптированный «к жизни дилетант».

Опыт преподавания данного курса показывает, что успешная речевая деятельность обучающихся невозможна без создания преподавателем особой атмосферы речевого творчества и речевого поведения. Особое влияние оказывает благотворительное воздействие преподавательского такта на мотивацию речевой деятельности обучающегося.

Не менее важен и итоговый этап аттестации, являющийся органическим завершением обучения. Помимо билетной формы, состоящей из трех основных направлений формирования навыков грамотного письма и говорения, а также контрольного чтения, в процессе которого курсант демонстрирует свой собственный, реальный уровень владения языковыми нормами, каждый обучающийся должен защитить реферативную работу по одной из тем, предложенной преподавателем в самом начале изучения дисциплины «Русский язык и культура речи». Данная работа выполняется в ходе всего семестра и отражает полученные навыки исследовательской работы курсанта. Интересен тот факт, что тематика работ, как уже отмечено выше, разработана преподавателем, но возможен вариант самостоятельного предложения темы (и это обговаривается заранее): и тут возникает противоречие между творчеством (самостоятельным предложением) и уже готовым образцом. Как ни парадоксально, но, в большинстве случаев, работа выполняется по предложенному варианту.

Возвращаясь к психологии, для которой «целостная целенаправленная деятельность осуществляется до тех пор, пока не будет достигнута конечная цель», мы считаем, что в освоении культуры речевого общения и владения языком эта конечная цель неизбежно отодвигается, поскольку является условием для успешности многообразной деятельности будущего специалиста: работа с научной литературой, подготовка докладов и сообщений, реферирование, передача знаний, общение на официальном уровне, культурное воздействие на окружающих. И эта отстраненность цели в будущее

обеспечивает речевое развитие личности, языковой вкус, речевое и языковое самосознание этой личности как части и творца культурного процесса.

Возможно в этих условиях не нужно будет сетовать без конца на разрушение и обеднение русского языка и речи, на отсутствие интереса к национальным культурным ценностям.

Заключение

В современных условиях очень остро стоит вопрос о гуманизации обучения и воспитания, и он будет оставаться таким до тех пор, пока приоритеты содержательного компонента образования не будут определены в пользу гуманитарности, освоения и сохранения культурных ценностей через организованную и мотивированную учебную деятельность. Очень важны в этом контексте саморазвитие, самоорганизация, самореализация при подготовке будущего специалиста.

В этом контексте деятельностный подход, на наш взгляд, способен обеспечить и связь фундаментально-теоретического содержания дисциплин с профессиональной деятельностью.

Литература

- 1- Бордовская Н.В. (2008). *Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: практика проектирования, анализа и применения*, Санкт-Петербург: Изд-во «РПГУ им. А.И. Герцена».
- 2- Буторина Т.С. (2016). *Собрание цитат*, Архангельск: Изд-во «САФУ».
- 3- Волков А.А. *Курс русской риторики*. www.koob.ru. Дата обращения: 24.12.2017.
- 4- Кабушко А.Ю. (2007). *Риторическое образование в России в условиях глобализации*, Новосибирск: Изд-во «НГПУ».
- 5- Реан А.А., Бордовская Н.В., Розум С.И. (2002). *Психология и педагогика*, Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- 6- Сепик Г.В. (2010). *Языковая компетентность студентов в контексте модернизации высшего профессионального образования, Национальные приоритеты современного российского образования: проблемы и перспективы*, Уссурийск: Изд-во «УГПИ».

- 7- Толмачев А.В. (1973). *Об ораторском искусстве*, Москва: Изд-во «Просвещение».
- 8- Фельдштейн Д.И. (1999). *Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды*, Москва: Изд-во «Московский психолого-социальный институт: Флинта».
- 9- Цицерон М.Т. (1978). *Три трактата об ораторском искусстве*, Москва: Изд-во «Просвещение».

Bibliography

- 1- Bordovskaja N.V. (2008). *Gumanitarnye tehnologii v vuzovskoj obrazovatel'noj praktike: praktika proektirovaniya, analiza i primenenija*, Sankt-Peterburg: Izd-vo «RPGU im. A.I. Gercena».
- 2- Butorina T.S. (2016). *Sobranie citat*, Arhangel'sk: Izd-vo «SAFU».
- 3- Volkov A.A. *Kurs russskoj ritoriki*. www./koob.ru. Data obrashhenija: 24.12.2017.
- 4- Kabushko A.Ju. (2007). *Ritoricheskoe obrazovanie v Rossii v uslovijah globalizacii*, Novosibirsk: Izd-vo «NGPU».
- 5- Rean A.A., Bordovskaja N.V., Rozum S.I. (2002). *Psihologija i pedagogika*, Sankt-Peterburg: Izd-vo «Piter».
- 6- Sepik G.V. (2010). *Jazykovaja kompetentnost' studentov v kontekste modernizacii vysshego professional'nogo obrazovanija, Nacional'nye priority sovremennogo rossijskogo obrazovanija: problemy i perspektivy*, Ussurijsk: Izd-vo «UGPI».
- 7- Tolmachev A.V. (1973). *Ob oratorskom iskusstve*, Moskva: Izd-vo «Prosveshhenie».
- 8- Fel'dshtejn D.I. (1999). *Psihologija vzroslenija: strukturno-soderzhatel'nye harakteristiki processa razvitija lichnosti: Izbrannye trudy*, Moskva: Izd-vo «Moskovskij psihologo-social'nyj institut: Flinta».
- 9- Ciceron M.T. (1978). *Tri traktata ob oratorskom iskusstve*, Moskva: Izd-vo «Prosveshhenie».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Михайлова Г. А. (2020). Activity Approach in Teaching “Russian Language and Culture of Speech” in Higher School. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 127-144.

DOI: 10.29252/iarll.16.133

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/131>

روش فعال در آموزش واحد درسی «زبان روسی و فرهنگ گفتار» در دانشگاه

گالینا آناتولی یونا میخائیلوا^۱

دانشیار فرهنگستان امداد و آتش‌نشانی دالنی‌واستک،
ولادیواستک، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۲۰)

چکیده

موضوع اصلی واحد درسی «زبان روسی و فرهنگ گفتار» استفاده صحیح از زبان با رویکردی فرهنگی و ملی از زبان است. یکی از مهم‌ترین اهداف در حوزه گفتاری، سطح فرهنگی است؛ کیفیت خاصی که به‌طور مداوم و مرتب در گفتار در همه سطوح و سبک‌های گفتاری تجلی می‌یابد. این امر با دانش بلاغت که در دوره‌های زمانی و جوامع گوناگون تعاریف متفاوتی از آن ارائه می‌شود، میسر می‌گردد و در مباحث کاربردی بسیار ضروری است. فرایندهای آموزشی دانشگاه‌ها شامل بسیاری از مهارت‌های گفتاری فرهنگی می‌شوند که عبارتند از: ارائه سخنرانی در سمینارهای آموزشی، همایش‌های علمی دانشجویی، اجرا و دفاع از فعالیت‌های پژوهشی تخصصی و پایان‌نامه‌ها در طول ترم و همچنین کسب آمادگی برای اجرای تخصصی فعالیت‌های علمی و روش‌شناختی. بنابراین، مقاله حاضر به رویکرد عملی و کاربردی مطالعه واحد درسی «زبان روسی و فرهنگ گفتار»، سازماندهی فعالیت‌های آگاهانه و هدفمند فراگیران در جلسات درس و همچنین روش‌های ارتقای دانش و سطح زبانی آنها می‌پردازد.

واژگان کلیدی: روش فعال، واحد درسی «زبان روسی و فرهنگ گفتار»، قواعد زبان، کلاس‌های عملی.

A Study of Novel as Genre in Terms of Genre Modification in the Late 19th and Early 20th Century

Motamednia Masoumeh¹

Cand. Of Sciences (Philology),
Associate Professor in the Department of Russian Language,
University of Mazandaran,
Babolsar, Iran.

(date of receiving: July, 2019; date of acceptance: January, 2020)

Abstract

The article examines a genre of a short story and its genre modifications in literature with an anecdote, a legend and a fairy tale, an essay and a story. It is considered how a frivolous-erotic and anecdotal content of the early Italian Boccaccio short story defines compositional features of the genre. These are the brevity and the dynamics of the plot deployment, the lack of lyrical digressions, dialogues, descriptions, etc. The early short story is related to the comic in literature and it is close to a fable, an anecdote, a fabliau. The author traces the connection of the classical short story with such genres as a fairy tale, a legend. A romantic short story made a shift in the genre structure of the short story. It gains the element of fantastic story, magical bi-peace, and fatalism. The short story acquires the features of a hybrid genre that combines the features of a romantic fairy tale and a short story. In the post-romantic period, the structure of the short story is also changing, a little though, and in many respects retains its structural type. Further, in the article the short story's connection to such genres as an essay and a story is examined.

Key words: Genre, Short Story, Anecdote, Boccaccio, Comic, Romantic Short Story.

1. E-mail: m.motamednia@umz.ac.ir

Новелла как жанр в связи с жанровыми модификациями в литературе конца XIX – начала XX века

Мотамедния Масуме¹

Доцент кафедры русского языка Мазандаранского университета,
Баболсар, Иран.

(дата получения: июль 2019 г.; дата принятия: январь 2020 г.)

Аннотация

Рассматривается жанр новеллы и ее жанровые модификации в литературе: связь с анекдотом, легендой и сказкой, очерком и рассказом. Показывается, как фривольно-эротическое и анекдотическое содержание ранней итальянской новеллы Боккаччо определяет композиционные особенности жанра. Это лаконичность и динамика развертывания сюжета, отсутствие лирических отступлений, диалогов, описаний и др. Ранняя новелла связана с комическим в литературе и близка к басне, анекдоту, фаблю. Автор прослеживает связь классической новеллы с такими жанрами, как сказка, легенда. Романтическая новелла совершила сдвиг в жанровой структуре новеллы. В новеллу проникает стихия фантастического, волшебное двоemiрие, фатализм. Новелла приобретает черты гибридного жанра, объединяющего особенности романтической сказки и новеллы. В послеромантический период структура новеллы тоже меняется, хотя и слабо, и во многом сохраняет свой структурный тип. В статье рассматривается связь новеллы с такими жанрами, как очерк и рассказ, анализируются цирковые новеллы Куприна. Особое внимание уделяется их сюжетно-композиционному своеобразию.

Ключевые слова: Жанр, Новелла, Анекдот, Боккаччо, Комическое, Романтическая Новелла.

1. E-mail: m.motamednia@umz.ac.ir

Введение

На рубеже конца XIX – начала XX вв. жанр романа переживает кризис. Проблема творческого поиска и художественного эксперимента остро стоит перед писателями Серебряного века, в литературном творчестве ярко проявляется стремление к экспериментам в области литературных жанров. Особенно ярко процесс жанровых исканий в это время протекает в сфере малых эпических форм, занявших господствующее положение в литературном процессе рубежа веков.

Стремление к обновлению литературного искусства как в плане формы, так и в плане содержания вызывает повышенное внимание художников слова к сказкам, преданиям, легендам, притчам. Писатели осваивают не только традиционные формы, но и способствуют созданию новых жанровых образований, зачастую соединяя в одном произведении романную емкость, новеллистическую остроту, очерковую документальность, точность и объективность. «В русской литературе XX века, – указывает Л.А. Колобаева, – в принципах сюжетостроения наблюдаются две различные, даже противоположные тенденции: дальнейшее освобождение эпических форм от жесткого сюжета, распыление сюжета произволом лирической, интеллектуально-философской или публицистической стихии, потоком сознания (Чехов, ранний Бунин, Б. Зайцев); а с другой стороны, неожиданное оживление сюжета авантюрного, острого, занимательного, динамического (Л. Андреев, А. Куприн)» (Колобаева 1990. 94).

Основная часть

В начале XX в. «резко увеличивается степень подвижности, изменчивости форм жизни, конфликтности, «катастрофичности» человеческих отношений. В эту эпоху многократно усложняется характер взаимодействия личности и окружающих обстоятельств, среды, взаимосвязи *необходимого и случайного* в

человеческом бытии» (Там же. 95). Последнее вызывает к жизни долгое время не актуальный для русской литературы жанр новеллы.

В своей эволюции новелла в XX веке отталкивается от смежного с ней жанра рассказа. Теоретическое осмысление новеллы в ее отношении к рассказу в литературоведении неоднозначно, но обойти этот вопрос невозможно, поскольку именно в выявлении сходного и различного проявляется структурная модель каждого жанра.

Простейший подход, устраняющий проблему разграничения жанров, предложен Б. Томашевским, который рассматривает рассказ как русское терминологическое обозначение новеллы (Томашевский 1999. 334). Такой подход имеет смысл, поскольку в раннюю эпоху развития мировой литературы существовал только один жанр короткого рассказа – новелла.

Иной подход, представленный концепцией Г.Н. Пospelова, предполагает рассмотрение новеллы как жанровой разновидности рассказа. «Правильнее было бы понимать рассказ, – указывает ученый, – как малую прозаическую форму вообще и различать среди рассказов произведения очеркового (описательно-повествовательного) типа и новеллистического (конфликтно-повествовательного) типа» (Пospelов 1987. 218). Такой подход представляется неправомерным из-за опасности жанрового смешения рассказа и очерка. На наш взгляд, определение Г.Н. Пospelова следует уточнить и абстрагироваться от проблемы очерка как «малой эпической формы, основанной на реальном жизненном материале и тяготеющей к публицистике» (Федотов 2003. 274).

Следует согласиться с Е.М. Мелетинским, который справедливо утверждает: «Рассказ отличается от новеллы главным образом меньшей мерой жанровой структурированности, большей экстенсивностью» (Мелетинский, 1990. 5). С мнением Е.М. Мелетинского созвучна точка зрения А.В. Михайлова, который считает, что «рассказ может быть представлен как снятие ограничений с новеллы, не накладывающий никаких условий на последовательность

изложения, его однородность, непрерывность и т. д.» (Михайлов 2003. 249). Таким образом, новелла в современной теории литературоведения мыслится как жанр жестко структурированный, формируемый жестким набором жанровых признаков, как некий «конструкт», «замкнутое форма повествования», «некоторое автономное целое» (Михайлов 2003. 245, 249).

Рассмотрим совокупность этих жанровых признаков последовательно. Одним из признаков, который традиционно выделяется в литературоведении, является краткость новеллы: «Совершенно очевидно, что сама краткость является существенным признаком новеллы... Краткость коррелирует с однособытийностью и со структурной интенсивностью» (Мелетинский 1990. 4), что, по мнению исследователя, делает новеллу «наиболее эпическим из всех эпических жанров» (Там же. 4–5). Вместе с тем краткость сама по себе, будучи изолирована от других жанровых признаков, – критерий маловыразительный, поскольку относительной краткостью и лаконичностью повествования отличается и рассказ. Кроме того, в данном случае количественный критерий трудно перевести качественный, поскольку невозможно четко установить, после какой страницы кончается новелла и начинается рассказ. В связи с этой более верно говорить об однособытийности новеллы, в основу которой всегда положено необыкновенное событие или необычайное происшествие, выходящее за рамки повседневного, обыкновенного и иногда даже просто вероятного.

«Структурная интенсивность», о которой пишет Е.М. Мелетинский, соответствует пониманию новеллы А.В. Михайловым, который отмечает, что «новелле совершенно чужда всякая экстенсивность в показе действительности, всякая описательность импрессионистичность, медитативность». А.В. Михайлов высказывает мнение, что новелла «рассказывает о событиях почти с сухостью и лаконичностью схемы», что «единственная реальность в новелле – это ее фактическая сторона», а сюжет новеллы – это «цепочка

фактов, по возможности излагаемая как непрерывность» (Михайлов 2003. 246-247). Подобный подход представляется излишне категоричным и встречает возражения. Думается, следует говорить не о схематичности новеллы, а о ее «концентрированности», поскольку новелла «стремится на минимуме площади выразить максимум содержания» (Мелетинский 1990. 246). Подобные качества жанра определяют, что в эпоху романтизма и позднее, в XX веке, новелла тяготеет к использованию богатства ассоциативных связей художественных символов.

«Структурная интенсивность» новеллы соответствует стремительности развития в ней повествования, стремительности перехода от завязки к кульминации и развязке. Композиция классической новеллы отличается определенностью художественного конфликта, который реализуется в конкретных столкновениях героев; динамичностью действия; яркостью кульминации и резкостью перелома в событиях и отношения персонажей; моментальностью развязки (пуанта), часто поражающей своей неожиданностью.

Пуант – «обозначение «завершительной точки» произведения, [которое] предполагает резкую смену позиции субъекта» (Тамарченко 1999. 91). В момент смены позиции субъекта характеры персонажей освещаются новым светом разрешающегося сюжетно-событийного напряжения. Это отмечает и Г.Н. Пospelов, который указывает: «... круто разрешающийся конфликт выявляет в характере персонажей новые, неожиданные для читателей свойства» (Пospelов 1987. 17). Таким образом, структурная интенсивность новеллы определяет показ художественного характера в динамике, причем характер персонажа, как и сюжет в новелле, часто поражает неожиданностью своего внутреннего содержания.

Рассматривая вопросы новеллистической композиции, следует остановиться и на проблеме развертывания художественного времени в

произведении и проблемой соотношения сюжета и фабулы в новелле¹. Этому вопросу уделил внимание Л. С. Выготский (Выготский 2001. 301), который отметил, что композиционная структура новеллы отличается сложным соотношением фабулы и сюжета, художественным нарушением причинно-следственных отношений, несовпадением реального и художественного времени, то есть развитие сюжета в новелле – это развитие по композиционной «кривой». О «композиционной кривой» новеллы пишет и Е.М. Мелетинский, тогда как А.В. Михайлов определяет новеллу как «цепочку фактов», настаивая на линейном развертывании новеллистического сюжета. Разрешить подобное противоречие кажется возможным, если признать, что в XX веке, в связи с усложнением поэтики в целом, новелла приобретает новые черты, что сказывается в том числе и на сюжетно-событийном развертывании фабулы. Кроме того, сложное соотношение фабулы и сюжета способствует неожиданности развязки, что как нельзя более соответствует жанровой модели новеллы.

Характерным признаком новеллы, идущим еще от новеллистики Дж. Боккаччо, является так называемая рамочная композиция, или обрамление. Новелла очень часто предстает как повествование от лица рассказчика и, по замечанию Б. М. Эйхенбаума, «не теряет связи с примитивной формой рассказывания». «Не стилизуясь специально под устную речь, она вместе с тем по характеру повествования совершенно соответствует манере непритязательного рассказчика, имеющего в виду рассказать простыми словами некую историю...» (Эйхенбаум 1987. 540). Соотношение обрамления и вставной новеллы аналогично, по указанию А.А. Реформатского, соотношению тезиса и его доказательства. Новелла служит своеобразным

1. Здесь и далее понятия «фабула» и «сюжет» употребляются в толковании формальной школы, принятом Б.В. Томашевским, Ю.Н. Тыняновым, В.Б. Шкловским, Б.М. Эйхенбаумом.

художественным аргументом к выдвинутому ранее положению, иллюстрирует его. Таков истинный смысл рамы (Реформатский 1987. 247–248).

Литературный процесс XIX–XX вв. определяет благодатные возможности возрождения и популяризации жанра новеллы в Серебряном веке.

Наиболее известные новеллы А.И. Куприна 1890-х годов отмечены чертами такого художественного своеобразия, которое позволяет назвать их неповторимым литературным явлением.

Новаторством А.И. Куприна было введение в русскую литературу тем, которые до него, как правило, не привлекала внимания ни одного крупного художника. Эти темы – жизнь армии, цирковая тема, анималистика. Самые известные его новеллы по тематическому принципу можно классифицировать как цирковые («Лолли», «Alles!», «В цирке»), армейские («Ночлег», «Куст сирени»), анималистические («В зверинце», «Слон»). Рассмотрим сюжетно-композиционные особенности его цирковой новеллистики. Эта разновидность купринской новеллистики исследована наименее обстоятельно, в том числе в монографии С.А. Ташлыкова (Ташлыков 2012. 101), одном из наиболее обстоятельных исследований новелл Куприна, большее внимание уделяется таким жанровым модификациям, как новелла-письмо и новелла-легенда.

В основу купринской фабулы всегда положено некое невероятное происшествие, необыкновенная история, «интересный случай». Так, например, без лишних предисловий новелла «Лолли» (1895) начинается с желания услышать и обещания рассказать «о таком случае, где какая-то непостижимая сила заставляет уверовать в себя – то в таинственном сплетении целой цепи событий, то в неясном предчувствии, то в пророческом сне ... Или, наконец, в загадочной симпатии душ...» (Куприн 1964 т. 1, 345). Прихотливые повороты судьбы и игра случая формируют фабульную основу произведения и определяют его сюжетное развертывание. Надо отметить, что «Куприна также тревожило разрушение духовных основ общества, обнищание и опошление

духа. Отсюда – тоска по яркой, сильной личности, влечение к героическим сюжетам» (Яхьяпур М., Хинчагашвили Н., 2013. 56).

Художественное пространство этой новеллы ограничено параметрами цирковой арены. Мир воспринимается сквозь призму правил и законов, принятых в цирковой среде. Цирковой мир в новелле «Лолли» описывается как средоточие немыслимых противоречий, где артист, переживший невероятную славу, успех и «сумасшедший восторг» публики, на закате своих дней не имеет ничего иного в жизни, кроме воспоминаний о былом успехе и вырезок из старых газет. Мистер Чарли, «бесстрашный, грациозный и изобретательный жокей и прыгун», «его «номера» до сих пор служат венцом гимнастического совершенства для лучших наездников», – теперь лишь «бедный ожиревший старик», вызывающий «безжалостный смех райка» (Куприн 1964 Т.: 1. 346). Mademoiselle Лоренцита, «звезда труппы», «гениальная наездница и удивительной красоты женщина» («старые артисты до сих пор вспоминают ее имя с благоговением»), кончает свои дни «на двадцать восьмом году от скоротечной чахотки в одной из петербургских больниц» (Там же. 348-349). Сама жизнь в границах цирка воспринимается как цепочка прихотливых перемен, и в связи с этим каждое невероятное происшествие выглядит лишь как очередной «интересный случай», не более, воспринимается как данность, закономерность в мире цирка.

Сюжет новеллы «Лолли» представляет собой цепочку таких невероятных происшествий: дрессированный тигр, вырвавшийся на свободу; замужество циркачки и австрийского графа; попытка хладнокровного убийства. Все эти невероятные события связаны с именем Лоренциты. Повествование включает в себя несколько побочных историй из ее жизни. Композиционно «Лолли» (новелла с обрамлением) представляет собой такой жанровый тип, который А.А. Реформатский определяет как *типичную* новеллу: «... тут и любовь, и конфликт, и возвращение к исходному моменту – таким образом, и круг полностью замкнут и пунктирован» (Реформатский 1987. 247). «Лолли»

построена по одному из самых архаических принципов организации повествования, восходящему к композиции плутовского романа с его серией невероятных приключений, связанных историей одного героя, в данном случае историей жизни цирковой актрисы.

Однако в новелле А.И. Куприна древняя новеллистическая композиция усложнена, разным светом освещаются все эти истории. Только одна из них находится в фокусе авторского внимания (история несостоявшегося убийства), другие (случай с тигром, замужество Лоренцита, история ее смерти) затенены, их изложение подчеркнуто конспективно, они служат художественными декорациями к главной сцене. Это своеобразный фон для центрального эпизода. Внешний, собственно событийный конфликт в новелле «Лолли» оформлен как противостояние мужчин, соперничающих из-за любви к женщине. Но на идеологическом уровне художественный конфликт определяется противостоянием человека и судьбы, искушающей его своими превратностями.

Кульминационным моментом новеллы является эпизод случайного избавления Лоренцита от трагической смерти на арене. Отвергнутый ею мужчина, дрессирует слона так, чтобы раздавить ее на глазах публики, во время циркового представления. Но непостижимым образом слон Лолли, любимец Лоренцита, отказывается повиноваться дрессировщику: «Слон вдруг отказался слушаться своего хозяина. Он осторожно опустился на все четыре ноги, не задев Лоренцита, – она же спокойно лежала между его ногами. Обозленный Энрико стал изо всей силы бить слона по хоботу и свистать, стараясь вторично поднять его на задние ноги. Слон не повиновался» (Куприн 1964. Т. 1: 352–353). Лоренцита выигрывает поединок с судьбой.

Напряжение в повествовании все время нарастает, и, дойдя до своего накала в кульминации, окончательно разрешается только в пуантированной развязке, поражающей своей неожиданностью. Судьба совершает свой

последний и немислимый поворот. Через месяц Лоренцита бежит с дрессировщиком. «Все женщины одинаковы, сэр, потому что все они непроницаемы, – резюмирует рассказчик. – Что же касается моей... она через месяц убежала от меня с этим мерзавцем Энрико» (Там же. 347). Последняя фраза новеллы утверждает и непостижимость женской любви, и непостижимость самой жизни, в которой властвует его величество случай.

А.И. Куприн исследует два типа случайного: счастливую перемену (избавление Лоренцеты) и роковое стечение обстоятельств. В новелле «Лолли» совмещаются два эти типа. Несомненно, счастливое избавление артистки не избавило мистера Чарли от ее роковой и непостижимой неверности.

Любовный треугольник оформляет сюжетно-событийное движение и в новелле «Alles!» (1897). Однако и здесь внешний конфликт mademoiselle Норы и ее соперницы является лишь внешним выражением определенного комплекса авторских идей. Исследователи купринской новеллистики 1890-х годов часто отмечают у писателя лишь «внешнюю занимательность» (Лялин 1975. 28). (В. Лялин) или «развлекательность» (Крутикова 1971. 36), не замечая иных художественных достоинств у его ранних новелл. Если это мнение и справедливо в отношении новеллы «Лолли», то в более поздних цирковых новеллах конца 1890-х годов – начала XX века динамичная интрига не отрицает их внутренней глубины.

Несомненным достоинством цирковых новелл конца 1890-х годов явилось расширение литературных границ и освоение писателем нового художественного пространства. В новелле «Alles!» А.И. Куприн показывает не только праздничный цирк с его блестками и бахромой, но и изнанку этого праздника: «холод нетопленной арены, запах конюшни, тяжелый галоп лошади, сухое щелканье бича и жгучую боль» (Куприн 1964. Т. 2: 157). Блеск циркового зрелища повернут в новелле своей жестокой изнаночной стороной, где послушная улыбка «грациозной наездницы» скрывает «невыносимое

страдание» (Там же. 159). А.И. Куприн противопоставляет нечеловеческую грацию и бесстрашие циркового артиста, балансирующего на грани жизни и смерти, толпе зрителей, жаждущих пережить острые мгновения ужаса и восторга. Художественное пространство новеллы четко делится на пространство циркового купола и зрительный зал: «Она идет высоко над землей по тонкой, дрожащей проволоке, невыносимо режущей ноги... И везде те же глупо красивые лица, напомаженные проборы, взбитые коки, закрученные усы, запах сигар и потного человеческого тела...» (Там же.).

Освоение нового пространства определяет и изменение художественного ракурса: в новелле Куприна повествуется не о любви и самоубийстве (сюжет весьма неоригинальный и тривиальный), но о любви и самоубийстве цирковой гимнастки, и эта история, окрашенная цирковой атмосферой, придает избитому в общем сюжете новое свежее прочтение. Через все произведение рефреном проходит цирковой возглас «Alles!», отмечающий главные события сюжетной интриги. Лейтмотивная техника повествования, избранная писателем, не позволяет читателю забыть о том, что все происходящее заключено в границы циркового мира и определяется жесткостью цирковых нравов. И мелодраматичная история любви, перерастая границы банального, превращается в историю истинной артистки, отданной во власть шуту с его «напыщенным, скучным и неуместным кривляньем». Так А.И. Куприн утверждает трагедию молодости и красоты, отданной на откуп потребителю (зрителю и шуту), жадному до острых удовольствий.

Эта идея выражается автором композиционным приемом антитезы. Антитеза определяет структуру новеллы; оппозиция шутовства и искусства проявляется и на пространственном уровне (купол цирка – зрительный зал), и на уровне персонажной системы, в расстановке персонажей (гимнастка и клоун), и, конечно, на уровне идеологическом. После кульминационной сцены (драка Норы с соперницей) с ее мелодраматичным налетом страстей (Нора

целует сапоги Менотти, умоляя о возвращении к ней) А.И. Куприн искусно переключает повествовательный регистр, и мы вновь возвращаемся от мелодрамы к цирку, к пространственной оппозиции циркового купола и бездны, разверзшейся под ногами артиста. В финале новеллы взгляд повествователя движется сверху вниз, с верхнего этажа к тротуару: «Быстро и легко, как привычная гимнастка, она очутилась на подоконнике и наклонилась вперед, держась руками за обе наружные рамы.

Глубоко внизу грохотали экипажи, казавшиеся сверху маленькими и странными животными... Пальцы Нора похолодели, и сердце перестало биться от минутного ужаса... Тогда, закрыв глаза и глубоко переведя дыхание, она подняла руки над головой и, поборов привычным усилием свою слабость, крикнула, точно в цирке:

–Alles!» (Там же. 161).

Нора выполняет свой последний номер, и высота циркового купола (верхнего этажа) становится символом моральной победы героини над страхом, ее смелости, символом ее душевной силы.

В новелле «Alles!» поединок человека с судьбой («Лолли») трансформируется в поединок с самим собой, с собственным страхом, с естественным инстинктом самосохранения. Эту же тему А.И. Куприн продолжает в новелле «В цирке» (1902). Большой борец Арбузов, преодолевая по цирковой привычке собственную слабость, выходит на атлетический поединок и погибает от разрыва сердца.

В центре сюжета – тот тип случайного, который мы обозначили как трагическое стечение обстоятельств. Несмотря на предупреждение доктора, Арбузов не может отказаться от борьбы, чтобы не быть заподозренным в малодушии: «... если я не уверен в своих силах – что мне мешает заболеть или захромать и так далее и взять свои деньги обратно?..» (Куприн 1964 т. 3. 59);

денежный залог, внесенный им в обеспечение поединка, и так далее. Но главным обстоятельством, обусловившим трагедию, все же становится иная причина. Арбузов готов отказаться и от денег, и от славы, но директор цирка не желает отказаться от своих обязательств перед публикой, от масленичного барыша: «Сегодня последний день этой идиотской русской масленицы, и у меня не хватает даже приставной стулья, и публикум будет мне делать *in grosser Scandal*, если я отменю борьбу. Черт побирай! У меня потребуют назад деньги и разломать мой цирк на маленькие кусочки... Я не хочу слышать глупости, я ничего не слышал и ничего не знаю!..» (Там же.). Так оформляется художественный конфликт новеллы на сюжетно-событийном уровне: противостояние артиста и публики: «Весь цирк, сверху донизу наполненный людьми, был точно залит сплошной черной волной, на которой, громоздясь одно над другим, выделялись правильными рядами белые круглые пятна лиц. Каким-то беспощадным, роковым холодом повеяло на Арбузова от этой черной, безличной массы. Он всем существом понял, что ему уже нет возврата с этого ярко освещенного заколдованного круга, что чья-то чужая, огромная воля привела его сюда, и нет силы, которая могла бы заставить его вернуться назад...» (Там же. 70). Внутренний психологический конфликт заявлен как поединок Арбузова с самим собой. Герой выходит на борьбу и погибает.

Ради чего это неизмеримое напряжение сил, невероятный риск и, наконец, смерть молодых и сильных людей? Именно этот вопрос ставит А.И. Куприн, а поиск ответа на него определяет сюжетное развертывание повествования. Развитие действия от завязки к кульминации определяется противопоставлением праздничной и изнаночной стороны циркового искусства. Перед выходом на арену Арбузов наблюдает за своими цирковыми собратьями, и эти наблюдения оформляют заявленную писателем проблему трагического противостояния искусства и его потребителя, артиста и публики. Как и в предыдущих произведениях, художественное пространство в новелле

четко разграничено на арену и цирковое закулирье. Неизмеримое напряжение физических и душевных сил на цирковой арене противопоставляется полному физическому и моральному опустошению артистов, которые демонстрируют цирковые кулисы:

«Два клоуна ... выбежали с арены в коридор. Они точно позабыли на своих лицах широкие, бессмысленные улыбки, но их груди после утомительных сальто-мортале дышали глубоко и быстро ... публика утихла, они ушли в уборную, оба потные, как-то сразу опустившиеся, разбитые усталостью...» (Там же. 64).

«Генриетта ... вся сияющая неподдельной, радостной улыбкой, покрасневшая, прелестная, кланялась кричавшим зрителям... Накидывая на нее за кулисами бурнус, Арбузов заметил, как часто подымалась и опускалась ее грудь и как напряженно бились у нее на висках тонкие голубые жилки...» (Там же. 66).

Цирковая арена в новелле уподобляется бойне, а соперник Арбузова – мяснику. Герой чувствует себя как молодой бык на бойне: « ...в его душе тяжело шевельнулся настоящий животный страх, темный, инстинктивный ужас, который, вероятно, овладевает молодым быком, когда его по залитому кровью асфальту вводят в бойню» (Там же. 70). Момент наивысшего сюжетного напряжения (ожидание поединка и сам поединок) в новелле совпадает с выражением главной идеи новеллы: бессмысленности гибели замечательных артистов на потребу публике: «Избегая глядеть друг на друга, оба атлета стали рядом, и в эту минуту Арбузову с необыкновенной ясностью мысль о том, как дико, бесполезно, нелепо и жестоко то, что он собирается сейчас делать...» (Там же. 68).

Не рок и судьба, а жестокость людей, бессмысленная жажда зрелища и нажива становятся причиной гибели молодого атлета, этого настоящего

артиста, художника в своем деле, побеждающего зрителя пластической красотой движений.

Заключение

В новеллах «Alles!», «В цирке» утверждается в творчестве писателя реалистический художественный метод. Романтическая идея рока, слепой судьбы в новеллистике А.И. Куприна начала 1900-х годов выглядит далеко не романтически. Герой Куприна связан жизнью, и эти жизненные путы – долги и обязательств. И это давление внешних обстоятельств не зависит ни от успешности героев, ни от их таланта. Обрастая обязательствами, герой Куприна теряет себя и свободу в экзистенциальном понимании этого слова, утрачивает авторство своей жизни, оказавшись во власти денег, чужой воли, жадности и корысти, жажды наслаждений и проч. Именно цирк, этот огромный зрительный зал, в новеллах Куприна превращается в арену гладиаторов, но «гладиаторы» Куприна далеко не колоссы, не романтические фигуры, это усталые люди, измученные поединком жизни и смерти, далеко не герои в традиционном понимании героического. Куприн показывает изнанку нарядной цирковой жизни, ее пот, кровь, изнеможение, труд, болезни, показывает ее правдиво, без блесков.

Литературы

- 1- Выготский Л. С. (2001). *Анализ эстетической реакции: Трагедия о Гамлете, принце Датском У. Шекспира; Психология искусства. Собрание трудов* / Науч. ред. Вяч. Вс. Иванова и И. В. Пешкова; комм. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Изд-во «Лабиринт».
- 2- Колобаева Л. А. (1990). *Преобразование идеи «маленького человека» в творчестве А. И. Куприна. Проблема индивидуализма и человеческой солидарности // Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв.*, Москва: Изд-во «МГУ».
- 3- Крутикова Л. В. (197). *А. И. Куприн*, Ленинград: Изд-во «Просвещение».

- 4- Куприн А.И. (1964 – 1966). *Собрание сочинений в девяти томах*, Москва: Изд-во «Правда».
- 5- Лялин В. (1975). *Александр Иванович Куприн*, Ленинград: Изд-во «Просвещение».
- 6- Мелетинский Е. М. (1990). *Историческая поэтика новеллы*, Москва: Изд-во «Наука».
- 7- Михайлов А. В. (2003). *Новелла // Теория литературы. Т. 3. «Роды и жанры»*, Москва: Изд-во «ИМЛИ РАН».
- 8- Поспелов Г. Н. (1987). *Рассказ // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева*. Москва: Изд-во «Сов. энциклопедия».
- 9- Реформатский, А. А. (1987). *Лингвистика и поэтика / А. А. Реформатский*; отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания, Москва: Изд-во «Наука».
- 10- Тамарченко Н. Д. (1991). *Методологические проблемы теории рода и жанра в поэтике XX века // Теория литературы. Т. 3. Роды и жанры (Основные проблемы в историческом освещении)*, Москва: Изд-во «ИМЛИ РАН».
- 11- Ташлыков А. И. (2012). *Куприн: Поэтика новеллы*, Иркутск: Изд-во «Иркутского гос. ун-та».
- 12- Томашевский Б.В (1999). *Теория литературы. Поэтика/ Вступ. статья Н. Д. Тамарченко; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко*, Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- 13- Федотов О. И. (2003). *Основы теории литературы: В 2 ч. Ч. 1. Литературное творчество и литературное произведение*, Москва: Изд-во «ВЛАДОС».
- 14- Эйхенбаум Б. (1987). *О литературе: Работы разных лет / Б. Эйхенбаум; [Вступ. ст. М. О. Чудаковой, Е. А. Тоддес, с. 3–32]*, Москва: Изд-во «Сов. писатель».
- 15- Яхьяпур Марзие (Yahyapour, M.) & Хинчагашвили, Н. (2013). *Тень Востока на жизни и творчестве А.И. Куприна. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literaturny, 1(1), 49-58*. Retrieved from <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/5>

Bibliography

- 1- Vygotskij L. S. (2001). *Analiz jesteticheskoj reakcii: Tragedija o Gamlete, prince Datskom U. Shekspira; Psihologija iskusstva. Sbornie trudov / Nauch. red. Vjach. Vs. Ivanova i I. V. Peshkova; komm. Vjach. Vs. Ivanova*. Moskva: Izd-vo «Labirint».
- 2- Kolobaeva L. A. (1990). *Preobrazovanie idei «malen'kogo cheloveka» v tvorchestve A. I. Kuprina. Problema individualizma i chelovecheskoj solidarnosti // Kolobaeva L. A. Konceptija lichnosti v russkoj literature rubezha XIX–XX vv.*, Moskva: Izd-vo «MGU».

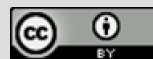
- 3- Krutikova L. V. (197). *A. I. Kuprin*, Leningrad: Izd-vo «Prosveshhenie».
- 4- Kuprin A.I. (1964 – 1966). *Sobranie sochinenij v devjati toma*, Moskva: Izd-vo «Pravda».
- 5- Ljalin V. (1975). *Aleksandr Ivanovich Kuprin*, Leningrad: Izd-vo «Prosveshhenie».
- 6- Meletinskij E. M. (1990). *Istoricheskaja pojetika novelly*, Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 7- Mihajlov A. V. (2003). *Novella // Teorija literatury. T. 3. «Rody i zhanry»*, Moskva: Izd-vo «IMLI RAN».
- 8- Pospelov G. N. (1987). *Rasskaz // Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' / Pod red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva*. Moskva: Izd-vo «Sov. jenciklopedija».
- 9- Reformatskij, A. A. (1987). *Lingvistikaipojetika / A. A. Reformatskij*; otv. red. G. V. Stepanov; AN SSSR, In-t jazykoznanija, Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 10- Tamarchenko N. D. (1991). *Metodologicheskie problemy teorii roda i zhanra v pojetike XX veka // Teorija literatury. T. 3. Rody i zhanry (Osnovnye problemy v istoricheskom osveshhenii)*, Moskva: Izd-vo «IMLI RAN».
- 11- Tashlykov A. I. (2012). *Kuprin: Pojetika novelly*, Irkutsk, Izd-vo «Irkutskogo gos. un-ta».
- 12- Tomashevskij B.V (1999). *Teorija literatury. Pojetika/ Vstup. stat'ja N. D. Tamarchenko; komm. S. N. Brojtmana pri uchastii N. D. Tamarchenko*, Moskva: Izd-vo «Aspekt Press».
- 13- Fedotov O. I. (2003). *Osnovy teorii literatury: V 2 ch. Ch. 1. Literaturnoe tvorcestvo i literaturnoe proizvedenie*, Moskva: Izd-vo «VLADOS».
- 14- Jejhbaum B. (1987). *O literature: Raboty raznyh let / B. Jejhbaum; [Vstup. st. M. O. Chudakovej, E. A. Toddes, s. 3–32]*, Moskva: Izd-vo «Sov. pisatel'».
- 15- Jah'japur Marzie & Hinchagashvili, N. (2013). *Ten' Vostoka na zhizni i tvorcestve A.I. Kuprina*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury, 1(1), 49-58. Retrieved from <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/5>

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Мотамедния М. (2020). A Study of Novel as Genre in Terms of Genre Modification in the Late 19th and Early 20th Century. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 145-163.

DOI: 10.29252/iarll.16.153

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/75>

ناول و اصلاحات ژانری مربوط به آن در اواخر سده نوزدهم و اوایل سده بیستم

معصومه معتمدنیا^۱

دانشیار گروه زبان و ادبیات روسی دانشگاه مازندران،
بابلسر، ایران.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۰)

چکیده

مقاله حاضر سبک ناول (NOVEL) و اصلاحات مربوط به آن و همچنین ارتباط این سبک با انواع دیگر ادبی همچون حکایت، افسانه، قصه، مقاله و داستان را بررسی می‌کند. ویژگی ترکیب سبک‌ها در محتوای سبک و خنده‌آور اولین ناول‌های بوکاجیو، نویسنده ایتالیایی شامل ایجاز و پویایی گسترش طرح، فقدان انحراف احساسی، گفتگوها، توصیف‌ها و غیره بررسی می‌شود. اولین داستان‌های کوتاه یا ناول‌های بوکاجیو کمیک و نزدیک به افسانه، حکایت، یا یک افسانه موزون هستند. نویسنده مقاله رابطه بین ناول کلاسیک را با چنین ژانرهایی به‌عنوان افسانه و یا قصه بررسی می‌کند. ناول عاشقانه تغییری در ساختار ژانر داستان کوتاه ایجاد کرده و عنصر داستان خیالی، دوگانگی جادویی و اعتقاد به سرنوشت را به آن می‌افزاید. ناول ویژگی‌های یک سبک یا ژانر ترکیبی را در برمی‌گیرد و خصوصیات افسانه عاشقانه و داستان کوتاه را ترکیب می‌کند. در دوره پسارمانتیک، ساختار ناول نیز به میزان کمی تغییر و در بسیاری از موارد نوع ساختاری خود را حفظ می‌کند. افزون بر موارد فوق، در مقاله حاضر، ارتباط ناول با ژانرهایی همچون مقاله و داستان نیز بررسی می‌شود.

واژگان کلیدی: ژانر، ناول، حکایت، بوکاجیو، کمیک، ناول عاشقانه.

Oriental Pages of the Early Poetry of V.V. Nabokov

Safiulina Rano Mirsachanovna¹

Associate Professor of Russian Language and Literature, Moscow University for
Industry and Finance «Synergy»,
Moscow, Russia.

(date of receiving: November, 2019; date of acceptance: February, 2020)

Abstract

The article deals with the problem of Orientalism in the works of V.V. Nabokov of the early Russian-speaking period. In this connection, works are researched that imply the theme and figurative and artistic specificity of the East, oriental allusions and reminiscences in poems of the Russian writer of the first period of emigration. The relevance of the study is due to the need to state and highlight the problems of Oriental traditions in the work of Nabokov, as his oriental images, genres, style became a continuation of the Orientalism of Pushkin, Shakespeare, Goethe, Bunin, Gumilev and at the same time, a new word in the artistic interpretation of the East of the 20th century. The novelty of the research is seen in the fact that for the first time in literary criticism, the problem of Eastern traditions is raised in the early poetry of Nabokov. It reveals the specifics of Nabokov's inclusion of eastern reminiscences in the texts of his works. The results of a comparative analysis of the “eastern” images and key lexemes in the works of Pushkin and Nabokov, Gumilyov and Nabokov are presented as a poetic dialogue and a roll of poets. The significance of this dialogue in the construction of Nabokov's poetic world is revealed.

Keywords: Nabokov V.V., East, Orientalism, Metatheme, Polygenetic, Homeland.

1. Email: ranovi@mail.ru

Ориентальные страницы ранней поэзии В.В. Набокова

Сафиулина Рано Мирзахановна¹

Доцент кафедры русского языка и литературы МФПУ «Синергия»,
Москва, Россия.

(дата получения: ноябрь 2019 г.; дата принятия: февраль 2020 г.)

Аннотация

В статье рассматривается проблема ориентализма в творчестве В.В. Набокова раннего русскоязычного периода. В связи с этим исследуются произведения, имплицитно относящиеся к теме и образно-художественную специфику Востока, восточные аллюзии и реминисценции в стихотворениях русского писателя первого периода эмиграции. Актуальность исследования обусловлена необходимостью постановки и освещения проблемы ориентальных традиций в творчестве Набокова, так как его восточные образы, жанры, стилистика стали продолжением ориенталистики Пушкина, Шекспира, Гете, Бунина, Гумилева и, одновременно, новым словом в художественной интерпретации Востока XX века. Новизна исследования видится в том, что впервые в литературоведении поднимается проблема восточных традиций в ранней поэзии Набокова. Раскрывается специфика включения Набоковым восточных реминисценций в тексты своих произведений. Представлены результаты сопоставительного анализа «восточных» образов и ключевых лексем в произведениях Пушкина и Набокова, Гумилева и Набокова как поэтический диалог и переключки поэтов. Выявляется значение этого диалога в построении поэтического мира Набокова.

Ключевые слова: Набоков В.В., Восток, Ориентализм, Метатема, Полигенетичность, Родина.

1. Email: ranovi@mail.ru

Введение

Без освоения богатейшей культуры Востока невозможно представить во всей полноте мировой и русский литературный процесс. Поэтому русские писатели в большей или меньшей степени отдали дань уважения и почитания теме Востока в своем творчестве. «Таким образом русские писатели - мыслители, как и другие европейские, смогли преодолеть духовную пустоту, которую они чувствовали в своей работе» (Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж., 2018. 182). В связи с этим тема русского ориентализма – одна из самых исследованных в литературоведении России. Однако научная проблема восточных традиций в творчестве В.В. Набокова остается пока неосвещенной. Причина неизученности рецепции Востока в художественном мире писателя можно объяснить бытованием мнения, что Набоков – западник по воспитанию, общественным ориентирам, образу жизни и мысли и мир Востока чужд ему.

Однако внимательное прочтение произведений писателя свидетельствует о глубоком понимании и своеобразном включении восточных мотивов, образов, стилистики в ткань своих текстов. Следовательно, в литературоведении назрела необходимость изучения данной проблемы.

Основная часть

Владимир Набоков (1899 – 1977), писатель и критик, освоивший все культурные достижения русской литературы XIX века во всей ее глубине и многообразии, сложности и самобытности. После революции 1917 года девятнадцатилетним юношей В. Набоков покинул Родину, и началась его скитальческая жизнь: сначала Крым, Константинополь, Стамбул, Берлин, Франция. Позже, переехав в Америку, он преподавал в американских университетах и начал писать свои произведения на английском языке.

Первая книга В.Набокова «Стихи» вышла в свет в 1916 году. Несмотря на внушительный список стихотворных сборников, критики считают поэзию

Набокова лишь приложением к его блистательной и оригинальной прозе. Так, А.М. Люксембург в статье «Тень русской ветки на мраморе руки» пишет: «И действительно, стихотворения Набокова не главное из написанного. Это «стихи прозаика». Но это нисколько не умаляет их ценности» (Люксембург 2001. 8).

Русскоязычная поэзия Набокова первых лет эмиграции (сборники «Гроздь» 1922 г., «Горный путь» 1923 г.) ценна тем, что стихи появились в ощущении катастрофы и потрясения, первых лет эмиграции, бегства с толпой несчастных, бесприютных беженцев через Черное море, скитания по Турции, Европе без дома, без денег, без прежних особняков, имений, библиотек, слуг. Темы, образы, лихорадочно возникающие под пером молодого поэта, воспроизведены в потоке памяти, естественном субъективном протекании, в вихре страданий, тревог, размышлений.

События 1917 – 1919 гг. были настолько сильными, что тема России, тоски о ней, возвращения домой станут метатемами всего художественного пути писателя. Даже позже, будучи скрытым за маской англоязычного преуспевающего писателя, за своими прозаическими мистификациями, Набоков напишет по-русски строки о родине, наполненные тоской и бесприютностью:

Итака (1951 г.)

Был день как день. Дремала память. Длилась

холодная и скучная весна.

Внезапно тень на дне зашевелилась –

и поднялась с рыданием со дна.

О чем рыдать? Утешить не умею.

Но как затопала, как затряслась,

*как горячо цепляется за шею,
в ужасном мраке на руки просясь* (Набоков 2002. 219.)

Отголоски детской и юношеской памяти о России, ее лесах, лугах, березах, болотах и озерах, русской речи, первой любви будут потаенно биться и трепетать в самых далеких уголках сердца поэта, и за границей, в Германии и Америке, поэт будет мысленно возвращаться домой, к поруганной и обманутой России (как он ее называл). Ретроспективный взгляд на Родину, на прошлое, счастливое время детства и юности, родные дали и места создали своеобразный стиль поэзии В. Набокова первых лет эмиграции, который сохранился и в «русскоязычной» прозе писателя. Созданные поэтическим вдохновением образы, связанные с прошлым, станут обволакиваться флером воспоминаний – сладких и бесконечно дорогих. Образы станут превращаться в сны, в мечты, порой – страдальческий бред и галлюцинации.

Мотив возвращения домой неизменно сопровождается в творчестве Набокова образами призрака, тумана, небытия. Дух поэта мечется и страдает, ностальгические воспоминания не дают спать, и только воплощаясь в призрак, тайными, неведомыми, забытыми путями он в своих мечтах может вернуться в родные края. Пробуждение всегда тяжело и пессимистично – оно означает «никогда» – никогда в реальности он не вернется домой.

Герой романа «Дар» будет мечтать в старости: «Быть может, когда-нибудь, на заграничных подошвах и давно сбитых каблуках, чувствуя себя привидением, ... я сойду на той станции и без всяких спутников, пешком пройду стезжкой шоссе с десятков верст до Лещина... Мне кажется, что при ходьбе я буду издавать нечто вроде стопа в тон столбам...» (Набоков 1998. Т.: 3. 24).

Поэзия Набокова и раннего (русскоязычного), и позднего (англоязычного) периодов корнями уходит в русскую поэзию XIX и серебряного веков. Своим учителем писатель называл А.С. Пушкина. Всё, что было связано с именем и

творчеством великого русского поэта, окружено в памяти В.Набокова нежностью и любовью. Он гордился тем, что родился спустя 100 лет после рождения Пушкина. Образы пушкинских творений, изящество его стиля, судьба поэта, Санкт-Петербург –город, с которым связаны его детство и юность, – всё воссоздаётся в поэзии В.Набокова со священным трепетом. Позже, давая оценку своему творчеству, поэт напишет в стихотворении «Поэт, печалью промышляя» (Берлин, 1931г.):

*... жизнь и честь мою я взвесил
на пушкинских весах, и честь
осмеливаюсь предпочесть* (Набоков 2002. 224 - 225).

Мировоззрение раннего русскоязычного В. Набокова соткано из научных открытий мира, христианских, пантеистических воззрений. «Вообще, Набокову свойственна зоркость и, можно сказать, безжалостность в изображении человека. Люди занимают писателя как очень интересный объект почти что естественнонаучного наблюдения» (Накарякова 2016. 9). Культурологический фон его творчества – А.С. Пушкин, В. Шекспир, Данте. Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, Л.Н. Толстой, И.А. Бунин, А.А. Блок, Н.С. Гумилев. Парафразы из произведений этих писателей войдут органично в текст его собственных сочинений.

Мир, созданных в снах и видениях поэта, наполненный импрессионистическими оттенками, световыми и звуковыми пятнами, светотенями мимолетных видений – этот мир радуется счастливой принадлежностью к вечному бытию, единством, неразделенностью на до и после эмиграции.

*... что во всем и во всем
тихий бог, тайный бог*

*неизменно живет,
что весенний цветок,
ветерок, небосвод,
нежных тучек кайма,
и скала, и поток,
и душа, ты сама –
все одно, и все – Бог* (Набоков 2002. 100).

В стихотворении слышны отзвуки поэзии А.А. Фета. «Еще одна особенность, объединяющая Набокова и Фета, – своеобразный гедонизм, способность восхищаться первозданной красотой мира, находя ее даже в самых простых, незатейливых вещах и повседневных явлениях» (Карпов 2017. 32). Удаля широкая, русская, реминисценции из Державина, Пушкина, Лермонтова придают настроению стихотворению именно русский характер – «русскость», как форму ностальгии по Родине.

Набоков создал в своих произведениях особый цветовой и звуковой образ России. Сны о покинутой родине как память о промелькнувшем счастье станут с годами яркими, многоцветными. Так возникнут импрессионистические картины Родины в творчестве В. Набокова. Любимые с детства звуки фортепьяно, летящие из открытого окна в простор полей и неба, звуки русской речи, пение птиц, еле слышное движение бабочек в темном воздухе – это «очарование звуковое» Родины. Этот мир не существует в реальности – он сохранился лишь в душе поэта, но для него он ближе и роднее, чем жестокая, грубая реальная жизнь. «Бытие поэта разворачивается в двух мирах: действительности и вымысла, – и неизвестно, какой из них реальнее. Перерыв бытия, отключение времени в одном из них означает новый отсчет времени в другом мире» (Погребная 2005. 27).

Набоковские образы-полутени сотканы из «тени и света воздушных звуков», они воздействуют на читателя «дыханием легким» стиха, внутренней

тонкостью и мимолетностью. Пушкинское «мимолетное видение» станет доминантой образной структуры поэзии В. Набокова. Видение жизни из окна поезда, парохода, окна, видение - сон, мечта наполняют мир В. Набокова – поэта.

Порой в этих видениях проплывают и «восточные» образы. Но они слишком рафинированны, эфемерны, выдержаны в европейских традициях, скорее, это отголоски, поэтическое эхо ориентальных произведений Д. Байрона, Т. Мура, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунина, Л.Н. Толстого, Н.С. Гумилева. «Мы можем говорить об особом литературном обрамлении всей творческой жизни Набокова. Речь идет даже не столько о влияниях и традициях классики XIX в., сколько о самом литературном мире, существовавшем в воображении писателя и бывшем для него, по-видимому, большей реальностью, чем действительный окружающий мир. Этот литературный мир, оставленный ему классиками, дробился, множился, переосмысливался, тематически развивался и влиял на образы, рожденные собственной фантазией художника» (Целкова 2011. 50).

Только через призму этих произведений русской классики проступают, как эхо, шедевры персидских поэтов Саади, Хафиза, Руми, Хайяма. Эти художественные изыскания молодого поэта представляют собой эстетически обозначенные вариации на отдельные фрагменты идей, тем, образов, поэтики восточной культуры (именно культуры, а не только литературы). Источниками восточных произведений в целом и отдельных восточных аллюзий в «западных» текстах Набокова могут служить и ориентальные произведения живописи, балета, театра, философии, созданные в разные исторические эпохи, но ставшими «своими» в европейской культуре, в целом – мировой культурной памяти. «Единственно достойный предмет истинного искусства – жизнь воображения, понимаемого как форма памяти, вобравшей в себя личный и культурный опыт человечества, а значит, не только его личные

воспоминания, но и память о том необъятном мире художественного вымысла, который предоставляет ему искусство» (Злочевская 2018. 40). Исследователь вводит новые термины, раскрывающие специфику обращения Набокова с традицией классического искусства: «полигенетичность», «снятие» литературной традиции» (Злочевская 2018. 41). Такими отголосками «восточного» можно назвать стихотворения Набокова «Живи. Не жалуйся...» (1919 г.), «Паломник» (1920 г.), «Глаза» (1920 г.), «Жук» (1922 г.), «Пир» (1921 г.), «Жемчуг» (1923 г.), «Властелин» (Я Индией невидимой владею) (1923 г.).

«Восточный» элемент в ранней поэзии Набокова эмигрантской поры симптоматичен во многом. Обращение поэта к восточным мотивам и образам происходит в результате исследовательского интереса и, одновременно, поэтической игры – стилизации. Включение восточных аллюзий в поэзии Набокова происходит на уровне потока памяти, это Восток, как сегмент всемирной культуры, итог осмысления и интерпретации ориентальных мотивов в мировой литературе, живописи, музыке предшествующих веков. В памяти Набокова «восточное» включается в его видение родины, прежней России.

Поэзия писателя показательней в этом плане, чем его проза. Если в прозаических произведениях Набокова господствует «маска», мистификация, пародия, то поэзия его откровенна, открыта. Поток ассоциаций, дискурсов, реминисценций, отголосков прошлого настолько проникнут болью переживания, отчаянием, безнадежностью, что автор забывает о поэтической игре и предстает перед читателями с обнаженным сердцем, что крайне редко происходит в творчестве Набокова – прозаика.

Стихотворение «Живи. Не жалуйся...» (1919) построено на противопоставлении мотивов смертности человека и бессмертности божественного бытия. В повелительной форме заветов бесспорно влияние поэзии А.С. Пушкина. В.Набоков далек от точного текста стихотворений

своего великого предшественника, он лишь воспроизводит А.С. Пушкина по памяти.

У А.С. Пушкина:

*Мужайся, презирай обман,
Стезю правды бодро следуи,
Люби сирот и мой Коран
дрожащей твари проповедуи* (Пушкин 1977. 206).

В. Набоков так интерпретирует кораническое произведение А.С. Пушкина:

*Живи. Не жадайся, не числи
ни лет минувших, ни планет,
и стройные сольются мысли
в ответ единый: смерти нет!
Будь милосерден. Царств не требуй.
Всем благодарно дорожи,
Молись безоблачному небу
и василькам волнистой ржи.
Не презирая грез бывалых,
старайся лучшие создать.
У птиц, у трепетных и малых,
учись, учись благословлять!* (Набоков 2002. 86).

Набоков переводит общественное звучание «Подражание Корану» Пушкина в личный характер своего произведения. Молодой поэт уходит от общественно-нравственных аспектов стихотворения Пушкина. Набоков словно ищет рецепты утешения и успокоения своей изболевшей душе. На первый крупный план он выдвигает себя, свои переживания, размышления, боль своей души, одиночество, отчаяние. Спасение для него в этот трудный момент – красота, гармония, вселюбие божьего мира. Полюбить величие и

красоту бессмертного божественного мира, научиться жить в гармонии с окружающей природой, быть милосердным, терпеливым, всепрощающим – в этом Набоков находит свой рецепт душевного покоя. Это вселенское чувство божественной любви призывает его жить, любить, благословлять каждый миг бытия. Только оно рождает надежду, мысли о спасении.

Личностный характер стихотворения, гиперболическое осмысление «Я» в контексте мироздания, на планетарном уровне, суровость интонации, усвоенная из стихотворения Пушкина, преднамеренное следование, точное копирование композиционной структуры текста великого предшественника – новаторство Набокова, но, одновременно, и своеобразный итог творческой интерпретации Востока в русской поэзии XIX и начала XX веков. «В древневосточных памятниках они (*русские писатели* – Р. С.) находили ту гармонию человека с природой, тот примат чувства над разумом, что отражение «тайнописи» бытия, которые, с их точки зрения, составляет предпосылки любого высокого искусства» (Каменский 1980. 9).

Коранические мотивы органически входят и в другие произведения Набокова. В стихотворении «Крым» (1920 г.) полуостров ассоциируется с восточным раем – благоуханным, прекрасным, чарующим.

*К закату листья дум моих
при первом ветре обратятся,
но если Богом мне простятся
мечты ночей, ошибки дня
и буду я в раю небесном,
он чем-то издавна известным
повет, верно, на меня!* (Набоков 2002. 56).

В стихотворении В. Набокова «Санкт-Петербург» (1924) звучат дискурсы в пушкинские стихотворения «От меня вчера Леила», «Заклинание», «Город

пышный, город бедный». Образ Леилы возникает в творчестве Пушкина как реминисценция из стихотворения «Лалла Рук» и поэмы «Ангел и Пери» В.А. Жуковского. «Прекрасный образ гения красоты явился перед взором поэта, но видение это было кратко и мимолетно. Образ исчез, «жизнь минуты озарив». Но мимолетное видение прекрасной девы раскрывает лирическому герою Истину – тайну единства мироздания, «всеобщего бытия», божество» (Сафиулина 2009. 166). Прекрасная Леила, но уже как тень, появляется и в стихотворении Пушкина «Заклинание» (1831 г.)

- Я тень зову, я жду Леилы:

Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,

Как ты была перед разлукой,

Не для того, что иногда

Сомненьем мучусь... но тоскуя

Хочу сказать, что всё люблю я,

Что всё я твой: сюда, сюда! (Пушкин 1977. 314).

В стихотворении Набокова образ исчезнувшей навсегда Леилы сопряжен с воспоминанием о Санкт-Петербурге – прекрасным городом юности поэта. Образы Пушкина преломляются в зеркале времени и памяти.

Ко мне, туманная Леила!

Весна пустынная, назад!

Бледно-зеленые ветрила

дворцовый распускает сад.

Орлы мерцают вдоль опушки,

Нева, лениво шелестя,

*как Лета, вьется. След локтя
оставил на граните Пушкин.
Леила, полно, перестань,
не плачь, весна моя былая.
На вывеске плавучей – глянь,
какая рыба голубая.
В петровском бледном небе – шить,
флотилия туманов вольных,
и на торцах восьмиугольных
всё та же золотая цепь (Набоков 2002. 293).*

Набоков умеет точно «вкраплять» пушкинский текст в фактуру своего стиха, наподобие драгоценных камней в золотую оправу. В своем стихотворении он создает прекрасную цепь из пушкинских выражений и слов из произведения великого писателя «Город пышный, город бедный»: «свод небес зелено-бледный», «гранит», «след стройной ножки», «локон золотой».

Метатема получает иной смысл. Не человек, а эпоха. Не ушедшая красавица, а ушедшее время, растворившееся безвозвратно и навсегда. Любимый город – «весна моя былая» - остался в памяти поэта. Его приметы, облик превращаются в «золотую пыль». Так, мотив восточной красавицы, воплотившийся в творении Пушкина, находит новую интерпретацию Набокова. Все бессилие человека перед этим безжалостным роком, острота боли и тоски человеческого сердца, оторванного от любимой, является эмоциональной темой стихотворения Пушкина. Но в воплощении Набокова эта романтическая тема, исходящая к суфизму, превращается в тему страдания человеческого сердца, оторванного от любимой родины.

Набоков отказывается от суфийского подтекста, и Леила для него – отголосок его культурной памяти. Возвращение назад, в прошлое невозможно,

как невозможно возвращение призрака красавицы, молодости. И бесполезны мольбы, просьбы «Назад!», «Ко мне!».

В другом стихотворении – «Паломник» (1927 г.), посвященном другу, товарищу по берлинской эмиграции, критику Ю. Айхенвальду (1832–1928), поэт сопоставляет это страстное желание вернуться домой, в прошлое со счастьем паломника, стремящегося попасть в Мекку – долгожданную мечту своего скитания по трудному пути, высшую цель и сверхзадачу жизни.

*Хозяин звезд, и ветра зычного, и вьющихся дорог,
бог-виноградарь, бог коричневого, смеющийся мой бог,
позволь зарю в стакан мой выдавить, чтобы небесный хмель
понес, умчал меня за тридцать синеющих земель.
Я возвращусь в усадьбу отчую средь клеверных полей...
И я тогда услышу: вспомни-ка рыдающий вагон
и счастье странного паломника, чья Мекка там, где он*

(Набоков 2002. 190).

Тема паломника, мечтающего о Мекке, была очень популярна в русской поэзии конца XIX – начала XX веков. О паломнике написали свои стихотворения И. Бунин, Н. Гумилев, вдохновившиеся «Кораном» в переводе К. Николаева.

Истинный смысл жизни и бытия, совершенство Набоков находит в своей памяти – это воспоминание о Родине. Родина воплотилась для Набокова в священную Мекку – страстную мечту паломников, бредущих по трудным жизненным тропам.

*О, как потянет вдруг на яркую чужбину,
в дальний путь,
как тяжело к окну прошаркаю, как захочу вернуть*

*все то дрожащее, весеннее, что плакало во мне,
и – всякой яви совершеннее – сон о родной стране*

(Набоков 2002. 190).

Набоков воспринял и воплотил в своем творчестве такую традиционную черту персидской литературы как красочный женский образ, который выступает воплощением божественного совершенства, божественной истины (в суфийском понимании). В стихотворении «Глаза» (1920 г.) поэт обращается к традициям Пушкина «Ответ Ф. Т.» («Нет, не черкешенка она»). Традиционное для Востока сравнение с драгоценными камнями (о чем писали Гете, Гегель, Шекспир, Байрон), высокое эмоциональное чувство, возвышенность эпитетов и сравнений явно говорят о «восточных» корнях стихотворения Набокова «Глаза»:

*Напев сквозных цикад умрет в листе оливы,
погаснут светляки на гиацинтах смятых,
но сладостный разрез твоих продолговатых
атласно-темных глаз, их ласка, и отлив
чуть сизый на белке, и блеск на нижней веке,
и складки нежные над верхнею, - навеки
останутся в моих сияющих стихах,
и людям будет мил твой длинный взор счастливый,
пока есть на земле цикады и оливы
и влажный гиацинт в алмазных светляках (Набоков 2002. 75).*

Набоков создает очаровательную «персидскую миниатюру», навеянную аллюзиями из персидской поэзии, сказок «1001 ночи», «Западно-восточного дивана» Гёте, Гумилева, Кузмина. Нега Востока, томность, цветы и драгоценности, любовь как путь к бессмертию в сочетании с изысканностью и

пышностью поэтики уводят читателя в «страну далекую, древнюю». В контексте стихотворения Набокова звучит и аллюзии из «Эзбикие» Гумилева. Набоков ретроспективно, намеренно в стиле Гумилева, воспроизводит картину прекрасного, благоуханного сада как воплощение рая, используя прием экфрасиса для описания божественной красоты деревьев, цветов, водопадов. Приглушенные звуки ночного сада, пение цикад, обеты вечной любви, влажные гиацинты, блеск алмазных светляков – всё это ретроспектирует чарующий мир Востока. И облик прекрасной царевны, и благословенный мир, запечатленный в стихотворении, будет навеки сохранен благодаря вечному искусству.

Часто в творчестве Набокова один и тот поэтический объект получает разные интерпретации. Так, позже, в повести «Приглашение на казнь» Набокова роскошный парк раскрывается уже в другом значении. «...пространство Тамариных Садов знаменует утраченное счастье, потерянное ощущение единства с мирозданием» (Карпов 2017. 103). Эта особенность дает возможность исследователю так трактовать стиль Набокова-писателя: «Однако специфика изображаемой картины в том, что она явно создается как плод поэтического воображения, способного задавать конструируемому миру какие угодно рамки» (Карпов 2017. 29).

Набоков неоднократно использовал в своем раннем поэтическом творчестве и форму восточной притчи-сказки. Эта поэтическая форма позволила поэту расширить рамки культурного пространства. Молодой поэт словно проверял свои возможности освоения разносторонних культурных стилей и жанров. Такой нарративный «восточный мир» (в европейском усвоении) присутствует (не без влияния Н.С. Гумилева) в стихотворениях Набокова «Пир» (1921 г.), «Жемчуг» (1923 г.). В 1927 году Набоков высказался о необходимости занимательности, интересности стихов. Поэтому он предложил писать сюжетные стихотворения, в качестве примера избрав

поэзию любимого Гумилева: «О Гумилеве нельзя говорить без волнения. Придет время, когда Россия будет им гордиться. Читая его, понимаешь, между прочим, что стихотворение не может быть просто «настроением», «лирическим нечто», подбором случайных образов, туманом и тупиком. Стихотворение должно быть прежде всего интересным. В нем должна быть своя завязка, своя развязка. Читатель должен с любопытством начать и с волнением окончить» (Набоков 2002. 28)

В стихотворении «Жук» (1922 г.) Набоков актуализирует весь пышный арсенал восточных образов, столь характерных для русской ориенталистики. Здесь вся атрибутика поэзии Востока: «кипарис», «звездочет», «соловей», «роза» («лепестков блаженной розы», «рдяная роза»), «луна», «драгоценности» («живой сапфир»), «пеоны», «мимоза», «локоны» девы, «поэт». Кажется, что Набоков с удовольствием погружается в мир благоуханной восточной притчи в духе Хафиза и Саади. Тонкая «игра» смыслами, мотивами, образами в модернистском понимании предназначена для подготовленного читателя, хорошо ориентирующегося в культурном пространстве персидской поэзии. Божественный животворящий мир оказывается совершеннее и прекраснее, чем творчество поэта – такова мысль Набокова в этом произведении.

*В саду, где кипарис, как черный звездочет,
стоит над лунною поляной,
где соловьиный звон всю ночь течет, течет, -
кто, кто любезен розе рдяной?
Не мудрый кипарис, не льстивый соловей,
а бог сапфирный, жук точеный;
с ним роза счастлива... Поэт, нужны ли ей
твои влюбленные пэоны?* (Набоков 2002. 255).

Стихотворение Набокова «Властелин» (Я Индией невидимой владею)» (1923 г.) навеяно восточными произведениями Н.С. Гумилева. В нем задействован весь поэтический ареал поэта - путешественника («павлин», «барс», «пальмовые чаши», «тяжелозвездный небосклон»). Выражение «Я Индией невидимой владею» звучит как аллюзия знаменитой мифологемы Гумилева «Индия духа». Тема любви в стихотворении звучит отголосками «Персидской тетради» любимого поэта.

Заключение

Набоков создал свой уникальный художественный мир, в котором переплетаются его переживания о мире, человеке, природе, творчестве, любви, жизни. На первый план в его творчестве выходит гиперболическое осмысление «Я», личное переживание поэта. Русскоязычная поэзия Набокова периода эмиграции – это причудливое переплетение мировых культурных ассоциаций, реминисценций, дискурсов, навеянных памятью поэта. Она показательна и ценна своим активным включением в метаконструкцию художественного мира писателя богатства мирового наследия. Набоков органически вводит в текст своих произведений те факты культуры, которые стали естественной частью европейской и, в целом, мировой цивилизации.

Восток стал важным сегментом этого мирового культурного пространства. Мотивы и образы и восточного мира, поэтическая стилистика персидской литературы предстали в раннем русскоязычном творчестве Набокова важнейшим сегментом культурной памяти человечества, неотъемлемой частью мирового духовного наследия, нашедшими свое достойное место в общем процессе духовности мира. Одновременно молодой поэт обогатил русскую ориенталистику, создав свою уникальную интерпретацию Востока. Ориентальные мотивы, образы, эстетика в текстах Набокова - демонстрация нового этапа творческой эволюции восточных традиций в мировой литературе в соответствии с художественными достижениями XX века.

Литература

- 1- Злочевская А.В. (2018). *Мистическая метапроза XX века: генезис и метаморфозы: Герман Гессе - Владимир Набоков - Михаил Булгаков*. Москва: Изд-во «Алмавест».
- 2- Каменский З.А. (1980). *Русская философия начала XIX века*. –М.: Изд-во «Наука».
- 3- Карпов Н.А. (2017). *Романтические контексты Набокова: записки востоковеда*. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургского университета», 182 с.
- 4- Люксембург А.М. (1998). «Тень русской ветки на мраморе руки» // Набоков В. В. Стихотворения. Ростов – на - Дону: Изд-во «Феникс», 2001. 471 с. С.5- 11.
- 5- Набоков В.В. (1990). *Собрание сочинений в 4-х т.* Москва: Изд-во «Правда».
- 6- Набоков В.В. (2002). *Стихотворения*. Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч М.Э. Маликовой. Санкт-Петербург: Изд-во «Акад. Проект», 655 с.
- 7- Набоков В.В. (2001). *Стихотворения*. Ростов – на - Дону: Изд-во «Феникс», 471 с.
- 8- Накарякова А.А. (2016). *Персоносфера Владимира Набокова: типологические ряды*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01 / А.А. Накарякова; Место защиты: Уральский федеральный университет, 202 с.
- 9- Погребная Я.В. (2005). *"Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы..."*. Лирика В.В. Набокова. Ставрополь: Изд-во «Ставропольского гос. ун-та», 336 с.
- 10- Пушкин А.С. (1977). *Стихотворения. Поэмы. Сказки*. Москва: Изд-во «Художественная литература».
- 11- Сафиулина Р.М. (2008). *Символика всеединого в поэзии В.А. Жуковского и А.С. Пушкина (К вопросу о суфийских и буддистских источниках образа «гения чистой красоты»)* // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2009, № 2. С. 166-170.
- 12- Целкова Л.Н. (2011). *Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция*. Москва: Изд-во «Русское слово», 232 с.
- 13- Яхьяпур Марзие (Yahyaour, M.), Карими-Мотаххар Джанолах (Karimi-Motahhar J.) (2018/1396). *Вдохновение ширазских поэтов (Саади и Хафиза) в русской поэзии*, Research in Persian Language & Literature (Pizhūhish-i 'zabān va adabīyyāt-i Fārsī), Пажухешгах улум енсани ва моталеат еджтемаи Джахад данешгахи, № 47, С. 163-184, Тегеран, Иран. (На фарси).

Bibliography

- 1- Zlochevskaja A.V. (2018). *Misticheskaja metaproza XX veka: genezis i metamorfozy: German Gesse - Vladimir Nabokov - Mihail Bulgakov*. Moskva: Izd-vo «Almavest».
- 2- Kamenskij Z.A. (1980). *Russkaja filosofija nachala XIX veka*. M.: Izd-vo «Nauka».

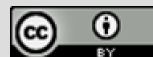
- 3- Karpov N.A. (2017). *Romanticheskie konteksty Nabokova: zapiski vostokoveda*. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Sankt-Peterburgskogo universiteta», 182 s.
- 4- Ljuksemburg A.M. (1998). «*Ten' russkoj vetki na mramore ruki*» // Nabokov V. V. Stihotvorenija. Rostov – na - Donu: Izd-vo «Feniks», 2001. 471 s. S.5- 11.
- 5- Nabokov V.V. (1990). *Sobranie sochinenij v 4-h t*. Moskva: Izd-vo «Pravda».
- 6- Nabokov V.V. (2002). *Stihotvorenija*. Vstup. st., sost., podgot. teksta i primech M.Je. Malikovoj. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Akad. Proekt», 655 s.
- 7- Nabokov V.V. (2001). *Stihotvorenija*. Rostov – na - Donu: Izd-vo «Feniks», 471 s.
- 8- Nakarjakova A.A. (2016). *Personosfera Vladimira Nabokova: tipologicheskie rjady*: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 / A.A. Nakarjakova; Mesto zashhity: Ural'skij federal'nyj universitet, 202 s.
- 9- Pogrebnaja Ja.V. (2005). «*Plot' poezii i prizrak prozrachnoj prozy...*». Lirika V.V. Nabokova. Stavropol': Izd-vo «Stavropol'skogo gos. un-ta», 336 s.
- 10- Pushkin A.S. (1977). *Stihotvorenija. Pojemy. Skazki*. Moskva: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 11- Safiulina R.M. (2008). *Simvolika vseedinogo v poezii V.A. Zhukovskogo i A.S. Pushkina (K voprosu o sufijjskih i buddistskih istochnikah obraza «genija chistoj krasoty»)* // Izvestija Akademii nauk Respubliki Tadzhibistan. Otdelenie obshhestvennyh nauk. 2009, № 2. S. 166-170.
- 12- Celkova L.N. (2011). *Romany Vladimira Nabokova i russkaja literaturnaja tradicija*. Moskva: Izd-vo «Russkoe slovo», 232 s.
- 13- Jah'japur Marzie, Karimi-Motahhar Dzhanolah (2018/1396). *Vdohnovenie shirazskih pojetov (Saadi i Hafiza) v russkoj poezii*, Research in Persian Language & Literature (Pizhūhish-i 'zabān va adabīyyāt-i Fārsī), Pazhuheshgah ulum ensani va motaleat edzhtemai Dzhahad daneshgahi, № 47, Pp. 163-184, Tegeran, Iran. (Na farsi).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Сафиулина Р. М. (2020). Oriental Pages of the Early Poetry of V.V. Nabokov. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 165-185.

DOI: 10.29252/iarll.16.173

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/132>

تصویر شرق در اشعار اولیه و.و. نابوکوف

رعنا میرزاخانونا صافیولینا^۱

دانشیار گروه زبان و ادبیات روسی دانشگاه اقتصاد و صنعت مسکو «سینرگیا»،
مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: فوریه ۲۰۲۰)

چکیده

در مقاله حاضر به بررسی و مطالعه موضوع شرق‌شناسی در آثار اولیه و به زبان روسی و.و. نابوکوف پرداخته شده است. به این منظور، اشعاری از این نویسنده که در اولین مهاجرت او سروده و در آنها به موضوع شرق پرداخته شده است، بررسی می‌شود. ناباکوف در این سروده‌ها تصویری ادبی از ویژگی‌های فرهنگی، آداب و سنت‌های مشرق‌زمین ارائه می‌کند. ضرورت اجرای این پژوهش در طرح و بررسی موضوع سنت‌های شرقی در آثار نابوکوف خلاصه می‌شود؛ زیرا تصاویر شرقی، ژانرها و سبک گفتاری زبان او در این گونه آثار، ادامه دهنده راه شرق‌شناسی پوشکین، شکسپیر، گوته، بونین و گومیلیوف هستند و آنها در عین حال به پدیده‌ای جدید در تفسیر ادبی مشرق‌زمین سده بیستم مبدل شده‌اند. نوآوری پژوهش حاضر نیز در این است که برای نخستین بار در نقد ادبی، موضوع سنت‌های شرقی در اشعار اولیه نابوکوف مطرح و ویژگی‌های اشارات نابوکوف به آداب و سنن شرقی در آثار او بررسی و مطالعه می‌شود. نتایج حاصل از تحلیل تطبیقی تصاویر «شرقی» و واژگان کلیدی در آثار پوشکین و نابوکوف، گومیلیوف و نابوکوف به صورت مناظره و مباحثه شاعرانه ارائه شده‌اند. همچنین در این مقاله نقش و جایگاه این مناظره در شکل‌گیری دنیای شاعرانه ناباکوف آشکار می‌گردد.

واژگان کلیدی: و.و. نابوکوف، مشرق‌زمین، شرق‌شناسی، موضوع اصلی، چندگانگی، میهن.

Plastic Origin in Literature: Fyodor Dostoevsky's Novel «Demons»

Stepanyan Elena Vladimirovna¹

Associate Professor, Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russia.

(date of receiving: January 2020; date of acceptance: April, 2020)

Abstract

This article examines the problem of the interaction between literature and fine art. Both prose and poetry have the idiosyncratic power of visualizing the image of the world and man. Significant mention of color and light, the state of the air; the organization of space characteristic of this author; ecstatic inclusions; ways to portray a character; techniques for creating a landscape, interior, and etc. Dostoevsky's representational devices are profoundly symbolic, which is confirmed by the analysis of his novel Demons (1871-1872) showing the presence of a complete ekphrastic episode (Stavrogin's dream of the Golden age inspired by Claude Lorrain's painting) characterizing the anthropology of the writer. The elaborately structured space of the novel reflects the intercrossing of the characters' life paths. References to colors are substantive — for example, the token combination of green and red, which repeatedly appears in the text. An analysis of the descriptions of portraits in the novel allows to conclude that on this level, likewise, a character transpires as a focus of contending forces. Thus, The Demons proves to be a strong example of both literary pictorial art and the writer's search for innovative approaches to depicting the world and man.

Keywords: Dostoevsky, Demons, Literature, Representation, Visualization, Portrait, Scenery, Symbol.

1. E-mail: estepanian@ya.ru

Пластическое начало в словесности. Роман Достоевского «Бесы»

Степанян Елена Владимировна¹

Доцент, Московский государственный институт культуры (МГИК),
Москва, Россия.

(дата получения: январь 2020 г.; дата принятия: апрель 2020 г.)

Аннотация

В статье рассматривается проблема взаимодействия литературы и изобразительного искусства. Как проза, так и поэзия обладают специфическими способами визуализации образа мира и человека. Значимы упоминания цвета и света, состояния воздушной среды; организация пространства, характерная для данного автора; экфрастические включения; способы портретирования персонажа; приемы создания пейзажа, интерьера и прочее.

Глубоко символичны изобразительные приемы у Достоевского, что подтверждает анализ романа «Бесы» (1871–1872). Здесь присутствует развернутый экфрастический эпизод (сон Ставрогина о золотом веке, вдохновленный полотном К. Лоррена), характеризующий антропологию писателя. Сложно структурированное пространство романа отображает пересечение жизненных путей героев. Содержательны цветовые упоминания – например, знаковое сочетание зеленого и красного, неоднократно встречающееся в тексте. Анализ портретных изображений в романе позволяет сделать вывод, что и на этом уровне персонаж Достоевского оказывается загадкой, средоточием противоборствующих сил. Таким образом, роман «Бесы» оказывается ярким примером как словесной «живописи», так и поиска писателем новаторских приемов в изображении мира и человека.

Ключевые слова: Достоевский, Роман «Бесы», Словесность, Изобразительность, Визуализация, Портрет, Пейзаж, Символ.

1. E-mail: estepanian@ya.ru

Введение

Словесность и изящные искусства имеют разное предназначение, задачи, решаемые ими, даже принято противопоставлять друг другу (например, упрек в «литературности» до недавнего времени был одним из самых пренебрежительно-обидных в адрес живописи или скульптуры). Но верно ли это? Специализация, разделение, уточнение и «утончение» проблем, которые стоят перед современными наукой и техникой, свойственны и современному искусству, современному бытию вообще. Однако абсолютизировать такую специализацию невозможно. Слово выражает, образ наглядно являет, слово обращено к слуху, как физическому, так и внутреннему, образ – к зрению. При всей своей специализации, эти способности не разделены в человеческом естестве до какой-то последней автономности друг по отношению к другу. Тут уместно вспомнить знаменитые слова апостола Павла: «... если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз: то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. <...> И вы тело Христово, а порознь члены». (I Кор., 12, 16–20, 27). Комментарием к этому апостольскому рассуждению выглядит высказывание, которое сегодня нередко цитируется: «От глубокой древности две познавательные способности почитались благороднейшими: слух и зрение... Эллада возвеличивала преимущественно зрение, Восток же выдвигал как более ценный – слух... никогда не возникало сомнений об исключительном месте в познавательных актах именно этих двух способностей, а потому не возникало сомнений и в первенствующей ценности искусства изобразительного и искусства словесного: это – деятельности, опирающиеся на самые ценные способности восприятия» (Флоренский 1986). Способности восприятия различны, восприятие, в конечном счете, – едино и цельно. (Если это не так, если данные наших чувств противоречат друг другу, налицо болезненный разброд и внутреннее неустройство.) Изображение и слово

разделены и обращены к разным способностям человека, которые, тем не менее, сохранили тяготение к единству, как сохранила сама человеческая личность стремление к целостности. Личность – индивид, то есть неделимое единство, в том числе единство чувств и способностей.

Основная часть

Изобразительность неотъемлема от словесности, во всяком случае, до тех пор, пока картина мира продолжает что-то значить для литературы. Это качество проявляется многообразно, и его присутствие говорит о том, как глубоко пластические способы изображения мира усвоены поэзией и прозой. Вообще возникает впечатление, что словесность неуклонно стремилась присвоить себе пластические характеристики и свойства, «аннексировать» чужую территорию, развить собственную изобразительность за счет средств, как будто бы ей не принадлежащих. Причем заимствованные одним видом искусства у другого *способы изображения* становятся, оказавшись в иной, словесной среде *способами выражения*. Они усиливают символичность образа, способствуют тому, что он в своей смысловой емкости дорастает до символа. Кроме того, избираемые автором текста изобразительные средства, в конце концов, оказываются еще и характеризующими его человеческую личность, соотносимыми с его биографией. Неслучайно Р. Якобсон говорит о «скульптурной теме» у Пушкина: «Статуя, стихотворение и вообще любое художественное произведение представляют собой особого рода знак. Стихотворение о статуе является, следовательно, знаком знака или образом образа... пушкинская символика пронизательно отражает проблемы скульптуры, ... глубоко коренится символика статуи в его творчестве, в жизни поэта...» (Якобсон 1987. 166). Вследствие этого элементы одного образа прорастают сквозь элементы другого, пластические характеристики, облекаясь в слово, становятся более духовными, слово же – пластически наглядным.

Попробуем перечислить некоторые из способов изобразительности, используемые литературой. Малая форма, большая форма... уже произнося это, мы, сами того не сознавая, характеризуем литературное произведение не только с точки зрения его объема или его жанровых особенностей, но и с точки зрения того, как оно выглядит. Прежде, чем приступить к чтению, мы *видим* текст как пусть элементарное, но изображение, какую-то примитивную графику, и это исподволь действует на нас и определенным образом нас настраивает (так, сплошные массивы периодов Пруста даже на беглый взгляд рожают иное зрительское ощущение, чем прихотливо-рваная, перемежающаяся односложными репликами диалогов проза Хемингуэя). Есть подтверждения тому, что писатель нередко отдает себе полный отчет в такой графической выразительности текста и весьма внимательно к ней относится. Вот пример: генеральный директор издательства «Время» Б. Пастернак замечал, что Солженицын видел в печатной странице своего рода арт-объект. Были случаи, когда он долго разглядывал страницу и говорил: «Тут надо бы разрядить абзац, чтобы он не выглядел слишком плотным. Тут приподнять немного строчку». «Он воспринимает книгу еще и на глаз, как графическое произведение», – заключал собеседник писателя (Кучерская 2006).

И если так видит свой текст прозаик, то в стихотворении вообще нет детали, которая не была бы графически значима. Орфография, пунктуация (или ее отсутствие), стихотворный размер и длина текста, разбивка на строфы, прописная или строчная буква в начале строки – каждый из этих элементов играет определенную роль. Тому, что поэт воспринимает свое произведение и как графическое, изобразительное единство, существуют весомые свидетельства. Пропущенные строфы в «Онегине», замененные столбцами точек, стихотворная «лесенка» и ахматовская строфа, фигурные стихи разного рода и разных эпох – все это широко известные примеры, показывающие, как литературное содержание изнутри себя продуцирует

«картинку», как бы диктует тексту то визуальное впечатление, которое от него неотъемлемо.

Есть и еще один способ существования изобразительной стихии в литературе: произведение может повествовать о судьбе художника – таковы «Портрет» Гоголя, чеховский «Дом с мезонином». «Портрет» целиком посвящен теме последнего суда над художественным творчеством, верности или измены мастера своему призванию, а в «Доме с мезонином» «пейзажи», которые пишет главный герой и о которых несколько раз упоминается, ничего не меняют в происходящем, – они только акцент, усиливающий мотив его странничества, его бродячей, бесприютной судьбы. Но в обоих случаях «жизнь художника» оказывается основой сюжета, почвой для авторской идеи. В качестве симметричных примеров, относящихся к миру изобразительного искусства, вспомним классические писательские портреты работы Кипренского, Репина, Крамского, Петрова-Водкина или Альтмана. Мы не только знаем, что здесь изображены «люди литературы» с печатью их особенного призвания, мы *прочитываем* это. Бронзовое изображение музы Эрато за плечом Пушкина в его портрете; пишущий Толстой или Толстой, устремивший свой знаменитый пронзительный, исследующий взгляд на зрителя, – язык портрета настойчиво и ясно говорит о литературном призвании, не стесняясь откровенно-повествовательных подробностей.

Литература, как видим, разными путями проникает на территорию изобразительного искусства и возвращается к себе с богатой добычей. Факт «избирательного сродства» между словесностью и пластическими искусствами налицо.

Словесные и пластические искусства существовали и продолжают существовать в сложном взаимодействии, соприкасаясь друг с другом. В своих работах о. Павел Флоренский говорит о том, как словесность, свободная от схематизма, и изобразительное искусство, свободное от иллюзионизма,

пробивают бреши в окружающей действительности и обнаруживают ее духовный смысл. Это доступно, по мысли автора, только истинному реализму. Следовательно, не только происхождение, но и устремленность, и цель у литературы и изобразительного искусства, в конце концов – общие. Возможно найти некую общность и между их методами и приемами. В самом деле: какого бы крупнейшего художника слова мы ни взяли, мы обнаружим в его творчестве присутствие того, что можно назвать изобразительностью.

Безусловно, сказанное относится к прозе Достоевского. Этот писатель – при отсутствии у него той традиционной литературной пластичности, наглядности, живописности, которые имеются, например, у Тургенева и Гончарова, или скульптурности, которая характерна для Толстого (не этот ли а-пластицизм и затрудняет перевод Достоевского на кино- и театральный язык, хотя попытки такого рода были и будут многочисленны), – этот писатель с какой-то выразительной скупостью пользуется своими изобразительными средствами.

В все же средства эти многообразны, каждое из них находит себе применение как вообще в текстах Достоевского, так и конкретно – в том или ином произведении, где оно может раскрыться с особой полнотой. Среди них следует упомянуть следующие: семантика и частотность цветовых упоминаний (например, роль желтого и красного цветов в тексте «Преступления и наказания», зеленые «сигналы» и их значение в тексте «Идиота»); своеобразная портретность героев писателя (об этом мы скажем чуть ниже); особенный, активно характеризующий героя, «говорящий» аксессуарный ряд; наконец, «функция смотрения», свойственная персонажам романов Достоевского (так, «романом видения» можно назвать, например, «Подростка», герои которого по-разному смотрят на мир и друг на друга, причем угол зрения каждого из них обнаруживает нечто сокровенное в каждом характере.) Сюда же относятся значимые упоминания имен художников и названия, а также описания живописных шедевров, благодаря которым в

текстах рождаются особые зоны смыслового напряжения. (В науке уже имеются замечательные и многочисленные наблюдения, например, над рафаэлевским или лорреновским кодами у Достоевского. Так, благодаря впечатлению от «Пейзажа с Адисом и Галатеей» французского художника XVII века Клода Лоррена, полученному Достоевским в Дрезденской галерее, формируется образ идеального «золотого века», блаженного детства человечества, неоднократно возникающий в текстах писателя и являющийся одним из смысловых центров его философии истории и антропологии.) Следует упомянуть и особую пространственность прозы Достоевского, – роль пространства в его текстах, то, что оно «изоморфно времени», неоднократно отмечалось в науке. Упоминание топонимов, рождающее в сознании читателя те или иные зрительные образы, как бы маркирует не только места пребывания, но и разные периоды прошлого героев, этапы их становления (пребывание в швейцарской лечебнице князя Мышкина, московское детство героя «Подростка» Аркадия Долгорукого и проч.)

Вернемся к такому средству текстовой изобразительности, как упоминание Достоевским живописных шедевров и их авторов. «Бесы» – роман, как известно, включающий большой «лорреновский» эпизод (сон Ставрогина за границей о золотом веке. Этот образ, встречается, как говорилось выше, и в других произведениях писателя, – в «Подростке», «Сне смешного человека»). Есть там и выразительные упоминания в соответствующих контекстах имен Рафаэля и Теньера (Тенирса). Тем не менее можно утверждать, что «Бесы» менее изобразительны, менее пластичны, чем, например, «Преступление и наказание» или «Идиот» (хотя, повторю, тут речь идет о специфической «достоевской» пластичности). Но, быть может, тем интереснее проследить, какими именно изобразительными приемами пользуется здесь автор.

Посмотрим на его портреты, пейзажи и интерьеры. Они взрывчаты, как вообще взрывчата проза этого писателя, они подготавливают большие

столкновения между персонажами и большие взрывы его финалов. Можно сказать, что, как и в сюжетостроении, и в характерологии Достоевского, визуально-изобразительный план его романов богат неожиданностями и противоречиями. В чем же противоречивость, своеобразная «конфликтность» таких описаний?

Характерно, что в подобных описаниях у Достоевского существенную роль играет противительный союз «но» (иногда только подразумеваемый), или слово (группа слов), заменяющая его. Классический пример – портрет Ставрогина, с итоговым выводом: «... казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен» (Достоевский 1974. 37). (Заметим, что своего рода союз «но» помещен – а вернее, подразумевается писателем – и между этим и двумя другими портретами героя: в отрочестве он – бледный и тихий, впоследствии же представляется повествователю уже красавцем в полном смысле слова, человеком недюжинной силы. Портреты одного и того же персонажа противопоставлены друг другу). Кроме того, многозначительно упоминание о маскообразности черт героя, а в другом месте романа – о том, что он в состоянии полусна как бы оцепенел и напоминал статую. В авторских указаниях такого рода также заключена противоречивость, – герой жив и физически развит, но в то же время не жив, духовно умер или при смерти. Перед нами – своего рода «жизнь-в-смерти», как называл такое фантомное состояние Кольридж.

Буквально то же можно сказать о других центральных персонажах романа: Лиза – так сказать, красавица по самому своему романному амплу, по предназначению и роли, так – причем с прописной буквы – она именуется и в подготовительных материалах к роману. А между тем, замечает наблюдательный рассказчик, она вовсе не красавица, она «худая, скулистая, глаза поставлены как-то по-калмыцки криво» (Достоевский 1974. 88); в облике Лебядкиной детскость, «тихая радость» взгляда и улыбки, то есть высшая

естественность, противоречат прямым указаниям на убожество, на убогие ее прикрасы – белила, румяна и пр. Неуклюжесть и «шершавость» Шатова (в первую очередь – физическая, внешняя) сразу же восполняются указаниями на его деликатность и стыдливость. «Черные без блеску» глаза теоретического самоубийцы Кириллова – указание на погруженность в себя, на то, что этот человек «не отражает» окружающего мира, невосприимчив к свету дня. В то же время он смело сидит в седле, подчиняет себе лошадь, – он способен к проявлению силы и воли, он предназначен для жизни, от которой отказывается из принципа, из теоретического убеждения.

Россыпь противительных «но» обнаруживается в портрете Петра Верховенского: «одетый по моде, но не щегольски... не дурен собой, но лицо его никому не нравится... выражение лица словно болезненное, но так только кажется» и т. д. Словом, мнимость на мнимости, все, непосредственно наблюдаемое в этом человеке, недостоверно. Достоверным, вполне утвердительным является одно только определение, именно то, с которым наблюдатель обращается к читательскому воображению: «вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту... какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно острым, беспрерывно и невольно вертящимся кончиком» (Достоевский 1974. 113–114). Тут повествователь обращается непосредственно к читательской фантазии, из-за чего рождается вихрь ассоциаций: и змея, выползающая из черепа Олега коня, и *piccola bestia* самого Достоевского, упоминаемая и в «Дневнике писателя», ночной кошмар Ипполита из «Идиота», и цитата из одной из «Ричарда II» Шекспира, где король в гневе говорит неугодному вельможе: твой болтливый язык, «вертящийся в твоей башке».

Можно назвать портретные характеристики, подобные вышеупомянутым, «вихревыми», движущимися – благодаря тому внутреннему беспокойству, противоборству сил, «неравности человека самому себе», которые мы

замечаем и в самих персонажах, и в их портретах. Всё и все является и являются не вполне тем, чем кажется (кажутся), всё богато неожиданностями. Они заставляют вспомнить и известные рассуждения Шиллера о «грации и достоинстве»: грация, иными словами – динамичное начало превалирует в портрете героев русского писателя, она существеннее традиционных портретных черт, описательности, чисто физических характеристик. (Кстати, наиболее пластически подробен и традиционно портретен второстепенный персонаж Федька Каторжный. В его описании присутствует вполне традиционная для словесного искусства изобразительная детализация. А между тем именно он заявляет, что и он «не равен самому себе»: «а я, может, по вторникам да по средам только дурак, а в четверг и умнее его» (Достоевский 1974. 205), то есть формулирует один из основных законов характерологии Достоевского: человек сложен потому, что неожидан.)

Нечто подобное – имеется в виду взрывчатость, противоречивость – свойственны и состояниям природы, и взаимодействиям природы и человека: это обнаруживается в пейзажах «Бесов». Пейзаж здесь совсем эскизен, едва намечен. Однако идиллический намек на поэзию весенней ночи в имени Скворешники («Май был в полном расцвете. Зацвела черемуха... легкие, как пух, белые облачка, скользившие вокруг ясного месяца»), в мгновение ока исчезает при появлении героини – Варвары Петровны, больше всего напоминающей в эту «майскую ночь» «утопленницу»: «желтое лицо ее почти посинело, губы были сжаты...» (Там же. 18). Роковое утро гибели Лизы обозначено, казалось бы, проходной, а все же оксюморонной фразой: «Наступил... угрюмый, мрачный рассвет» (Там же. 413). Пышный закат солнца над горой Острой, о котором вспоминает Марья Лебядкина, тут же, без переходов, сменяется в ее описании быстро движущейся и все покрывающей тенью.

Вспомним также, что литературный пейзаж может воссоздаваться в читательском сознании (пусть даже точно, на секунду) благодаря самым

беглым упоминаниям того или иного географического пункта, даже оставаясь за кадром повествования. В романе Достоевского от подобных упоминаний возникает что-то вроде пространственной сутолоки, географического столпотворения: маршруты молодого Ставрогина за границей в пределах одной фразы описывают параболу от Иерусалима до Исландии. От него не отстают другие персонажи – малоподвижная, больная ногами Прасковья Ивановна Дроздова торопится из Парижа в Верне-Монтре; тут же Варвара Петровна с Дашей подхватываются и через Париж (а никак не напрямую) отправляются туда же. Возникает – от одного перечисления географических названий, обозначающих пункты пребывания героев – специфическое напряжение пространства, через которое к героям и к читателям доносится «будущего зов». Здесь звучит авторский намек не только на то, что с ними уже произошло, но пока еще от читателя скрыто, но и на то, что они еще переживут, – великий хаос, неразбериху отношений, вообще «смуту», которую грозит «пустить» заговорщик и провокатор Петр Верховенский..

Еще более замечательны интерьеры в «Бесах». Не станем останавливаться на них подробно, обратим внимание только на две бытовые, интерьерные детали. Это – свеча на окошке в домике Лебядкиных и всегдашний чай на столе у Кириллова. Рискнем предположить, что они здесь играют ту же примерно роль, что и союз «но» (и заменяющие его слова) в портретных описаниях. Они тоже расположены на острие противоречий, где встречаются противоположные, но встречно направленные силы. Нет смысла распространяться здесь о символике свечи в искусстве, но, так или иначе, свеча здесь – и маяк, указывающий путь, и крошечный источник тепла, света, атмосферы какой-то хоть минимальной домашности, намека на уют. И именно она указывает путь палачу к жертве, бесприютно странствующему преступнику – к русской юродивой, которая его и обличит, и отвергнет. Свеча соединяет, *но соединяет противников*. Чай, кипящий самовар – эта деталь

напоминает о необходимом консерватизме жизни, о ее укладности, бытовой упорядоченности (причем так бывает и в трагических ситуациях – у Достоевского в частности, хотя и не только у него, – вспомним появление «самоварчика» и рассуждения героя-повествователя по этому поводу после сцены самоубийства Оли в «Подростке»). Возвращаясь к Кириллову, заметим: чай, сахар, хлеб на столе у теоретического самоубийцы говорят нам, конечно, о его ночных бдениях и философских судорогах, но и являются чем-то вроде малых, скромных посланцев «жизни, как она есть», той жизни, которую идеалист Кириллов, без сомнения, любит и которую отдает путем чудовищного насилия над собой. Характерно и то, что у Кириллова пьют чай именно его будущие убийцы – теоретик Ставрогин, практик Верховенский. Самое мирное, самое консервативно-обывательское, семейное даже занятие, самая смиренная бытовая деталь – кипящий чай – соединяют в «кирилловских» сценах убийц и жертву.

И, наконец, об одной колористической характеристике текста «Бесов». Проснувшись после своего «лорреновского» сна о золотом веке, Ставрогин видит в закатных лучах красного паучка на листке герани. Колористически это сочетание – алого и зеленого – так богато, что оно *во всей полноте* возможно только в природе, или – и то далеко не всегда – в произведениях высокого искусства. Ставрогинское впечатление следует за его сном (обычно же бывает наоборот: мельчайшее впечатление дня может разрастаться в сонное видение, картину с сюжетом). Во всяком случае, перед его глазами – сочетание, говорящее и о силе жизни во всем богатстве ее красок, и о невинности природы: алый паучок оттеняет свежую зелень листа. (Только в сознании и в жизненной практике Ставрогина, из его деяний могут родиться жуткие фантазмы вроде огромного паука, которого прозревает за спиной Николая Всеволодовича Лиза Тушина.) Упомянутая цветовая гамма снова возникает в сцене пожара, на который смотрит Лиза, одетая в светлозеленое платье с

кружевами и в красную шаль (кстати, сочетание, вдохновившее М. Добужинского на создание красивейшей из его декораций к «Николаю Ставрогину» – инсценировке «Бесов» в Московском художественном театре). Если прибавить к упомянутому двуцветию упоминаемый в конце романа туман за окном, туман, по которому двинутся в свое последнее путешествие и Лиза, и Степан Трофимович, то получим сочетание белого, зеленого и красного, то есть самую богатую и полную цветовую рифму, на символическом языке говорящую нам о полноте бытия, напоминающую, что на самом деле «жизнь есть рай» и «золотой век в кармане» (формулы человеческого братства и всеобщей любви, к которым Достоевский прибегает как в своих художественных, так и в публицистических произведениях), Это – то, мимо чего прошли ослепленные герои «Бесов».

Заключение

Таким образом, изобразительность текстов Достоевского, специфичная, резко отличающаяся от традиционной словесной изобразительности, несомненно существует, и роман «Бесы» является наглядным свидетельством этого. Как мы видели, визуализация достигается в тексте разными способами и при использовании различных средств. Цветовые, пространственные акценты, динамизация и противоречивость портрета одного и того же персонажа, световоздушная среда и пейзаж, характер интерьера и предметные детали не просто придают фактурность действию и лицам романа, но оказываются символическими характеристиками происходящего в этом «романе-предсказании», как принято называть «Бесы» в достоевистике.

Литература

- 1- Достоевский Ф.М. (1974). *Бесы. // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 10.* –Л.: Изд-во «Наука».

- 2- Кучерская М. (2006), *Исправленному поверят. Александр Солженицын представит собрание сочинений.* // Ведомости, 16. 11. № 216 (1743).
- 3- Флоренский П.А. (1986). *Итоги.* //Эстетические ценности в системе культуры. URL: <http://www.humanities.edu.ru>
- 4- Яacobсон Роман. (1987). *Работы по поэтике.* –М.: Изд-во «Прогресс».

Bibliography

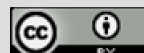
- 1- Dostoevskij F.M. (1974). *Besy.* // Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah. T. 10. –L.: Izd-vo «Nauka».
- 2- Kucherskaja M. (2006), *Ispravlennomu poverjat. Aleksandr Solzhenicyn predstavit sobranie sochinenij.* // Vedomosti, 16. 11. № 216 (1743).
- 3- Florenskij P.A. (1986). *Itogi.* //Jesteticheskie cennosti v sisteme kul'tury. URL: <http://www.humanities.edu.ru>
- 4- Jakobson Roman. (1987). *Raboty po pojetike.* –М.: Izd-vo «Progress».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Степанян Е. В. (2020). Plastic Origin in Literature: Fyodor Dostoevsky's novel «Demons». *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 187-202.

DOI: 10.29252/iarll.16.195

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/133>

عناصر زیباشناختی در گفتار: بر اساس رمان «جن زدگان» داستایفسکی

یلنا ولادیمیراونا استپانیان^۱

دانشیار انستیتوی دولتی فرهنگ مسکو،

مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: آوریل ۲۰۲۰)

چکیده

در مقاله حاضر به موضوع ارتباط و تعامل میان ادبیات و هنرهای تجسمی پرداخته می‌شود. نثر و نظم، هر دو از روش‌های خاصی برای تصویرسازی و تجسم جهان و انسان بهره می‌گیرند. در آنها مواردی چون توصیف رنگ و نور، شرایط محیط و فضای پیرامون که خاص یک نویسنده است؛ عناصر اکفراسیس و توصیف هنری، شیوه‌های به تصویر کشیدن شخصیت، فنون توصیف منظره و فضای داخلی و موارد دیگر از جایگاه و اهمیت زیادی برخوردار است. با مطالعه و تحلیل رمان «جن زدگان» داستایفسکی (۱۸۷۲-۱۸۷۱ م.) می‌توان به این نتیجه رسید که شیوه‌های تجسمی داستایفسکی کاملاً نمادین هستند. در بخشی از اثر، اپیزودی از نوع کاملاً اکفراسیس (توصیف هنری) وجود دارد (خواب ستاوروگین در مورد عصر طلایی که از تابلو نقاشی کلوید لورین الهام گرفته شده است)، که نشان دهنده انسان‌شناسی نویسنده است. فضای پیچیده حاکم بر رمان نشان دهنده تلاقی مسیرهای زندگی شخصیت‌های این اثر است. از سوی دیگر، اشاره به رنگ‌ها بر غنای محتوای اثر افزوده است: برای مثال، ترکیب نمادین رنگ‌های سبز و قرمز که بارها در متن تکرار شده است. تحلیل پرتره شخصیت‌های این رمان نشان می‌دهد که حتی در این سطح هم، شخصیت‌ها و قهرمان‌های این اثر داستایفسکی، معمای پر رمز و رازی هستند که در نقطه مرکز نیروهای مخالف هم قرار دارند. در نتیجه، رمان «جن زدگان» را می‌توان به‌عنوان نمونه بارز هنر «نقاشی کلامی» و تلاش نویسنده در یافتن فنون و شیوه‌های نوآورانه در توصیف و به تصویر کشیدن جهان و انسان دانست.

واژگان کلیدی: داستایفسکی، رمان «جن زدگان»، کلام، تجسم، تصویرسازی، پرتره و تصویر شخصیت‌ها، منظره، نماد.

Hermeneutics, Linguistics of the Text and Extraction of Information, Relevant for the Reader, from the Poetic Text

Manyakhin Alexey Vladimirovich¹

Assistant Professor of the Tambov State Musical Teacher Training College
of S.V. Rachmaninov,
Tambov, Russia.

(date of receiving: October, 2019; date of acceptance: February, 2020)

Abstract

The article discusses the correlation of hermeneutics and linguistics of the text. Hermeneutics originated as a doctrine on the interpretation of texts, usually ancient, the meaning of which is difficult to understand because of their remoteness or because the source is not well-preserved. In this case, an understanding of the hidden meaning is achieved by studying the grammatical structure of the text, historical and cultural commentary, psychological research and analysis of the form of the work. Hermeneutics is currently defined as a doctrine of text interpretation.

More recently, a new direction in linguistics has begun to take shape — text linguistics. The linguistics of the text can be characterized as an objective means by which hermeneutics reaches its goal. The author considers the possibility of correlating the hermeneutics and linguistics of the text as a whole and its part.

As a hypothesis, the author proposes a new goal of linguistic analysis of the text — to extract information relevant to the reader, to derive information from the text about the environment and the processes taking place in it; comprehension of the state of affairs, of the state of an important, significant issue at the moment.

Keywords: Hermeneutics, Interpretation, Text Linguistics, Text, Extraction of Information, Relevant for Reader.

1. E-mail: manyahinav@mail.ru

Герменевтика, лингвистика текста и извлечение актуальной для читателя информации из поэтического текста

Маняхин Алексей Владимирович¹

Старший преподаватель, Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С.В. Рахманинова,
Тамбов, Россия.

(дата получения: октябрь 2019 г.; дата принятия: февраль 2020 г.)

Аннотация

В статье рассматривается соотношение герменевтики и лингвистики текста. Герменевтика зародилась как учение об истолковании текстов, как правило древних, смысл которых трудно понять из-за их давности или из-за того, что источник недостаточно хорошо сохранился. При этом понимание скрытого смысла достигается изучением грамматического строя текста, историко-культурным комментированием, психологическими исследованиями и анализом формы произведения. В настоящее время герменевтика определяется как учение об интерпретации текста

Сравнительно недавно начало складываться новое направление в лингвистике — лингвистика текста. Лингвистику текста можно охарактеризовать как объективное средство, с помощью которого герменевтика достигает своей цели. Автор рассматривает возможность соотносить герменевтику и лингвистику текста как целое и его часть.

В качестве гипотезы автор предлагает новую цель лингвистического анализа текста — извлечение актуальной для читателя информации, выведение из текста сведений об окружающем мире и процессах, протекающих в нем; уразумение о положении дел, о состоянии важного, существенного в настоящий момент вопроса.

Ключевые слова: Герменевтика, Интерпретация, Лингвистика Текста, Текст, Извлечение Актуальной Для Читателя Информации.

1. E-mail: manyahinav@mail.ru

Введение

Существует множество подходов к изучению текста. Текст изучает и литературоведение, и герменевтика, и лингвистика.

Литературоведение давно и пристально изучает художественный текст. Достаточно упомянуть работы Ю.М. Лотмана «Структура художественного текста» и «Анализ поэтического текста».

Современная герменевтика опирается, в первую очередь, на книгу Х.-Г. Гадамера «Истина и метод: основы философской герменевтики». Методы герменевтики используются там, где требуется истолкование языковых явлений, не имеющих однозначной научной интерпретации (см., например, статью Иоанны Ожеховска «Герменевтическое изучение текста Войновского синодика», работы Г.Л. Бузук и Л.Г. Бузук или книгу А.М. Камчатнова «Лингвистическая герменевтика. На материале древнерусских рукописных источников»).

Основу лингвистического анализа художественного текста в России заложил Л.В. Щерба. В своих работах «Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина» и «Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом» учёный указал путь, по которому следует идти, исследуя текст художественного произведения — это путь объяснения идеи через семантику и грамматику.

Конечно, цели и задачи изучения текста у каждой науки различны, но объединяет эти науки, на наш взгляд, одно — стремление правильно понять текст. Мы выбрали для анализа два направления в изучении текста: герменевтику и лингвистику текста.

Основная часть

Большая советская энциклопедия даёт следующее толкование герменевтики: учение об истолковании текстов (здесь и далее выделено мной

— А.М.), преимущественно древних, первоначальный смысл которых затемнён вследствие их давности или недостаточной сохранности источников. Понимание достигается грамматическим исследованием языка, изучением исторических реалий и вскрытием намёков, смысл которых со временем сделался непонятным; конкретно-психологическими изысканиями и рассмотрением закономерностей формы произведения. (БСЭ 1974. 334)

В Большом энциклопедическом словаре герменевтика определяется как искусство толкования текстов, как учение о принципах их интерпретации. (БЭС 2002. 270)

Толковый словарь иноязычных слов и выражений Л.П. Крысина толкует герменевтику как традицию и способ толкования многозначных или не поддающихся уточнению текстов (большой частью древних). (Крысин 2002. 174)

Развёрнутое определение понятию «герменевтика» даёт Литературный энциклопедический словарь. Герменевтика определяется как толкование текстов, учение о принципах их интерпретации, т.е. о постижении смысла произведения, его идеи и концепции. (ЛЭС 1987. 77)

Задача герменевтики как теории и методологии истолкования текстов состоит, по мнению Е.В. Трубеевой, в прояснении условий, которые делают возможным уразумение смысла текста (Трубеева 2009. 77). Герменевтика изучает слово, фразу и предложение для «вчувствования в субъективность автора и воспроизведения его творческой мысли» (Там же. 78).

Центральной проблемой герменевтики автор называет семантическое содержание текста, соотнесение семантической структуры воспринятого текста (текста в сознании адресата) с семантической структурой задуманного текста (текста в сознании автора) при помощи интерпретации объективного текста (текста как последовательности знаков) (Там же. 79).

Итак, герменевтика есть учение об истолковании, интерпретации текста.

Понятие «герменевтика» неразрывно связано с понятием «интерпретация».

Интерпретация трактуется как перевод на более понятный язык, объяснение, истолкование. В искусстве интерпретация есть избирательное прочтение. В литературоведении интерпретация представляет собой метод истолкования смысла произведения в определённой культурно-исторической ситуации его прочтения. (БЭС 2002. 453)

Интерпретация стремится достигнуть адекватного понимания смысла текста.

Интерпретация художественного текста основывается на рассмотрении формы, которая имеет большой внутренний смысл, значение (ЛЭС 1987. 127-128).

Итак, интерпретация есть истолкование, т.е. разъяснение смысла, изложение точки зрения на что-либо. (Ожегов 2010. 255, 802)

Таким образом, герменевтика объясняет смысл текста, опираясь на анализ лексических и грамматических единиц, на литературный анализ, на синтагматический и прагматический анализ.

Следовательно, герменевтика непосредственно связана с одним из направлений лингвистики — лингвистикой текста.

В Большой российской энциклопедии лингвистика текста определяется как направление лингвистических исследований, предметом которых являются структура, семантика и функционирование текста как языкового произведения. (<https://bigenc.ru/linguistics/text/2145176>)

В Лингвистическом энциклопедическом словаре лингвистика текста — направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам. (<http://tapemark.narod.ru/les/267e.html>)

В книге З.Я. Тураевой лингвистика текста определяется как наука о сущности и организации предпосылок и условий человеческой коммуникации (Тураева 1986. 5).

Лингвистика текста изучает характер существования текста, характер отражения объективной действительности в тексте или характер отражения реального мира в мире художественного текста, характер языкового оформления текста, личность автора текста (Тураева 1986. 8).

По мнению Трубеевой, лингвистика текста сконцентрировала внимание на формальной синтагматической структуре текста (Трубеева 2009. 79).

Многие исследователи, которые занимаются интерпретацией текстов, вторгаются в область герменевтики (Морозкина 2012. 155). Поэтому предпринимаются попытки создать лингвистическую герменевтику, которая вычленил лингвистическую составляющую из текста и будет её исследовать. Контакт герменевтики и лингвистики текста должен дать в сумме лингвистическую герменевтику, которая станет рассматривать конкретную проблематику взаимодействия мышления, речи, языка в текстовом общении и предлагать конкретные методологические рекомендации. (Г.Л. Бузук, Л.Г. Бузук)

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: герменевтика есть учение об интерпретации, истолковании текста, а лингвистика текста есть объективное средство, с помощью которого герменевтика достигает своей цели. Можно даже сказать, что в данном случае герменевтика и лингвистика текста соотносятся как целое и его часть.

Открытым остаются вопросы о том, что такое текст и каковы методы интерпретации текста.

В Большой российской энциклопедии (<https://bigenc.ru/linguistics/text/4185670>) и в Лингвистическом энциклопедическом словаре (<http://tapemark.narod.ru/les/507a.html>) даётся определение текста как последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются смысловая связность и цельность.

Лингвистических определений текста существует множество. Общепризнанной является дефиниция, данная И.Р. Гальпериным: текст есть

«произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную направленность и прагматическую установку» (Гальперин 1981. 18). З.Я. Тураева понимает текст как «некое упорядоченное множество предложений, объединённых различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определённым образом организованную и направленную информацию. Текст есть сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство» (Тураева 1986. 11). А художественный текст есть вторичная моделирующая система, в которой сочетаются отражение объективного мира и авторский вымысел. Психолингвистика определяет текст как сложное семантическое образование, обладающее рядом психолингвистических характеристик: цельность, связность, эмотивность, креализованность, прецедентность, скважность, большая степень интерпретативности (реципиенты могут извлечь из него много смыслов) (Белянин 2004. 108).

В качестве рабочего определения мы примем дефиницию З.Я. Тураевой, потому что в ней выделяется основное свойство текста — информативность. Добавим к этому определению психолингвистическое указание на большую степень интерпретативности текста.

Итак, если герменевтика и лингвистика текста соотносятся как целое и его часть, то лингвистический анализ художественного текста есть метод и лингвистики текста, и герменевтики.

Л.В. Щерба сформулировал цели лингвистического анализа художественного текста — показ лингвистических средств, с помощью которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание

художественного текста. Он же определил и путь анализа художественного текста — объяснение идеи через семантику лексики и грамматики (Щерба 1957. 97).

Активно развивал теорию и методику анализа поэтического текста Ю.В. Лотман. По его мнению, литературное произведение представляет собой органическое целое, многократно закодированную систему, сложно построенный смысл (Лотман 1972. 38).

Можно сказать, что Ю.В. Лотман в литературоведении движется по тому же пути, что и профессор Щерба в языкознании, — раскрытие идеи через семантику лексики и грамматики, анализируя поэтический текст методом наблюдения над тропами и фигурами речи.

Отдельно следует выделить метод концептуального анализа художественного текста, потому что концептуальное пространство значимо и для национального языка, и для национальной культуры; концепты постоянно присутствуют в культурном сознании, они универсальны и способны к развитию. Концептуальный анализ позволяет выявить и описать культурно значимые концепты и их концептосферу.

Концептуальный анализ художественного текста предполагает выявление набора ключевых слов текста, определение базовых концептов данного концептуального пространства, описание обозначаемого ими концептуального пространства. Трудность здесь представляет выявление ключевых слов текста, т.к. общепринятой методики их определения пока нет.

Наконец мы подошли к главной, на наш взгляд, проблеме — что мы хотим понять в тексте, какую цель мы преследуем, начиная анализировать текст.

Мы считаем, что цель лингвистического анализа текста — извлечение актуальной для читателя информации. Это подразумевает интеграцию традиционных и когнитивных методов. Идея заключается в следующем. Необходимо вывести из текста сведения об окружающем мире и процессах,

протекающих в нём; осведомиться о положении дел, о состоянии важного, существенного для читателя в настоящий момент вопроса. Рядовому читателю неинтересно рассматривать текст с точки зрения взаимодействия в нём жизненных и литературных планов, в аспекте художественного метода или в историческом контексте. Всё это рядовой читатель оставляет филологам. Читатель обращается к художественному произведению как к «неоценимому источнику познания жизни и законов её борьбы» (Карл Маркс). Изучение художественного произведения как части литературного процесса определённой исторической и культурной эпохи, как выражение творческой индивидуальности писателя должно составлять и составляет содержание обучения в школе. Там же мы должны обучить учеников и самостоятельному чтению, умению извлекать существенную для него в настоящий момент информацию, потому что человек сам отвечает на важнейшие мировоззренческие вопросы: «Кто я? Живу ли я или всего лишь существую? А если живу, то с какой целью?»

Путь анализа текста – объяснение идеи через семантику лексики, включая сюда и грамматическое значение форм употребленных слов, «от семантики слова к содержанию концепта».

Объект исследования – концептуальное (смысловое) пространство текста.

При анализе текста важную роль играют словари, т.к. они раскрывают истинные значения слов.

На наш взгляд, основой для извлечения актуальной для читателя информации может служить алгоритм из учебного пособия Е.В. Скворецкой, представляющий ход анализа стихотворения (Скворецкая 2002):

1. Анализ заглавия: выяснить словарное значение как предположительно раскрывающее важнейшую тему. Указать, используется ли заглавное слово в тексте стихотворения. Сравнить, какова субъективно-оценочная модальность заглавия.

2. Извлечение содержательно-фактуальной информации (СФИ): факты, события, лица, место действия, время протекания действия.

3. Извлечение содержательно-концептуальной информации (СКИ). Ответить на вопрос: В каком ракурсе автор изображает действительность? Ответ на данный вопрос следует искать в интерпретации пункта 2.

4. На основании пунктов 2 и 3 можно дать интерпретацию текста, т.е. раскрыть содержательно-подтекстовую информацию (СПИ).

Необходимо продолжать поиск универсальных приёмов и методов анализа художественного текста

В качестве примера извлечения из текста актуальной для читателя информации возьмём отрывок из романа Николая Шмелёва «Сильвестр» (Шмелёв 1990. 110):

(1) *Послушайте лучшие, люди московские, притчу древнюю, многосмысленную, от святых отцов к нам пришедшую.* (2) *Может, хоть она вас просветит, коли уж своим умом вам до правды не дойти.*

(3) *Призвал как-то Господь святого Николая и святого Касьяна пред очи Свои светлые, Божественные, и назначил им точный срок.*

(4) *Припозднились святые угодники, торопятся, солнце уже садится, а им еще идти да идти.* (5) *И вдруг видят они: валяется у дороги, в грязи, опрокинувшаяся телега с поклажей и волнуется, суетится возле нее какой-то мужичонка самый что ни на есть завалищий.* (6) *Лошадь-то он выпряг, а телегу обратно на дорогу выпихнуть не может — сил нет.*

— (7) *Давай, подсобим,* — *говорит святой Николай святому Касьяну.*— (8) *Жалко мужика.* (9) *Одному ему с телегой не совладать.*

— (10) *Что ты, брат!* — *отвечает ему святой Касьян.* — (11) *Ты забыл, к Кому мы идем?* (12) *И ты в чистых ризах, и я.* (13) *Попачкаемся, Господа нашего прогневим.*

(14) *Да не послушался его святой Николай. (15) Поплевал на руки, влез в самую грязь и вытащил-таки телегу того горемыки обратно на дорогу. (16) Ну, понятно, перемазался весь с головы до ног, да делать нечего, каков есть — таков и есть, надо дальше поспешать.*

(17) *И вот приходят они к Господу. (18) Видит Господь: стоит перед ним святой Николай грязный, оборванный, прячет от него глаза, стыдится себя, а рядом с ним святой Касьян в белых ризах, и ни пятнышка на них, и лицо его светится светом праздничным, восторженным, и взор его полон любви.*

(19) *И подивился тогда Господь виду их столь несхожему. (20) И спрашивает Николая: что, дескать, произошло?*

— (21) *Да так, мол, и так, Господи,— отвечает Ему святой Николай.*

— (22) *Ну, а ты, Касьян? — спрашивает Господь.*

— (23) *Да так, мол, и так, Господи,— отвечает и он Ему.*

(24) *И сказал им тогда Господь: «Что ж, и ты прав, отче Николай, и ты прав, отче Касьян. Но правда ваша разная. И за твою правду, Николай, люди будут праздновать имя твое дважды в год. А твое, Касьян — только в четыре года раз».*

(25) *Вот так оно и повелось с тех пор: дважды в году, по весне и зимой, чествует народ христианский имя святого угодника Николая, а имя святого Касьяна — только раз в четыре года, 29 февраля. (26) Как говорится, имеющий уши да слышит! (27) А больше к притче той и добавить нечего: в ней, православные, вся наша жизнь.*

Поскольку мы анализируем отрывок из романа, заглавия у него нет. Вместо анализа заглавия обратим внимание на композицию отрывка. Ведь композиция обладает самостоятельной содержательностью, углубляющей смысл текста.

Перед нами повествовательный текст, представляющий собой «рассказ в рассказе»: некто хочет поведать слушателям историю, содержащую глубинную «премудрость» моралистического порядка (на это указывает предложение (2)). «Рамка» — предложения первого абзаца и предложения (26)-(27). Данная форма предполагает наличие рассказчика и слушателей, в данном случае — московских жителей.

Есть некто, рассказывающий притчу неопределённому кругу лиц — московским жителям. Есть цель — научить людей правде. Есть и мораль.

Притча, рассказанная «людям московским», содержит следующую СФИ.

Господь призвал святых Николая и Касьяна в точно назначенный срок.

Святые припозднились.

По дороге им попался плохонький мужичонка, с которым случилось несчастье: опрокинулась телега с поклажей.

Святой Николай предлагает помочь мужичонке, а святой Касьян отговаривает, мотивируя тем, что можно попачкаться и этим прогневить Господа.

Святой Николай не послушал и вытащил горемыке телегу, перемазавшись с ног до головы.

Святые явились к Господу. Святой Касьян счастлив видеть Господа, святой Николай стыдится за свой внешний вид.

Господь удивляется их такому разному виду и интересуется причиной. Святые объяснили причину.

Господь признаёт правду каждого и каждого вознаграждает.

Выводом, моралью звучат слова предложения (25): *«Вот так оно и повелось с тех пор: дважды в году, по весне и зимой, чествует народ христианский имя святого угодника Николая, а имя святого Касьяна — только раз в четыре года, 29 февраля.»*

Какая СКИ содержится в тексте? В каком ракурсе изображается действительность?

Действительность изображается как поиск правды, о чём прямо говорится во вступлении: *«притча ... просветит, коли уж своим умом вам до правды не дойти»*. На то, что речь в притче идёт о поиске правды указывается и в предложении (24), где она упоминается четыре раза: *И сказал им тогда Господь: «Что ж, и ты прав, отче Николай, и ты прав, отче Касьян. Но правда ваша разная. И за твою правду, Николай, люди будут праздновать имя твоё дважды в год. А твоё, Касьян — только в четыре года раз»*.

В чём же правда? Ответ на этот вопрос заключён в СПИ. Рассказчик в первом же предложении даёт понять, что однозначного ответа нет: и притча многосмысленная, и «имеющий уши да услышит», и в притче «вся наша жизнь».

Конфликт в притче заключается в дилеме — прогневить Господа, помогая людям, или помочь несчастному даже под страхом гнева Божьего. Что важнее: чистым предстать перед Господом или помочь человеку, потеряв при этом чистоту одежды? Важно и то, и другое. Но в приоритете — бескорыстная помощь простым людям. Кто не боится попачкаться, помогая людям, того и чествует народ христианский. Эта позиция рассказчика прямо отражена в предложении (25).

Заключение

Итак, герменевтика и лингвистика текста могут соотноситься как целое и его часть. Однако каждая из указанных дисциплин имеет свои цели и задачи, поэтому смешивать их представляется нецелесообразным, как и создавать новые дисциплины вроде филологической или лингвистической герменевтики.

В тоже время современный мир требует от человека умения работать с большими объёмами информации, а значит извлечение актуальной для

читателя информации — это то умение, которое жизненно необходимо и этому умению следует обучать уже в школе.

Извлечение актуальной для читателя информации требует выработки надёжных, универсальных методов и приёмов анализа. Это большая работа, которую нужно вести целенаправленно.

Литература

- 1- Белянин В.П. (2004). *Психолингвистика: Учебник* / В.П. Белянин. – 2-е изд. М.: Изд-во «Флинта»: Московский психолого-социальный институт, – 232 с.
- 2- *Большая российская энциклопедия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4185670> (дата обращения 05.01.2018)
- 3- *Большая советская энциклопедия (В 30 томах)* (2002). /Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. –М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1974. – Т. 18 (Никко – Отолиты). — 644 с.
- 4- *Большой энциклопедический словарь*, (2002). — 2-е изд., перераб. и доп. — М: Изд-во «Большая Российская энциклопедия»; –СПб.: «Норинт».
- 5- Бузук Г.Л., Бузук Л.Г. *Лингвистическая герменевтика: о формировании дисциплинарного статуса*. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvisticheskaya-germenevtika-o-formirovaniidisciplinarnogo-statusa> (дата обращения 05.01.2018)
- 6- Гальперин, И.Р. (1981). *Текст как объект лингвистического исследования* / И.Р. Гальперин; АН СССР, Институт языкознания. –М.: Изд-во «Наука», - 156 с.
- 7- Крысин, Л.П. (2002). *Толковый словарь иноязычных слов* / Л.П. Крысин 4-е изд., стереотип. –М.: Изд-во «Рус.яз.», 856 с.
- 8- *Лингвистический энциклопедический словарь*. [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/507a.html> (дата обращения 05.01.2018)
- 9- *Литературный энциклопедический словарь* (1987). /Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др., М.: Изд-во «Сов. Энциклопедия»,—752 с.
- 10- Лотман, Ю.М. (1972). *Анализ поэтического текста. Структура стиха* [Пособие для студентов]/ Ю.М. Лотман. –Л.: Изд-во «Просвещение», Ленингр. отделение. - 271 с.
- 11- Морозкина, Е.А. (2012). *Герменевтика в филологии, лингвистике и переводоведении* // Вестник Башкирского университета. Т. 17. №1 — с.154-157

- 12- Ожегов, С.И. и Шведова, Н.Ю. (2010). *Словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений* / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное, –М.: ООО «А ТЕМП», – 874 с.
- 13- Скворецкая, Е.В. (2002). *Языковая организация текста (Учебные материалы)* / Е.В. Скворецкая. Новосибирск, – 268 с.
- 14- Трубеева, Е.В. *Текст и его анализ в риторике, герменевтике и филологии*. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tekst-i-ego-analiz-v-ritorike-germenevtike-i-filologii> (дата обращения 05.01.2018)
- 15- Тураева, З.Я. (1986). *Лингвистика текста. Текст: структура и семантика*/ З.Я. Тураева. –М.: Просвещение, 126 с.
- 16- Шмелев Н. (1990). *Домострой // Диалог, №13* — с. 110
- 17- Щерба, Л.В. (1957). *Избранные труды по русскому языку*/ Л.В. Щерба. –М.: Учпедгиз, 188 с.

Bibliography

- 1- Beljanin V.P. (2004). *Psiholingvistika: Uchebnik* / V.P. Beljanin. – 2-e izd. –М.: Izd-vo «Flinta»: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, – 232 s.
- 2- *Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija*. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4185670> (data obrashhenija 05.01.2018)
- 3- *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija (V 30 tomah)* (2002). /Gl. red. A.M. Prohorov. Izd. 3-e. –М.: Izd-vo «Sovetskaja jenciklopedija», 1974. – Т. 18 (Nikko – Otolity). — 644 s.
- 4- *Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'*, (2002). — 2-e izd., pererab. i dop. — М: Izd-vo «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija»; –SPb.: «Norint».
- 5- Buzuk G.L., Buzuk L.G. *Lingvisticheskaja germenevtika: o formirovanii disciplinarnogo statusa*. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvisticheskaja-germenevtika-o-formirovanii-distsiplinarnogo-statusa> (data obrashhenija 05.01.2018)
- 6- Gal'perin, I.R. (1981). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija* / I.R. Gal'perin; AN SSSR, Institut jazykoznanija. –М.: Izd-vo «Nauka», - 156 s.
- 7- Krysin, L.P. (2002). *Tolkovyj slovar' inojazychnyh slov* / L.P. Krysin 4-e izd., stereotip. –М.: Izd-vo «Rus.jaz.», 856 s.
- 8- *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'*. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/507a.html> (data obrashhenija 05.01.2018)
- 9- *Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'* (1987). /Pod obshh. red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. Redkol.: L. G. Andreev, N. I. Balashov, A. G. Bocharov i dr., –М.: Izd-vo «Sov. Jenciklopedija»,—752 s.

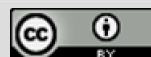
- 10- Lotman, Ju.M. (1972). *Analiz pojeticheskogo teksta. Struktura stiha* [Posobie dlja studentov]/ Ju.M. Lotman. –L.: Izd-vo «Prosveshhenie», Leningr. otdelenie. - 271 s.
- 11- Morozkina, E.A. (2012). *Germenevtika v filologii, lingvistike i perevodovedenii* // Vestnik Bashkirskogo universiteta. T. 17. №1 — s.154-157
- 12- Ozhegov, S.I. i Shvedova, N.Ju. (2010). *Slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. – 4-e izd., dopolnennoe, –M.: OOO «A TEMP», – 874 s.
- 13- Skvoreckaja, E.V. (2002). *Jazykovaja organizacija teksta (Uchebnye materialy)* / E.V. Skvoreckaja. Novosibirsk, – 268 s.
- 14- Trubeeva, E.V. *Tekst i ego analiz v ritorike, germenevtike i filologii*. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tekst-i-ego-analiz-v-ritorike-germenevtike-i-filologii> (data obrashhenija 05.01.2018)
- 15- Turaeva, Z.Ja. (1986). *Lingvistika teksta. Tekst: struktura i semantika*/ Z.Ja. Turaeva. –M.: Prosveshhenie, 126 s.
- 16- Shmelev N. (1990). *Domostroj* // *Dialog*, №13 — s. 110
- 17- Shherba, L.V. (1957). *Izbrannye trudy po russkomu jazyku*/ L.V. Shherba. –M.: Uchpedgiz, 188 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Маняхин А. В. (2020). Hermeneutics, Linguistics of the Text and Extraction of Information, Relevant for the Reader, From the Poetic Text. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 203-219.

DOI: 10.29252/iarll.16.213

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/134>

هرمنوتیک، زبان‌شناسی متن و استخراج اطلاعات ضروری و مهم برای خواننده از متون آثار منظوم

الکسی ولادیمیرویچ مانیاخین^۱

استادیار انستیتوی دولتی آموزش موسیقی س.و. راخمانیناف تامبوف،
تامبوف، روسیه.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: فوریه ۲۰۲۰)

چکیده

در مقاله حاضر، ارتباط هرمنوتیک و زبان‌شناسی متن بررسی می‌شود. هرمنوتیک شاخه‌ای از علم تأویل متون معمولاً تاریخی است که درک و فهم معنای آنها به دلیل تاریخی و قدیمی بودن یا به دلیل آنکه منبع آنها به خوبی حفظ نشده دشوار است. در این حالت، با مطالعه ساختار دستوری متن، تفسیر تاریخی و فرهنگی آن، تحقیقات روان‌شناختی و تجزیه و تحلیل شکل و قالب اثر، می‌توان به درک معنای پنهان آن دست‌یافت. هرمنوتیک در حال حاضر به عنوان علم تفسیر و تأویل متن شناخته شده است. اخیراً، شاخه جدیدی در علم زبان‌شناسی شکل گرفته که به زبان‌شناسی متن معروف شده است. زبان‌شناسی متن را می‌توان ابزاری عینی دانست که به کمک آن هرمنوتیک به اهداف خود می‌رسد. نویسنده مقاله حاضر در پی یافتن ارتباط میان هرمنوتیک و زبان‌شناسی متن به صورت کلی و جزئی است. این مقاله به عنوان فرضیه، هدف جدیدی برای تحلیل زبان‌شناختی متن پیشنهاد می‌کند که عبارت است از: استخراج اطلاعات مهم و مورد نظر برای خواننده، استخراج اطلاعاتی از متن درباره جهان پیرامون و فرآیندهای موجود در آن، درک شرایط و مسائل مهمی که در حال حاضر ضرورت دارند.

واژگان کلیدی: هرمنوتیک، تفسیر و تأویل، زبان‌شناسی متن، متن، استخراج اطلاعات ضروری و مهم برای خواننده از متن.

Comparative Analysis of the Forms of Subjunctive Mood in Russian and Persian Languages

Shafaghi Maryam¹

Assistant Professor of the Russian language, Allame Tabatabae'i University,
Tehran, Iran.

Goryachkovskaya Tatiana Dmitrievna²

Master of Persian language Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic
University,
Moscow, Russia.

(date of receiving: March, 2019; date of acceptance: January, 2020)

Abstract

The semantics of the forms of subjunctive mood in Russian and Persian languages are different. In the counterfactual situation in the Russian language, counterfactual value can refer to the past and to the present time. Counter-active meaning in the Persian language is expressed by four forms of conditional sentences using two verbal-temporal forms: the pronounced mood (گذشته استمراری) of the indicative mood and the pre-elapsed time (گذشته دور) of the indicative mood, depending on apodosis.

As for the desired meaning, in Russian and Persian the subjunctive mood itself does not have an appraisal component, and it is brought into the text with the help of context and special indicators – interjections, particles and adverbs. In Persian, the desired meaning of the subjunctive mood may involve so-called prayer mood, allocated by Khosro Farshward, and the desired mood, singled out by Yuri Rubinchik.

Keywords: Subjunctive Mood, Present-Future Time, Past Presumed Time, Pragmalinguistics, Persian Language, Russian Language.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir

2. E-mail: tatyana.goryachkovskaya@mail.ru

Компаративный анализ форм сослагательного наклонения в русском и персидском языках

Шафаги Марьям¹

Старший преподаватель, Университет им. Алламе Табатабаи,
Тегеран, Иран.

Горячкова Татьяна Дмитриевна²

Магистрант, Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия.

(дата получения: март 2019 г.; дата принятия: январь, 2020 г.)

Аннотация

Семантика форм сослагательного наклонения в русском и персидском языках отличается. В контрфактивной ситуации в русском языке контрфактивное значение может относиться и к прошедшему, и к настоящему времени. Контрфактивное значение в персидском языке выражается четырьмя формами условных предложений с использованием двух глагольно-временных форм: прошедшего длительного времени (имперфекта) (گذشته استمراری) изъявительного наклонения и преждепрошедшего времени (плюсквамперфекта) (گذشته دور) изъявительного наклонения, в зависимости от временных отношений протасиса и аподосиса.

Что касается желательного значения, в русском и персидском языках само по себе сослагательное наклонение не обладает оценочным компонентом, и он привносится в текст с помощью контекста и специальных показателей — междометий, частиц и наречий. В персидском языке к желательному значению сослагательного наклонения можно отнести т.н. наклонение молитвы, выделенное Хосроу Фаршивардом, и желательное наклонение, выделенное Ю.А. Рубинчиком.

Ключевые слова: Сослагательное Наклонение, Настояще-Будущее Время, Прошедшее Предположительное Время, Прагмалингвистика, Персидский Язык, Русский Язык.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir

2. E-mail: tatyana.goryachkovskaya@mail.ru

Введение

Сослагательное наклонение — неотъемлемая часть многих языков мира. Формы сослагательного наклонения занимают не последнее место по употребительности в русском и персидском языках, передавая огромное количество значений и оттенков значений.

В статье рассматривается сослагательное наклонение русского и персидского языков, в частности, сопоставляются модели образования форм сослагательного наклонения, грамматические формы, словоизменительные характеристики и семантика форм — рассматривается контрфактивное, желательное и прагматическое значение форм сослагательного наклонения в обоих языках.

Сослагательное наклонение русского языка изучалось как во второй половине XX века, так и в XXI веке в работах Н.С. Валгиной (2006), О.С. Ахмановой (2007), Л.И. Рахмановой (2006), Л.Л. Касаткина (2004), Л.А. Новикова (2003) и др. Вопросы сослагательного наклонения в рамках персидского языка рассматривались в монографиях Ю.А. Рубинчика (2001), Х. Фаршидварда (2003) и др.

Материалами для изучения особенностей сослагательного наклонения в русском и персидском языках послужили «Грамматика современного персидского литературного языка» Ю.А. Рубинчика (Рубинчик 2001. 249-259), «Подробная современная грамматика» Х. Фаршидварда (Фаршидвард 2003. 384–387) и Национальный корпус русского языка, откуда для настоящей статьи были взяты примеры функционирования сослагательного наклонения русского языка.

Актуальность разработки данной темы заключается в том, что подобное исследование может помочь как российским, так и иранским переводчикам в поиске грамматических соответствий в иностранном языке.

Новизна исследования заключается в том что, в работе сопоставляется сослагательное наклонение русского и персидского языков, а ранее подобные

исследования не проводились. Тем не менее, имеют место научные работы, отдельно рассматривающие сослагательное наклонение данных языков — некоторые из них цитируются в настоящем исследовании.

Основная часть

1. Образование сослагательного наклонения в русском и персидском языках

Категория наклонения – это морфологическая категория, выражающая отношение действия к действительности и имеющая значения реальности (изъявительное наклонение) или ирреальности (повелительное и сослагательное наклонения). То есть категория наклонения представлена системой противопоставленных друг другу форм – изъявительного, повелительного и сослагательного наклонения. (Диброва 2006. 81–82).

Сослагательное наклонение обозначает действие возможное, желаемое, т.е. действие, которое не происходило, не происходит, не может произойти при определенных условиях. То есть это действие ирреально и находится вне категории времени (Там же. 83).

Сослагательное наклонение вносит в глагол значение ирреальности процессуального признака. Данное наклонение указывает на возможное действие, состояние, отношение при определенных условиях (Касаткин 2004. 606).

Формы сослагательного наклонения в русском языке образуются путем сочетания глагольных форм с суффиксом «-л» и частицей «бы» (Тихонов 2008. 805). Частица «бы» может занимать различное место в предложении (Валгина 2006. 243). В формах сослагательного наклонения она способна отделяться от форм на «-л» другими словами, примыкать к союзам и союзным словам, другим частицам и наречиям (Рахманова, Суздальцева 2006. 408).
Пример: Когда б семейственной картиной Пленился я хоть миг единый — То,

верно б, кроме вас одной Невесты не искал иной (А.С. Пушкин. Евгений Онегин).

Тем не менее существуют более редкие варианты форм сослагательного наклонения, не подразумевающие наличие финитного глагола, однако обязательно имеющие в своем составе частицу «бы»:

- **Бы (б) с существительными** — данные формы, как правило, обладают желательным значением. Пример: *Она слегка поморщилась – Воды бы...* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей);

- **Бы (б) с деепричастиями** — данная форма является ненормативной, однако примеры его употребления существуют. Пример: *Он не сказал ей этого потому, что княжна Марья стала бы просить отца дать свое согласие, и не достигнув бы цели, раздражила бы отца <...>* (Л.Н. Толстой. «Война и мир»);

- **Бы (б) с причастиями** — использование данной формы встречается довольно редко. Форма образуется, как правило, с причастием прошедшего времени действительного залога. Пример: *Шаги Лены, днем погасшие бы в шуме улицы, как в ковре, раздавались сейчас беспощадными шлепками.* (Т.А. Набатникова. День рождения кошки);

- **Бы (б) с инфинитивом** — довольно распространенная форма сослагательного наклонения среди других нефинитных форм, обычно имеющая желательное значение. Пример: *Если рядом найти и шведский стул, на котором делаешь перерыв для переваривания, то плыть бы и плыть всю жизнь по студёным морям.* (Рецепты национальных кухонь: Скандинавская кухня);

- **Бы (б) с императивом** — в подобных сочетаниях императив выполняет только переносную функцию, обозначая контрфактивное условие. Е.И. Диброва отмечает возможность применения глагольных форм одного наклонения в значении другого, например, повелительного наклонения в значении сослагательного. Пример: *Про жизнь пустынную как сладко ни*

пищи, а в одиночестве способен жизнь не всякий... (И.А. Крылов. Пустынник и Медведь). Данное сочетание не является нормативным. *Пример: И не случись бы в моей судьбе тех перипетий, кто знает, как бы оно и что бы.* (Л.М. Гурченко. Аплодисменты);

- **Бы (б) с предикативом** — частица «бы» может без связки сочетаться с такими предикативами, как «хорошо», «можно», «надо». *Пример: Правда, дядечка, вам надо бы молчать* (А.П. Чехов. Вишневый сад).

Образование форм сослагательного наклонения в персидском языке (وجه التزامی) более нормировано: оно представлено двумя специальными формами: настояще-будущим временем (аористом) (مضارع التزامی) и прошедшим предположительным временем (ماضی التزامی).

Аорист образуется флективным способом — из основы настоящего времени путем прибавления приставки «be»- (ب) и личных окончаний: انجام [anjām bedehim]. У глаголов کردن [kardan] *делать* и شدن [šodan] *становиться* возможно опущение приставки. Парадигма глаголов بودن [budan] *быть, являться* и داشتن [dāštan] *иметь* как глаголов-исключений образуются особым способом: بودن [budan] *быть* — без приставки (باشید [bāšid]), а у глагола داشتن [dāštan] *иметь* вместо формы аориста используется форма прошедшего предположительного времени (داشتته باشم [dāšte bāšam]) (Рубинчик 2001. 249).

Прошедшее предположительное время образуется аналитическим способом — от причастия прошедшего времени смыслового глагола и форм аориста вспомогательного глагола بودن [budan] *быть*. Например: ترجمه کرده باشم [tarjome karrde bāšam] *переводил бы*. Прошедшее предположительное время противопоставляется прошедше-настоящему времени (перфекту) в модальном плане. Прошедшее предположительное время также сочетает в себе грамматические признаки времени и наклонения и является своего рода модальным временем (Рубинчик 2001. 253).

В *Таблице 1* приведена сравнительная таблица форм сослагательного наклонения русского и персидского языков. Приведенные в таблице примеры и парадигмы структурированы по заложенным в них значениям.

Грамматические формы сослагательного наклонения

Таблица 1: Желательное значение сослагательного наклонения

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	
Русский язык	Персидский язык
<p>Глагольная форма на –л + частица «бы».</p> <p>В данной таблице эта форма противопоставляется сразу двум формам сослагательного наклонения персидского языка, т.к. глагольные формы сослагательного наклонения русского языка образуются по одинаковой парадигме вне зависимости от времени совершения действия.</p>	<p>Частица کاش [kāš] <i>если бы</i> (опционально) + настоящее-будущее время сослагательного наклонения (аорист).</p> <p>کاش) بفرستد (Если бы) он послал (бы)</p> <p>کاش) سؤال کنم (Если бы) я спросил (бы)</p> <p>کاش) دراز بکشم (Если бы) я лег / лечь бы</p>
<p>Примеры:</p> <p><i>Пришла бы</i></p> <p><i>Спросил бы</i></p> <p><i>Переводил бы</i></p> <p><i>Постигала бы</i></p>	<p>Частица کاش [kāš] <i>если бы</i> (опционально) + прошедшее предположительное время.</p> <p>Примеры:</p> <p>کاش) آمده باشد (Если бы) она пришла</p> <p>کاش) پرسیده باشد (Если бы) он спросил</p> <p>کاش) ترجمه کرده باشد (Если бы) он перевел</p> <p>کاش) پی برده باشند (Если бы) они поняли</p>
<p>«Бы» / «б» с предикативом «хорошо» + инфинитивная форма глагола. Данная конструкция может выражать следующие значения:</p> <p>— Желательность действия, свершение которого возможно в будущем.</p> <p>Пример: <i>Хорошо бы съездить туда.</i></p>	<p>Конструкция کاش می‌شد [kāš mi-šod] <i>если бы / хорошо бы</i> + настоящее-будущее время сослагательного наклонения (аорист).</p> <p>Пример:</p> <p>کاش می‌شد اتفاق بیافتد! <i>Хорошо было бы, если б это произошло!</i></p> <p>کاش می‌شد برود! <i>Неплохо было бы, если б он пришел</i></p>

<p>— Желательность действия, как несовершенного в прошлом, так и свершение которого возможно в будущем; выражение чувства досады.</p> <p>Например: <i>Хорошо было бы съездить туда.</i></p>	<p>Конструкция <i>خوب می شد</i> [xub mi-šod] <i>хорошо бы, хорошо было бы</i> + <i>اگر</i> [agar] <i>если</i> + прошедшее длительное время.</p> <p>Данная конструкция используется для условных предложений, относящихся к прошедшему времени. Может также выражать чувство досады.</p> <p><i>خوب می شد، اگر او به آنجا می رفت!</i> <i>Хорошо бы было, если б он съездил туда!</i></p> <p>В персидском языке образование глагольной формы сослагательного наклонения настоящего времени в рамках данной конструкции невозможно.</p>
---	---

Таблица 2: Значение долженствования сослагательного наклонения

ЗНАЧЕНИЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ	
Русский язык	Персидский язык
<p>«Бы» / «б» с предикативом долженствования «надо» + инфинитив глагола.</p> <p>Пример: <i>Надо бы отдохнуть.</i></p>	<p>Глагольная форма долженствования <i>باید</i> [bāyad] <i>надо</i> + простое прошедшее время (претерит). Пример:</p> <p><i>باید استراحت کرد.</i> <i>Надо бы отдохнуть.</i></p>
<p>«Бы» / «б» с императивом</p> <p>Пример: <i>Не случись бы!</i></p>	<p>Частица <i>کاش</i> [kāš] <i>если бы</i> или ее формы + <i>настояще-будущее</i> время сослагательного наклонения (аорист). Пример:</p> <p><i>کاش اتفاق بیافتد!</i> <i>Если бы это произошло!</i></p>

Остальные формы сослагательного наклонения русского языка, образующиеся при сочетании с нефинитными формами, не имеют аналогов в персидском языке.

2. Словоизменительные характеристики форм сослагательного наклонения в русском и персидском языках

Формы сослагательного наклонения в русском языке лишены категории времени и лица, однако обладают формами числа (*поехал бы, поехали бы*), а в единственном числе также категорией рода (*поехал бы, поехала бы, поехало бы*) (Валгина 2006. 243). Само по себе отсутствие временных форм сослагательного наклонения как словоизменительных характеристик не отрицает причастность обозначаемого формой действия к какому-либо конкретному времени. Таким образом, обозначаемая формой сослагательного наклонения ситуация может относиться к любому времени — прошлому, настоящему и будущему. Описываемое в ситуации время определяется с помощью контекста, а также слов-показателей времени (*сегодня, завтра, сейчас и т.д.*) (Касаткин 2004. 606).

Формы сослагательного наклонения в персидском языке не обладают категорией рода, однако имеют ряд других словоизменительных характеристик: а) формой числа; б) формой лица; в) категорией времени. Аорист охватывает действия, относящиеся к настоящему и будущему времени, а прошедшее предположительное характеризует преимущественно прошедшее действие.

3. Семантика форм сослагательного наклонения в русском и персидском языках

Формы сослагательного наклонения как в русском, так и в персидском языке, обладают рядом значений, типичных для ирреальных наклонений. Тем не менее, основная часть употреблений форм данного наклонения приходится на различные типы придаточных предложений. Значения форм сослагательного наклонения в независимых и зависимых предикациях необходимо рассматривать отдельно, так как значение зависимой предикации

полностью контролируется внешними факторами (отношения между разными частями сложного предложения и др.).

Мыслимые действия, выражаемые сослагательным наклонением с модальностью желательной целесообразности, противопоставлены реальным действиям. Поэтому при употреблении сослагательного наклонения косвенным образом обозначается иная фактическая ситуация: *Если бы он не пришел, то ничего не бы случилось* = *он пришел, и что-то случилось*. (Новиков 2003. 518).

В данном разделе приводится характеристика типов значения сослагательного наклонения в двух языках, выражающихся в независимых предикациях. Рассматривается контрфактивное значение, желательное и прагматическое.

4. Контрфактивное значение форм сослагательного наклонения

Контрфактивная ситуация — ситуация, которая никогда не существовала в реальном мире (Добрушина 2016. 23). Говорящий подразумевает сказанное как нечто, параллельное реальному миру. *Пример: Если бы этот тяжелый железный лист упал на три-четыре метра ближе, он кого-нибудь убил бы.* (Ф.А. Искандер. Понемногу о многом).

Контрфактивное значение сослагательного наклонения широко используется в условных конструкциях, при этом сослагательное наклонение проявляется и в главной, и в зависимой частях предложения.

Стоит отметить, что контрфактивное значение сослагательного наклонения русского языка не ограничивается лишь прошедшим временем: для многих европейских языков характерна параллель возможного и нереального вида условных предложений (модуса). Таким образом, нереальным условием считается такое, которое относится к прошедшему времени, и его действие не осуществимо ввиду невозможности изменения временного континуума.

Любое другое маловероятное условие оформляется другим видом условной конструкции — возможным модусом. В русском же языке контрфактивное значение может относиться и к прошедшему, и к настоящему времени. Пример: *И был бы я такой совсем немец, и приехал бы я на свою историческую родину, и стоял бы около гостиницы «Россия» <...>* (А.Г. Битов. Восьмой немец).

О.С. Ахманова называет данное значение сослагательного наклонения ирреальным наклонением и описывает его следующим образом: категориальная форма косвенного наклонения, указывающая не только на то, что данного действия нет в действительности, но и на то, что оно не может произойти. Пример: *Если бы да кабы, да во рту росли грибы.* (Ахманова 2007. 250).

Контрфактивное значение в персидском языке не задействует времена сослагательного наклонения; оно выражается четырьмя формами условных предложений с использованием двух глагольно-временных форм: прошедшего длительного времени (имперфекта) (گذشته استمراری) изъявительного наклонения и преждепрошедшего времени (плюсquamперфекта) (گذشته دور) изъявительного наклонения, в зависимости от временных отношений протасиса и аподосиса. Имперфект может также употребляться в условных предложениях, относящихся к будущему. Пример: *اگر موفق می شدم او را ببینم هیچ* *Если бы мне удалось его повидать, то ничего бы не случилось.*

Ю.А. Рубинчик считает, что вышеуказанный случай также относится к сослагательному наклонению. Он утверждает, что временные формы изъявительного наклонения могут использоваться для выражения значений сослагательного (Рубинчик 2001. 257). Х. Фаршидвард подчеркивает, что даже если глагольная форма не относится к сослагательному наклонению, саму конструкцию можно считать сослагательной (Фаршидвард 2003. 384–387)

5. Желательное значение форм сослагательного наклонения

Желательная ситуация — такая, которая не существует в реальном мире, однако к реализации которой говорящий относится позитивно. Желательное значение целесообразность действия с различными модально-экспрессивными оттенками, объединяющимися общим признаком волеустремления к осуществлению действия, но без прямой побудительности непосредственного волеизъявления (Новиков 2003. 518).

Само по себе сослагательное наклонение рассматриваемых языков не обладает оценочным компонентом: он привносится в текст с помощью контекста и специальных показателей — междометий, частиц и наречий. Реже желательное наклонение не сопровождается какими-либо специальными указателями. В русском языке сослагательное наклонение желательности использует широкий функционал нефинитных форм сослагательного наклонения — больше, чем в любом другом значении. Особенно характерны нефинитные конструкции с предикативами, существительными и инфинитивами. Рассмотрим несколько примеров в русском языке:

Пример: *Ах, если бы прохожие знали, кто сидит в этой шикарной машине за темными стеклами!* (А. Глебова. Раствор Челентано) — желательность проявляется благодаря междометию «ах».

Пример: *Не слышать бы мне ваших речей, старики и женщины, не видёть бы вас!* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев) — экспрессивность желания не маркирована ни частицами, ни междометиями. Огромную роль играет нефинитность сослагательного наклонения, более экспрессивная, чем стандартные формы наклонения. Здесь экспрессивность достигается также изящными фигурами — анафорой, синтаксическим параллелизмом и обращением.

Помимо желательного наклонения, Х. Фаршидвард выделяет в персидском языке наклонение молитвы, использующееся при обращениях к Богу, в

риторических и экспрессивных высказываниях, связанных с желаниями и мечтами.

Просьба-молитва образуется с помощью глагольных форм настоящего-будущего времени глагола в протасисе. В виде исключения возможно употребление глагольной формы в отрыве от предложения: *زنده باد ایران!* [*zende bād Irān*] *Да здравствует Иран!*, *زنده باشی!* [*zende bāšī*] *Будь здоров!*. В подобных конструкциях стандартная часть молитвы «молю Бога, чтобы ...» опускается (Фаршидвард 2003. 384).

Ю.А. Рубинчик выделяет в персидском языке отдельное желательное наклонение. С его точки зрения, желательное наклонение существовало только в языке классического периода, сохранившись в письменных памятниках преимущественно в формах единственного числа. В современном персидском языке остался лишь небольшой реликт данного наклонения: форма *باد* [*bād*] *да будет* — сокращение формы *بواد* [*bovād*] глагола *بودن* [*budan*] *быть*. Встречается также форма с постпозитивной восклицательной частицей *ا* — *بادا* [*bādā*] *да будет*, а также ее вариант с отрицательной приставкой *مبادا* [*mabādā*] *да не будет*. Последнее устойчиво употребляется как модальное слово со значением «не дай Бог», «как бы не» (Рубинчик 2001. 258-259).

Желательность в персидском языке может выражаться обеими глагольными формами сослагательного наклонения, маркируясь различными частицами, модальными словами и междометиями *اه* [*ah*] *ах* и *ای* [*ey*] *эй*. Наиболее распространена частица *کاش* [*kāš*] *если бы* и ее формы *کاشکی* [*kāški*] и *کاشکه* [*kāške*] *если бы, хорошо бы* (Рубинчик 2001. 250). Также возможно использование модальных слов, таких как *بگذار* [*begozār*] *пусть*, *خدا نکند* [*xoda nakonad*] *не дай Бог*, *مبادا* [*mabādā*] *чтобы не* и др. для придания большей экспрессивности желательности:

Пример: *خدا نکند قطار دیگری را سوار شده باشم!* *Не дай Бог мне сесть на другой поезд;*

Пример: *ای کاشکی با دوستم ملاقات می کردم!*; *O, если бы мне встретить друга!*;

Х. Фаршидвард подчеркивает, что в персидском языке в ряде случаев формы императива, выражающие просьбу, приказ или требование, также могут выражать желательное значение (Фаршидвард 2003. 387).

6. Прагматическое значение форм сослагательного наклонения

Формы сослагательного наклонения в прагматическом значении, как правило, используются для снижения категоричности утверждений говорящего или смягчения утверждения о намерениях.

В русском языке употребление данного значения типично при глаголах «хотеть» и «хотеться», как правило, при 1-м лице, т.к. данное значение используется в основном в устной речи. Такие формы как «мы хотели бы», «я хотел бы» плотно вошли в русский язык как клише официальных речей.

Пример: *Но мы хотели бы закончить весенний игровой отрезок вместе со специалистом, который привел нас к тому, что мы имеем на данный момент.* (Ю. Нестеренко. «Спартак» зовет к себе Черчесова)

Пример: *Маазель высказал очень конкретно и точно пожелания, какого жанра сочинение ему хотелось бы видеть.* (Родион Щедрин: «Даже самый очарованный странник всегда стремится в Россию»)

Прагматическое значение встречается также в форме 1-го лица при глаголах, выражающих различные речевые акты: *предположил бы*, *попросил бы* и др., причем в подобном контексте частица «бы» чаще находится в препозиции глаголу:

Пример: *Знаете, я бы вам очень посоветовал сейчас ничего не хотеть и никого не видеть.* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей) — сослагательное наклонение делает выражение более вежливым, уменьшая навязчивость говорящего дать совет.

Пример: *Но я бы попросил вас, Сергей Владиленович, разузнать, из каких источников или деньги на эти совершенно ненужные москвичам расходы.*

(Распечатка звонков на прямую линию с С.В. Кириенко) — формула «хотел бы попросить» звучит крайне вежливо и является общепринятым стандартом предварения вопроса в вежливом общении.

При глаголах подобной семантики (согласиться, сказать, посоветовать и др.) возможно также употребление глагольных форм сослагательного наклонения прагматического значения в контексте 2-го лица, иногда вкупе с глаголом *мочь*.

Пример: *Но не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?* (Ф.М. Достоевский. Бесы)

Нам не удалось обнаружить примеры прагматического значения сослагательного наклонения в персидском языке. Это связано с тем, что в русском языке прагматическое значение придается лексемам, либо употребляющимся самостоятельно и раскрывающим придаточное предложение, либо присоединяющим зависимые члены предложения. В персидском языке соответствующие русским эквивалентам персидские глаголы – گفتن [*goftan*] *говорить*, قبول کردن [*qabul kardan*] *принимать*, فکر کردن [*fekr kardan*] *думать*, خواستن [*xāstan*] *хотеть* – имеют, как правило, форму изъявительного наклонения, требуя после себя использование глагольных форм сослагательного наклонения в подчиненном предложении или же изъявительного наклонения в той же позиции.

Заключение

Глагольные формы сослагательного наклонения в русском и персидском языках весьма отличаются друг от друга, в большинстве случаев сослагательное наклонение русского языка переводится на персидский формами изъявительного наклонения — и наоборот. Глагольные формы сослагательного наклонения обладают разными наборами

словоизменительных характеристик, что делает сопоставление подобных глагольных форм крайне сложной задачей.

Кроме того, возможно провести некоторые сопоставления глагольных форм русского и персидского языка в рамках сослагательного наклонения: так, например, соотносится классическая глагольная форма на «-л» в сочетании с частицей «бы» / «б» с формой, сочетающей частицы *کاش* [*kāš*] *если бы* с настояще-будущим временем сослагательного наклонения (аористом). Тем не менее, некоторые формы несопоставимы в рамках сослагательного наклонения: например, сочетание частицы «бы» / «б» с предикативом «хорошо» и инфинитивной формой глагола не сопоставляется с персидским сослагательным наклонением, если действие относится к прошлому. Подобная семантика в персидском языке передается с помощью прошедшего длительного времени, которое относится к изъявительному наклонению.

Глагольные формы сослагательного наклонения обоих языков обладают ярко выраженным контрфактивным и желательным значениями. Однако мы не обнаружили в персидском языке прагматическое значение форм сослагательного наклонения, из чего можно сделать вывод, что подобное значение в персидском языке передается совершенно другими глагольными формами.

Одно из наиболее ярких значений сослагательного наклонения в русском языке — прагматическое значение, снижающее категоричность утверждений говорящего. В персидском языке примеры подобного значения сослагательного наклонения отсутствуют, а соответствующие русским эквивалентам персидские глаголы, выражающие мыслительные и речевые акты, обычно имеют форму изъявительного наклонения, требуя после себя использование глагольных форм сослагательного наклонения только в придаточном предложении.

Литература

- 1- Ахманова О.С. (2007). *Словарь лингвистических терминов*. –М.: Изд-во «КомКнига».
- 2- Добрушина Н.Р. (2016). *Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики*. Прага: Изд-во Animedia company.
- 3- *Национальный корпус русского языка* (электронный ресурс). Режим доступа: <http://www/ruscorgo.ru/> (дата обращения: 01.11.2017).
- 4- Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. (2006). *Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. Учебник для студентов вузов*. –М.: Изд-во «Аспект Пресс».
- 5- Рубинчик Ю.А. (2001). *Грамматика современного персидского литературного языка*. –М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- 6- *Русский язык: учебник для студентов высших педагогических учебных заведений* (2004). / под ред. Касаткина Л.Л., М.: Изд-во «Академия».
- 7- *Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студентов высших учебных заведений. В 2 ч. Ч. 2 Морфология. Синтаксис* (2006). / под ред. Дибровой Е.И., –М.: Изд-во «Академия».
- 8- *Современный русский язык. Учебник для вузов* (2006). / под ред. Валгиной Н.С., –М.: Изд-во «Логос».
- 9- *Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис* (2003) / под общ. ред. Новикова Л.А., –СПб: изд-во «Лань».
- 10- Фаршидвард Х. (2003/1382). *Дастур-е мофассал-е эмруз*. Тегеран: Изд-во «Сохан». (На фарси).
- 11- *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. — Т.1.* (2008). / под общ. ред. Тихонова А.Н., – М.: Изд-во «Флинта: Наука».

Bibliography

- 1- Ahmanova O.S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. –M.: Izd-vo «KomKniga».
- 2- Dobrushina N.R. (2016). *Soslagatel'noe naklonenie v russkom jazyke: opyt issledovanija grammaticheskoy semantiki*. Praga: Izd-vo Animedia company.
- 3- *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* (jelektronnyj resurs). Rezhim dostupa: <http://www/ruscorpora.ru/> (data obrashhenija: 01.11.2017).

- 4- Rahmanova L.I., Suzdal'ceva V.N. (2006). *Sovremennyy russkiy jazyk. Leksika. Frazеologija. Morfologija. Uchebnik dlja studentov vuzov*. –M.: Izd-vo «Aspekt Press».
- 5- Rubinchik Ju.A. (2001). *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka*. –M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN.
- 6- *Russkiy jazyk: uchebnik dlja studentov vysshih pedagogicheskikh uchebnyh zavedenij* (2004). / pod red. Kasatkina L.L., –M.: Izd-vo «Akademija».
- 7- *Sovremennyy russkiy jazyk. Teorija. Analiz jazykovykh edinic: uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij. V 2 ch. Ch. 2 Morfologija. Sintaksis* (2006). / pod red. Dibrovoj E.I., –M.: Izd-vo «Akademija».
- 8- *Sovremennyy russkiy jazyk. Uchebnik dlja vuzov* (2006). / pod red. Valginoy N.S., – M.: Izd-vo «Logos».
- 9- *Sovremennyy russkiy jazyk: Uchebnik: Fonetika. Leksikologija. Slovoobrazovanie. Morfologija. Sintaksis* (2003) / pod obshh. red. Novikova L.A., –SPb: izd-vo «Lan».
- 10- Farshidvard H. (2003/1382). *Dastur-e mofassal-e jemruz*. Tegeran: Izd-vo «Sohan». (Na farsi).
- 11- *Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponjatij. Russkiy jazyk: v 2 t. — T.1.* (2008). / pod obshh. red. Tihonova A.N., –M.: Izd-vo «Flinta: Nauka».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Шафаги М., Горячкова Т. Д. (2020). Comparative Analysis of the Forms of Subjunctive Mood in Russian and Persian Languages. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 8(2), 221-239.

DOI: 10.29252/iarll.16.231

URL: <http://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/120>

تحلیل مقایسه‌ای صورت‌های وجه التزامی در زبان‌های روسی و فارسی

مریم شفق^۱

استادیار زبان روسی دانشگاه علامه طباطبائی،
تهران، ایران.

تاتیانا گوریاچکوفسکایا^۲

کارشناس ارشد مترجمی زبان فارسی دانشگاه دولتی زبان‌شناسی مسکو،
مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۰)

چکیده

صورت‌های وجه التزامی در زبان‌های روسی و فارسی متفاوت است. در موقعیت شرطی در زبان روسی، معنای شرطی می‌تواند به زمان‌های گذشته و یا حال مرتبط باشد. معنای جمله شرطی در زبان فارسی به کمک چهار شکل با استفاده از صورت‌های زمانی فعل یعنی گذشته استمراری و گذشته دور وجه اخباری با توجه به روابط زمانی جمله‌واره‌های پایه و پیرو بیان می‌شود. در خصوص وجه آرزویی، در زبان‌های روسی و فارسی، وجه التزامی به‌خودی‌خود دارای مولفه ارزیابی نیست و به کمک متن و شاخص‌های خاصی از جمله اصوات، ادات و برخی قیدها وارد ساختار جمله می‌شود. در زبان فارسی، معنای آرزو و تمنا در وجه التزامی، وجه دعایی نامیده می‌شود که خسرو فرشیدورد از آن به‌عنوان وجه دعایی نام می‌برد و یو. آ. رویینچیک به وجه آرزویی در زبان فارسی اشاره می‌کند.

واژگان کلیدی: وجه التزامی، گذشته استمراری، ماضی التزامی، کاربردشناختی زبان، زبان فارسی، زبان روسی.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir

2. E-mail: tatyana.goryachkovskaya@mail.ru

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۴۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3>
نام و نام خانوادگی / مؤسسه:
شغل / نوع فعالیت: میزان تحصیلات:
نشانی:
تلفن:
کد پستی: صندوق پستی:
شماره‌های درخواستی از شماره: تا شماره تعداد
درخواستی از هر شماره: تاریخ:
امضاء	

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ / مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۶/۲۰۱۶ - ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آلکساندرنا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیرویچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله‌یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک‌یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی (دوفصلنامه علمی)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن‌پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن‌پترزبورگ، روسیه.
محمدرضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروقی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۲۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- جایگاه واژگان حرفه‌ای و تخصصی در نظام زبان
دانیل وادیمویچ ویناگرادف ۱۱
- بررسی ظرفیت معنایی واژه‌های *рисковий* (خطرپذیر)، *рисковой* (خطرناک) و *рискованный*
(پرخطر) در زبان روسی معاصر
نلیا ایوانووا استفانووا ۳۵
- «دشت شقایق» برمالای لاپاخین و «دشت‌های شقایق» امپرسیونیست‌های اروپایی (بر اساس نمایشنامه
«باغ آلبالو» اثر آ.پ. چخوف)
سوتلانا یوریوونا نیکالایوا ۵۱
- واقع‌گرایی معنوی به‌عنوان مقوله ادبیات‌شناسی
والری آکساندروویچ ردکین ۶۹
- رویکردهای زبان‌شناسی شناختی در بازنمایی‌های دینی در آثار سیاسی-اجتماعی و ادبی ل.ن. تالستوی
گریگوری والری بویچ توکارف / مرضیه یحیی پور ۸۷
- رویکردهای نظری و روش‌شناختی در شکل‌گیری زبان‌شناسی مهاجرت سوتلانا ویکتورونا شوستووا
روش فعال در آموزش واحد درسی «زبان روسی و فرهنگ گفتار» در دانشگاه
گالینا آناتولیوونا میخائیلواوا ۱۰۷
- ناول و اصلاحات ژانری مربوط به آن در اواخر سده نوزدهم و اوایل سده بیستم معصومه معتمدنیا
تصویر شرق در اشعار اولیه و.و. نابوکوف
رعنا میرزاخانوونا صافیولینا ۱۲۷
- عناصر زیباشناختی در گفتار: بر اساس رمان «جن‌زدگان» داستایفسکی پلنا ولادیمیراونا استپیانیان
هرمنوتیک، زبان‌شناسی متن و استخراج اطلاعات ضروری و مهم برای خواننده از متون آثار منظوم
الکسی ولادیمیرویچ مانیاخین ۱۶۵
- تحلیل مقایسه‌ای صورت‌های وجه التزامی در زبان‌های روسی و فارسی
مریم شفقی / تاتیانا گوریاچکوفسکایا ۱۸۷